

Александр Беляев

*Цветок
Тенгри*

Хроники затомиса

Александр Беляев

Цветок Тенгри. Хроники затомиса

«Издательские решения»

Беляев А.

Цветок Тенгри. Хроники затомиса / А. Беляев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835176-1

Главный герой оказывается в далеком прошлом, становится свидетелем планетарной катастрофы и становится исполнителем миссии, которую на него возлагает цивилизация, предшествующая человеческой.

ISBN 978-5-44-835176-1

© Беляев А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
ГЛАВА 1. Снова Ребенок	6
ГЛАВА 2. Сидхи	27
ГЛАВА 3. Таинственная миссия	59
ГЛАВА 4. Верхом на облаке	83
Конец ознакомительного фрагмента.	93

**Цветок Тенгри
Хроники затомиса
Александр Беяев**

© Александр Беяев, 2016

ISBN 978-5-4483-5176-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

ГЛАВА 1. Снова Ребенок

...Мальчик шел по темному грязному коридору, заваленному всяким хламом и ржавой водопроводной арматурой, и единственным светлым пятном в этом помещении безнадежной тоски была дверь в конце этого длиннющего каменного пенала. Единственное, что он осознавал, так это то, что надо как можно скорее дойти до этой самой двери, открыть ее и... тогда все разъяснится. А что, собственно, разъяснится? Нет, нет, только не думать, только идти вперед, сейчас этот проклятый коридор закончится, он возьмется за ручку двери и... а что и? И все разъяснится. Влекомый все нарастающей тревогой мальчик быстрыми шагами дошел до двери, открыл ее... За ней находился точно такой же коридор, заваленный все той же ржавой арматурой, битыми умывальниками, унитазами, деформированными велосипедными колесами. Они валялись то тут, то там и несколько затрудняли путь по коридору. А впрочем, по ним вполне можно было ступать. И снова эта светлая дверь впереди, и острое чувство ожидания: только бы скорее дойти, открыть и тогда все разъяснится... А что, собственно, разъяснится? Нет, нет, только не думать, только идти вперед, сейчас этот проклятый коридор закончится, он возьмется за ручку двери и... А что «и»? И все разъяснится! Влекомый все большей тревогой, мальчик быстрыми шагами дошел до двери, открыл ее... За ней простирался точно такой же коридор, заваленный все той же ржавой поломанной арматурой: битыми умывальниками, унитазами, деформированными велосипедными колесами. Они валялись то тут, то там и несколько затрудняли путь по коридору, а впрочем, по ним вполне можно было ступать. И снова эта светлая дверь впереди и острое чувство ожидания: только бы скорее дойти до нее, открыть и тогда все разъяснится. Но ведь он только что открыл точно такую же дверь и тоже ожидал, что все разъяснится, но ведь ничего не разъяснилось, да и что, собственно, должно разъясниться?

Только сейчас мальчик понял, что не знает не только того, что именно должно разъясниться, но не знает ни кто такой он сам, ни как он попал в этот коридор, ни что было с ним до того, как он здесь очутился, хотя он точно знал, что попал сюда только что. Да и вообще, существует ли в мире что-нибудь кроме этого заваленного всякой арматурой и хламом коридора? Ах да, есть мир, и он не то же самое, что этот коридор, коридор – это только малая часть мира, он внутри, а вокруг что-то еще! Правда он не помнит что, но ведь знал же, точно помнит, что знал! Значит если выйти из этого коридора, то он окажется в том месте, которое называется «миром» и там будет много всего... всего... А чего? Нет, не вспомнить, он чувствует, что весь переполнен какой-то информацией, какой-то памятью о чем-то огромном и важном, но только пока он находится в этом коридоре, ничего он не вспомнит и будет мучаться с каждым шагом все сильнее. Скорее, вперед, по этому хламу, сейчас, сейчас, вот дверца, вот дверная ручка, открываем – слава Богу, легко открывается и... Господи, то же самое! О нет, это невозможно больше терпеть, это невыносимая мука, опять дверь маячит впереди, опять манит, опять обещает! Мальчик, впадая во все большую и большую панику, продолжал бежать вперед, чтобы, открыв очередную дверь, вновь очутится перед точно таким же коридором с маячащей дверью впереди. А может, вообще ничего нет, кроме этого коридора? Нет, есть, он не может пока ничего объяснить, но точно знает, что есть! Ну вот, еще стало жечь в области груди... Оказывается что-то висит у него на шее и ни с того, ни с сего начало жечь. Ах, это же ониксовый медальон, подаренный Единственной! Мальчик встал, как вкопанный, пораженный этим словом, и схватился рукой за горячий астральный медальон...

В этот момент коридор лопнул, и мальчик очутился в море света.... Это и есть мир? Господи, как же он прекрасен!

Мальчик висел в воздухе (что его несколько не удивляло) и, потрясенный, разглядывал удивительную картину, которая неожиданно открылась его взору. Перед ним простирался потрясающей красоты горно-лесной ландшафт, далеко внизу протекала бурная речка, он хорошо видел, что его голые по коленки ноги висят над пропастью, а там, внизу, узкий, клочущий среди камней поток. Справа и слева от него – отвесные скалы, между которыми как раз и протекала река, скалы эти сверху поросли смешанным лесом, вокруг море тайги, а где-то у горизонта – туманные горные пики, кое-где покрытые шапками белых снегов. Вот он какой, остальной мир! А где же коридор? Ах да, он же лопнул, как только мальчик потерял неожиданно нагретый медальон. Тут он вспомнил, что зовут его Андрюша Данилов.

На всякий случай мальчик завертел головой, чтобы убедиться, что источник его недавнего кошмара не притаился где-то рядом, и неожиданно увидел метрах в пятидесяти от себя худого красивого мужчину и полураздетую девушку со стрижкой под мальчика. Они сидели на небольшой каменистой площадке у самого обрыва и с явным изумлением тарасились на Андрея. При этом мужчина был до боли знаком, хоть Андрей и не мог припомнить, где его видел, и так же, подобно Андрею, теребил висящий на шее маленький предмет, правда, что это такое Андрей так и не смог разглядеть. Вся эта сцена продолжалась какие-то считанные мгновения, мальчик, кроме того, что вспомнил, как его зовут, не успел ни толком удивиться, ни испугаться от того противоестественного положения, в котором он очутился (уж какой там страх после этого кошмарного тоннеля на фоне полного беспомощности), как вдруг перед ним возникло нечто, так же висящее над каньоном, которое Андрей идентифицировал, как пространственное окно (отчего оно возникло, он так и не понял). В этом пространственном окне он увидел больничную палату и койку, на которой спал или просто лежал тот самый мужчина, сидящий на корточках у края каньона, но только тот, в окне, (как и вся обстановка в палате) был зыбкий, призрачный, словно бы наблюдаемый через постоянно колеблющуюся прозрачную пленку, в то время, как сидящие на скале мужчина и женщина были вполне отчетливы и материальны. Есть ли кто еще в этой палате, Андрей не успел разглядеть, поскольку почувствовал, что его затягивает в это окно некая невидимая сила. Последнее, что донеслось до его сознания из этого полноценного, красочного мира, это легкий хлопок и звук посыпавшихся по уступам камней, падающих затем в воду. В следующий момент Андрей уже стоял в этой самой палате, пялился, никем не зримый, на своего взрослого двойника из магистрального потока времени и событий и прекрасно осознавал и свое состояние, и кто он такой, и как сюда попал. Он находился в состоянии астрального выхода, и только что с Аней Ромашовой (ее душой что ли?) – удивительной девочкой, с которой он познакомился совсем недавно в Трускавце, они шагнули в ворота песчаного замка Вечности, и после некоторых перипетий полета в черном пространстве, он очутился здесь, в больничной палате. Вначале все было нормально, пока он с чего-то не подумал, что должен сделать что-то здесь, около физического тела своего взрослого двойника. Как ни удивительно, сама эта мысль привела к совершенно необъяснимым результатам. Он еще даже не успел вспомнить, что именно должен здесь сделать, как в то же мгновение лишился памяти, самоидентификации и оказался в том жутком тоннеле, из которого только что чудесным образом выбрался.

И вот он снова здесь, помнит, кто он, где он. А зачем? Все очень просто, он должен прочитать над телом этого спящего юноши стихотворение, на слова которого астральная Аня Ромашова пела для него песню у моря Вечности. При этом, как она объяснила, эти слова придумал он сам, но уже взрослым и в другом пространственно-временном потоке. Наверное, этот самый юноша и придумал. Зачем это надо сделать Андрей не понимал, но твердо знал, что сделать это надо обязательно. При этом хоть он и слышал эту песню из уст Ани всего один раз,

тем не менее, слова четко отпечатались в его памяти, словно он услышал их не совсем недавно, а знал всю жизнь или действительно сам их сочинил.

Помнишь из детства
Света пургу,
Мальчик и девочка
На берегу...

«Зачем я это делаю? – подумал Андрей, – откуда у меня эта твердая уверенность, что это сделать необходимо? А впрочем, во сне мы тоже часто делаем какие-то вещи, которые не можем объяснить, а все, что со мной сейчас происходит – это какая-то особая разновидность сна, каких я раньше не видел никогда. Да, кстати, Аня говорила, что этот мой взрослый двойник запутался и ему надо помочь, а чем помочь, я как не знал, так и не знаю. И еще, что этому взрослому Андрею необходимо встретиться с взрослой Аней, с которой они почему-то никак встретиться не могут. Но я что тут могу сделать? Я ведь сейчас что-то вроде призрака и меня даже никто увидеть не сможет. Или сможет? Кстати, а почему этот Андрей в больнице лежит? Наверное, он серьезно болен, вон какой бледный и исхудавший. Стоп! Но если я во сне нахожусь, то этот взрослый Андрей – тоже мой сон. А значит и палата, и болезнь его...»

Андрей (имеется в виду младший) начал внимательно оглядываться (он так и не понял, зачем прочитал это стихотворение – ничего вокруг не изменилось, и взрослый, заросший щетиной, как спал, так и продолжал спать), пытаясь выявить признаки того, что эта палата ему снится, но не смог. Все вокруг выглядело очень натурально и естественно, и если бы не мистическая прелюдия, предшествовавшая его здесь появлению, можно бы было подумать, что он просто шел по улице и решил навестить больного. А потом с ним случился странный приступ и он очутился, все обо всем забыв, в тоннеле, затем над пропастью каньона, и его явно заметил и с интересом наблюдал тот самый человек – он сам через много лет – который сейчас лежит перед ним, а к нему самому вновь вернулась память и критическое осмысление действительности.

«Зачем я прочел это стихотворение? – недоумевал Андрей, – может я рассчитывал на то, что он проснется, и мы сможем поговорить?»

Андрей еще раз огляделся и тут его внимание (непонятно почему) привлекло небольшое, замызанное зеркало в простой раме, которое висело на стене палаты. Андрею захотелось посмотреться в него, у него мелькнула мысль, что если эта чрезвычайно правдоподобно выглядящая палата не его сон, то он, находясь в состоянии призрака в реальном мире, не должен увидеть свое отражение. Он быстро подплыл к зеркалу (именно подплыл, что еще раз подчеркивало его призрачность, поскольку у моря Вечности он ходил, как обычно) и к своему изумлению обнаружил, что из зеркала на него глядит отражение, но это не был он сам: это было отражение все того же взрослого Андрея, только какого-то средневекового, атлетически сложенного, в тонкой работы блестящей кольчуге, с драгоценным коротким кривым мечом за поясом (подчеркнем, что бахрецов, одевающихся поверх кольчуги на нем не было). Глаза, правда, у этого отражения были закрыты, как и его худого небритого прототипа на больничной койке.

«Ну, вот и доказательство, – подумал Андрей, – конечно, эта палата мне снится, как и море Вечности, и замок из песка, правда Аня называет это астральным выходом, в котором надо, в отличие от обычного сна выполнить определенное задание».

Чтобы проверить свои ощущения еще раз, Андрей прикоснулся пальцем к поверхности зеркала. Ощущение было вполне правдоподобным, но в этот момент отражение (правильнее – изображение) в зеркале открыло глаза и в его темных зрачках вспыхнули отблески пламени, словно бы пронзив Андрея насквозь. В тот же момент он почувствовал, что его втягивает это самое зеркало, он не очень испугался, поскольку его точно так же совсем недавно втягивала

входная дверь замка вечности. Последнее, что он успел запомнить, это то, что он въезжает в изображение своего двойника в кольчуге...

.....
Мальчик проснулся от назойливого солнечного луча, который проник в комнату через щель между шторами и трепетно заплясал на его веках.

Дневное сознание включилось сразу, и не было ощущения постепенного перехода из сна в явь, хотя перед мысленным экраном Андрея какое-то время продолжала держаться совершенно явственная картина больничного зеркала, куда он «въехал» навстречу своему взрослому двойнику. Да и вообще, все предшествующее словно бы только что происходило с ним в действительности, и не было никакого сна, но было удивительное путешествие по какой-то иной реальности, детали которого он запомнил во всех подробностях. Андрей вылез из постели и сел на край кровати. Помимо необычного сна, в котором к нему вначале приходила недавняя знакомая, а затем он посетил себя самого через много лет в больничной палате, было еще одно необычное чувство. Его было трудно адекватно передать, все слова подходили лишь приблизительно, и самое подходящее определение этого чувства можно было сформулировать следующим образом: в него словно бы что-то вставили. Вроде бы он оставался тем же самым десятилетним Андрюшей Даниловым, учеником, закончившим пятый класс Ленинградской общеобразовательной школы №180 – и в то же время он был не им... Вернее, не так: он был собой, но к нему тому, что был до сегодняшней ночи что-то прибавили. И не просто прибавили какую-то малость, но нечто огромное, гораздо большее, чем был он сам до сего момента. Это нечто, эта неведомая вставка словно бы распирала все его существо, и тем не менее ничего положительного, фактического об этой вставке он сказать пока не мог. Словно что-то важное знал, но забыл. Причем, не какую-то мелочь, допустим географическое название или фамилию папиного начальника, нет, он забыл целую длинную череду событий, можно сказать, целую жизнь, если не больше...

Андрей судорожно начал вспоминать, что бы он мог забыть такое грандиозное, однако с удивлением обнаружил, что вроде бы все факты своей десятилетней биографии он хорошо помнит – и свое раннее детство на улице Щорса в Донецке, и свои школьные годы на Пискаревском проспекте в Ленинграде. Вроде бы никаких купюр, никаких провалов, голова, кажется, даже ясней, чем раньше, и вспоминаются такие мелочи, о которых он периодически то вспоминал, то забывал. Нет, это не провалы в памяти, это что-то другое. Так что же это, если так отчетливо держится чувство забытого? Наверное, это связано с теми необычными событиями, которые произошли сегодня ночью! Именно событиями, поскольку все было словно в реальности, а не во сне, хотя, с другой стороны, с точки зрения внешнего наблюдателя он спал, как обычный человек! Да, но что здесь необычного? Это происходило с ним множество раз, не так давно он стоял на стене Колизея и беседовал с черным магистром... Стоп, какой Колизей, какой черный магистр?!.. А еще раньше, лет пятнадцать назад он с ним беседовал на крепостной стене Андимосквы-Друккарга...

Да что же это за воспоминания такие, какие «пятнадцать лет назад»?! Ему же всего десять лет, да и слыхом он не слыхивал ни о каком Друккарге и черном магистре! Одно дело – фантазии, он раньше постоянно фантазировал, но ведь себя же не обманешь, он точно знает, что это было, хотя, с другой стороны, так же точно знает, что с ним этого просто не могло быть!

Наверное, это и есть содержание той самой вставки, которая ощущается с момента его пробуждения, хотя, откуда она появилась, и что там в ней, помимо тех странных фактов, которые неожиданно всплыли в его памяти, пока было не ясно. Правда, он впервые в астрале побывал (хотя воспоминания свидетельствуют о другом), может после подобных путешествий так и должно быть? Но возможно именно так сходят с ума! Тем более за эти неполных три дня произошло немало и других чудес, которые с точки зрения здравого смысла и всего предыдущего жизненного опыта можно объяснить только его сумасшествием. Почему же его это совсем

не пугает? Ведь, что может быть страшнее, чем сойти с ума! Однако он почему-то твердо знал, что это не сумасшествие, все происходило в действительности и, мало того, он прекрасно знает природу того, что с ним происходит, вот только в данный момент забыл объяснение. Надо будет у Ани спросить, у нее так же все происходило или нет! Да, кстати, перед тем, как они расстались, она сказала, что проведет его в одно место. И действительно он оказался во сне в этом месте, и Аня из сна сказала, что именно это она имела в виду. Что ж, получается, он видел этот необычный сон, а она тоже спала и пришла в его сон? Как же такое может быть? Тем не менее в душе Андрея жила все та же непонятная уверенность, что очень даже может быть, и лично с ним это не раз происходило: например не так давно он приходил в сон Гали, а затем из сна они перебрались в промежуточное состояние между его сном и между ее... Стоп, какая Галя?! Он не знает никакой Гали, тем более взрослой! Тем не менее, он прекрасно помнил, как она выглядит, при этом, точно зная, что никакой взрослой Гали Лисовской среди его знакомых и знакомых его родителей не было.

«Так, – подумал Андрей, – надо обо всем Ане рассказать, и если она тоже помнит и это море, и этот замок из песка, значит, все это было на самом деле и это не сон, ведь не может же быть, чтобы два человека видели один и тот же сон! Раз уж она такая необычная, особенная, то пусть объяснит, что со мной (или с нами) происходит».

Андрей оделся, прошел к двери – было совсем рано, и мама еще спала. Не понятно, чего это он встал ни свет, ни заря, обычно в каникулы он дрых до 10—11. Андрей вышел в сад, вымылся, почистил зубы (рукомойник с туалетом были в саду) и стал прогуливаться в ожидании своей новой знакомой, которая, как он знал, так же встает очень рано и проводит в саду свои таинственные манипуляции.

«Медитирует», – всплыло в его сознании... кстати, а что значит это слово, он его вроде бы раньше ни в школе, ни дома не слышал...

К своему удивлению он тут же вспомнил, что означает слово «медитация», мало того, на память непонятно откуда пришли описания множества медитационных техник, как то: медитация на мантрах, медитация на чакрамных тантрических янтрах и мандалах, медитация на дуплекс-сферах, буддийская медитация на пустоте-шунье, медитация на отрицании нетти-нетти и положительная «со ахам», тибетская медитация на объемных ментальных образах бодхисатв и на Калачакре, на стихиях-царствах, на переходном состоянии предсна, метод «стрелка из лука», исследовательская Сампражната и неисследовательская Асампражната... и т. д. и т. п. – то есть все то, чего знать Андрей в свои десять лет никак не мог, да и книжто подобных в глаза не видел. Но фокус был в том, что мальчик не только хорошо знал все эти названия и направления, но и прекрасно понимал, как все это надо проделывать, хотя многим из этих видов медитационных техник даже трудно было бы подыскать соответствующее словесное описание. В общем, создавалось впечатление, что все это Андрей основательно практиковал прежде, хотя, как это было уже не раз за сегодняшнее утро, в противовес этому он прекрасно сознавал, что ни чем подобным никогда не занимался, и мало того, даже слова такого «медитация» не знал раньше. Впрочем Андрей уже устал удивляться и пугаться того, что с ним происходило в это утро (кстати, и в эту ночь тоже), нужно было дожидаться Аню, она все объяснит, наверняка она каким-то образом повлияла на его сознание, загипнотизировала (как при разговоре с умной грушей) в результате чего и произошли все эти необъяснимости, которых в своей недолгой жизни он не только не испытывал, но даже понятия не имел об их существовании.

– С добрым утром, – вдруг проскрипел то ли в ушах, то ли в сознании Андрея знакомый голос, – ты меня звал?

– Я звал?! – вслух поразился Андрей, – я вообще молчал!

– А ты думал, для того чтобы позвать утонченное существо, витающее в мире музыкальных образов, надо обязательно орать, как ненормальному, как моя хозяйка орет, когда зовет

внука с улицы обедать? Я думала, что после нашей позавчерашней беседы ты изменил обо мне свое мнение!

– Так ты груша?! – наконец дошло до Андрея, но как такое может быть?!

– Что, «может быть»?

– Ну, то, что я тебя слышу!

– Так чего ж тут удивляться, мы же позавчера битый час с тобой разговаривали, и тебя это не удивляло.

– Понимаешь, позавчера Аня сделала так, что я тебя стал слышать, при этом я как бы сам мысленно в дерево превратился и полностью представил себе его мир и образ его мыслей и чувств. Опять же, без Ани у меня ничего бы не получилось, но сегодня мне никто не помог, мало того, я вообще ни в какое состояние не входил, просто думал о своем и случайно, о вчерашнем дереве вспомнил, и оно тут же отозвалось...

– Знаешь, – недовольно проскрипела груша, – мне не нравится, когда обо мне говорят в третьем лице, тем более, среднего рода, в то время как груша – женского рода. Я живое существо, тонко чувствующее, и вполне отчетливо ощущаю себя женщиной бальзаковского возраста. Правда те безмозглые яблони, которым без году неделя, называют меня «старушкой», но это только с целью лишний раз меня уколоть и оскорбить, поскольку их недалекий интеллект не позволяет им нанести тонкую, изысканную обиду. Ну, а мне с ними и вовсе не о чем говорить, у них один ветер в голове, к тому же из яблони никогда ни мебель, ни музыкальные инструменты не делаются, и кроме плодов и печки они ни на что не годятся. Да и плоды то! Тьфу ты, тоже мне, фрукт: кислая, твердая как камень антоновка! Ее мочить разве что и больше никуда она не годится, зубы сломаешь! То ли дело мои дюшесины нежные!

– Ну, почему же, – обиделся за яблони Андрей, – антоновка ароматная и хранится дольше всех, и для гуся с яблоками антоновка лучше всего.

– Верно, верно, – вмешались неожиданно в их разговор два новых голоса, говорящих почти синхронно, – антоновка – один из самых ароматных и стойкий сортов, наши плоды до нового года хранятся без всякой консервации, при этом не теряя своих свойств и витаминов, а твои дюшесины через две недели надо на помойку выбрасывать, к тому же нас можно до самых северных широт сажать, где уже больше никаких фруктовых деревьев не растет, а ты – неженка избалованная, даже в средней полосе нормально плодоносить не можешь! И черви твои плоды в несколько раз больше нашего жрут. А гонору-то, гонору!

– Вы закончили? – выдержала театральную паузу груша. – Я бы вообще промолчала, о чем с вами, необразованными крестьянами разговаривать, кроме как о севообороте, культивации да способах хранения урожая, но мне не хотелось бы, чтобы наш чувствительный гость принял мое молчание за отступление утонченного существа перед хамством и наглостью. Не хотелось бы вступать с вами в бессмысленную перепалку, все равно глупо метать бисер перед свиньями, но, перефразируя известное евангельское изречение (вы и слова-то такого не знаете): кесарю – кесарево, а слесарю – слесарево. Что поделаешь, если утонченное хрупко и прихотливо – отсюда и моя склонность к теплу, и особая изысканная нежность моих плодов, не предполагающих длительное хранение. Кстати, плоды – это можно сказать, так, побочный продукт, истинное мое призвание – музыка! Что б вы знали, из груши нижнюю часть своих скрипок и виолончелей и Страдивари, и Гварнери, и Николо Амати делали! Да, что я вам говорю, вы не то, что таких имен, вы и слов таких – скрипка и виолончель – не знаете. Это вам не грабли с лопатами!

– Ой-ой-ой, завоображала, умная больно, – заверещали молодые яблони. – Материал для скрипки хренов! Да тебя если не в следующем году, то через год сожгут за профнепригодность. Посмотри, сколько дюшесин на тебе – раз, два – и обчелся! Наша хозяйка дармоедов держать не будет, увидит, что ты выродилась и все, кирдык – под топор и в печку! И никто из тебя не то, что скрипку – табуретку не сделает, тут тебе – не там! В тебе дупла и скрипишь на ветру, как

несмазанная телега, вот и вся твоя музыка, а если древние мастера и делали из груши музыкальные инструменты, так то – иностранные груши, особого сорта, так что не лезь со свиным рылом в калашный ряд! Мы хоть не выпендриваемся, да свое дело знаем, и снос нам в ближайшее десятилетие не грозит, у нас с урожаем – все тики-таки! Знаешь загадку: висит груша – нельзя скушать? Так это про тебя!

– Это мы еще посмотрим, – окрысилась оскорбленная груша, – все у них тики-таки! А в прошлом году у кого все завязи тля пожрала? Да на вас смотреть было противно, стояли, словно вас машинным маслом облили! – было видно, что груша все больше скатывается со своих музыкальных эмпирей до обычной коммунальной перепалки.

– Ну и что, это не наша вина, нас хозяйка окуривать поленилась, а твои завязи даже тля жрать не хочет!

«Ну все, – подумал Андрей, – полный улет, груша с яблонями грызется как бабки в очереди за колбасой. Что ж, выходит, я теперь это постоянно слышать буду? Это ж совсем свихнуться можно! Ладно, в саду, где всего десяток деревьев, но представляю, что в лесу творится, если они так постоянно друг с другом базарят!»

Тут Андрей осознал, что слушать эту галиматью вовсе не обязательно, достаточно настроится на другую волну, и частоты общения деревьев останутся вне его восприятия. Он мысленно передвинул в своем сознании некий воображаемый тумблер, и тут же перестал воспринимать скандальную перепалку двух яблонь и груши, при этом, прекрасно сознавая, что раньше ничего подобного не делал.

«Век бы их не слушать! – мысленно выругался Андрей.

– Эх-эх-эх, – что бы ты знал о вечности! – вторгся в его мысли дремотный голос, длинно растягивающий гласные.

Андрею показалось, что эти интонации он уже слышал раньше. Ну, конечно, когда он десять лет назад общался с Дьюрином, который вышел из Синь-камня... Так, опять! Какой Синь-камень, какой Дьюрин, какие десять лет назад, он же десять лет назад только родился! Тем не менее, Андрей четко осознавал, что с ним разговаривает большой речной булыжник, украшающий, наряду с другими камнями и декоративными корягами трехъярусный цветник, как это особенно было модно в Прибалтике.

«Так, спокойно, ничему не удивляться! – прокомментировал это новое внедрение в его сознание Андрей. – Пока Аня не объяснит, что со мной, прими это, как данность. А собственно, чего я так перепугался? Это ведь потрясающе! Я свободно могу разговаривать с деревьями и камнями, к тому же без всяких Аниных гипнозов: просто надо тумблер в голове передвинуть – и порядок. А ведь это я совершенно произвольно открыл, я даже сам не знаю, какие во мне скрытые возможности дремлют! Судя по всему, эта неведомая „вставка“ еще много сюрпризов мне готовит. Откуда же она появилась? Почему-то кажется, что если бы это Аня сделала, то она бы предупредила. Что ж, теперь выходит удивительные возможности Ани – не такие уж и удивительные, возможно я теперь имею куда более грандиозные силы и знания, которые скрыты в этой „вставке“, ведь она показывает свое содержимое потихоньку, малыми порциями... Нет, просто голова кругом идет, какие ж это теперь горизонты передо мной открываются! Даже подумать жутко. Еще недавно я разговаривал с деревьями понарошку, а теперь могу все это делать взаправду: и с деревьями, и с камнями, и Бог его знает с кем и с чем еще!»

– О вечности я может быть, пока, немного знаю, – как ни в чем не бывало, вступил в разговор с камнем-философом Андрей, – но думаю, что знаю и умею много такого, о чем ты и понятия не имеешь. Да и вообще, что ты можешь здесь такого узнать, годами лежа в одном месте и слыша разве что постоянную брань грубых яблонь и утонченной груши! Ах да, ну раньше ты еще около какой-то речки лежал и случайно мог подслушать, о чем рыбы и речные водоросли болтают. Но не думаю, что это какая-то особо ценная информация.

– Ну конечно! – голос камня явно сквозил иронией и сарказмом, – какие глубокомысленные выводы может сделать мотылек-Поденка, кружа вокруг ветвей трехсотлетнего дуба! Думаю, они неутешительны, стоит поглядеть на корни, но что еще можно ожидать от однодневки! Она считает, что если имеет возможность бесцельно покружиться вокруг в радиусе нескольких километров за те жалкие сутки, которые отпущены ей провидением, то она уже и венец эволюции! Да любое деревце имеет возможность ментально путешествовать в несравненно более значимых масштабах.... Если же сравнить временные рамки существования упомянутого дуба с моими рамками, то в качестве мотылька Поденки выступает уже этот самый дуб. Кстати, если даже говорить о чисто физических перемещениях, что в моем представлении является крайне примитивным способом передвижения, то даже они за сотни миллионов лет моего существования куда масштабнее, чем мог себе позволить ты за свои жалкие десять лет от рождения.

«Слышал я уже все это когда-то, – подумал Андрей, предусмотрительно сдвинув внутренний тумблер на частоты, неуловимые для частот общения объектов минерального царства, – точно знаю, что тот камень, воспоминания о котором из моей чудесной вставки пришли, тоже все о вечности и о достоинствах стационарного существования разглагольствовался. Да, кстати, я помню, что тогда разговаривал не с самим камнем, а как бы представителем от него, которого звали Дьюрин.... Ах да, это такой человечек с бородой и остроконечной шапочкой, как обычно в сказках гномов изображают. Это как бы дух камня – собственно он-то и живой, а вся оболочка мертвее мертвого».

Затем Андрей переключил частоты восприятия на диапазон минерального царства и возразил заносчивому булыжнику:

– Что-то мне не верится, когда тебя последний раз двигали? Ты вон, весь мхом порос, а это говорит о том, что тебя последний раз сдвигали с места много лет назад. Кстати, и это тоже далеко не то, что двигаться самому. Да я за это утро только сделал больше движений, чем ты за свои миллионы лет.

– Какая самонадеянность! – фыркнула «декоративная деталь ландшафта». – Да я в таких краях побывал, о которых ты и слыхом не слыхивал.

– Что-то не верится, – мысленно усмехнулся Андрей, решив приколоться над камнем, – это разве что когда тебя на самосвале с берега или из карьера везли что ли? А так, какому здравомыслящему человеку ворочать тебя в голову придет. Тем более – какому-то животному. Разве что олень тебя случайно с места сдвигал, когда рога точил, или медведь, когда бок чесал во время линьки!

– Какой примитивизм! – гордо отчеканил камень, – да по мне можно геологические эпохи изучать и подвижки земной коры! Вкратце для бестолковых, которые не способны столь сложные умозаключения делать, анализируя мой внешний вид и химический состав, могу пересказать сою одиссею.

Родился я... не важно, сколько миллионов лет назад – в конце концов, мужчине столько лет, на сколько он себя чувствует – так вот, родился я из земной мантии, из горячей магмы в составе горного хребта (тогда я особенно из серой массы не выделялся) на Архипелаге Арктида. Что, небось, не слышал о таком континенте? Так и не мудрено, он давно в океанические воды погрузился, когда сдвиг магнитного полюса Земли произошел. Арктида была там, где сейчас северный полюс расположен, а когда-то там и деревья росли и всякие подвижные твари обитали. И вот однажды меня выделили из этой серой массы (в те времена я плохо свою индивидуальность осознавал) и вышвырнули на много сот метров в воздух вместе с пеплом, огнем и лавой во время извержения вулкана. Так что мне в начале индивидуального существования и полетать пришлось. Интересно, можешь ли ты тем же похвастать? Ну, а потом много на своем веку повидать пришлось. Арктида в океан ушла, поэтому мне немало тысячелетий на океаническом дне пролежать выпало и всякого там пережить на глубине в несколько километров,

чего тебе и не снилось. Затем – тектонические подвижки, расползание материков, короче, очутился я на суше материка Евразия. Потом – всеобщее похолодание, ледник, понимаешь, и меня с огромной массой льда и снега до территории центральной Европы с ветерком докатило. А уж там меня и в качестве строительного материала вы, люди, использовали, и в качестве снаряда для катапульта... ну, а на настоящий момент я на территории цветника тружусь декоративным элементом. Надеюсь и это не мое последнее прибежище. А сколько лишений, сколько потерь! Думаешь, я всегда таким недоростком был? Да я, когда меня из жерла вулкана в большую жизнь выпалили, в несколько раз больше этого дома был! Увы, невзгоды изрядно мои бока пообтесали!

Так что, мой сенситивный друг, я не одну тысячу верст на своем веку намотал! Ну, а теперь прикинь, сколько за это время жизненных формаций сменилось. А вся ваша человеческая цивилизация? Да когда ваши предки с деревьев слезли, я уже был преклонных лет камнем, и к тому времени, когда ваша шумная, суетливая компания исчезнет с лица земли, я буду все тем же и даже не постарею существенно. А теперь подумай с высоты моего бессмертия, как смешно мне смотреть на какого-нибудь Цезаря, Чингисхана или Наполеона, объявляющих себя властелинами мира и думающих о собственной персоне, как о самом важном объекте во вселенной. Да мы, камни, самые истинные властители мира и есть. Если ты считаешь, что вы, люди, над нами власть имеете лишь потому, что можете обрабатывать и использовать нас в своих целях, то, уверяю, ты глубоко заблуждаешься. Вспомни моих не таких уж дальних родственников – алмазов, рубинов, сапфиров, изумрудов и шпинель, а так же всякую полудрагоценную братву, наконец. Да люди ради них готовы на любые преступления, любые безумства. Сколько вы собственной крови ради обладания камнями пролили! А потом еще считаете себя владельцами драгоценностей! Да они, мои родственники, ваши настоящие господа и крутят вами, как хотят. Вот кто истинные властелины этого мира! Кем бы те же самые Чингиз-Хан, Цезарь, Наполеон и все остальные власть предрежащие, без этих камешков были? Да никем! Если бы ими драгоценные камни не управляли, они бы и армий своих собрать не смогли.

– Что ж, – сказал Андрей, отчасти соглашаясь с доводами булыжника, – что касается редких камней, тут, очевидно ты где-то прав. Но только ведь сами по себе они никакими драгоценностями не являются, их люди таковыми сделали, и без людей они ничто! А потом, сомневаюсь я, что какой-нибудь бриллиант в тебе близкого родственника признает, сдается мне, что ты без особых на то оснований к их славе примазался. И все-таки, мне кажется, простому булыжнику нечего перед этими блестящими безделушками комплексовать, от них ведь практического толку никакого, а булыжники, гранит и всякие там известняки – прекрасный строительный и декоративный материал, и для человека с точки зрения реальной пользы куда ценнее, чем какие-то маленькие сверкающие камешки-безделушки.

– И то верно! – тут же подхватил эту мысль декоративный булыжник, – спасибо, что вспомнил! Конечно, в нас простых серых работягах куда больше пользы, чем во всех этих маленьких сверкающих задаваках! Я просто твою объективность хотел проверить.

«Как же он легко, – подумал Андрей, поставив тумблер восприятия вне зоны минерального царства, – изменил своим драгоценным родственникам, стоило лишь немного ему подыграть. Откуда же у этих неодушевленных (как я до недавнего времени считал) предметов и деревьев такое самомнение? Что груша, что яблони, что булыжник – все считают себя венцом мироздания и любое свое качество, полученное от природы, допустим, долговечность – тут же объявляют самым важным свойством на земле. Нет уж, такую долговечность мне и даром не надо! 70—80 лет человеческого существования в миллион раз ценнее, чем миллионы лет в качестве камня. Кстати, а почему, собственно, 70—80 лет? Андрей вдруг на уровне какой-то глубокой уверенности осознал, что бытие его не ограничивается биологической жизнью этого тела – нет, он, можно сказать, вечен, и душа его, которая собственно и является его «Я», меняла свои обличья и места пребывания множество и множество раз на протяжении тысяч,

а возможно и миллионов лет, то есть по древности весьма сопоставима, если не древнее, этого хвастливого бульжника!

«Кстати, – мелькнуло в голове Андрея, – эта загадочная вставка каким-то образом занесена в мое сегодняшнее сознание именно из этих иных существований души».

Охватившее его чувство было настолько сильным и убедительным, что Андрей даже удивился, как он мог до сего момента считать своим я это хрупкое, мимолетное тело, существование которого исчезающе незаметно в масштабах вселенной. Нет, его Я – грандиозно, сопоставимо с грандиозностью космоса, и это Я уже содержит все необходимые знания, до них надо только добраться, и то, что с ним сейчас происходит – это и есть осознание своей истинной природы.

«Кстати, – подумал Андрей, – насчет оболочек. Я ведь не с самими деревьями и камнем разговаривал. Это были их души, и если говорить об общении на уровне душ, то никакого временного преимущества их души по сравнению с моей не имеют, наоборот, моя душа прошла куда более длинный эволюционный путь, чем души камня или дерева. А интересно, смогу ли я увидеть тех, с кем в действительности общался, а не их неподвижные оболочки?» -Неожиданно Андрей понял, что знает, как настроить свое восприятие таким образом, чтобы видеть зримые формы тонкого плана, не видимые обычными глазами: принцип был такой же, как настройка слухового восприятия – то есть сдвиг некоего ментального тумблера, управляющего резонансным восприятием зримых образов разного спектра частотности, у этого тумблера даже есть специальное название «точка сборки». Вот какими сложными фразами и понятиями он вдруг стал мыслить, а ведь еще вчера подобный мысленный монолог никак не мог родиться в его голове. Господи, неужели тот Андрюша Данилов буквально трехдневной давности и нынешний – это один и тот же человек?! Тут же совершенно масштабы несопоставимы! И, тем не менее, при всей пропасти, что пролегла между прошлым и сегодняшним, он продолжает осознавать себя собой, словно и не изменилось ничего, словно просто взял и вспомнил то, что когда-то знал, да забыл при рождении, и не помнил вплоть до сегодняшней ночи!

«Посмотрю-ка, – подумал Андрей, – как души деревьев и камней выглядят, ведь не с деревяшкой же и не с минералом я только что разговаривал!»

Андрей осторожно начал сдвигать внезапно осознанную точку сборки. Отдаленно это напоминало процесс настройки какого-нибудь оптического прибора, когда одни предметы, доселе отчетливо виденные, становятся туманными и расплывчатыми, а другие, ранее воспринимаемые нечетко, напротив обретают отчетливость. Правда, было и не только это, возникали и другие трудноописуемые aberrации, когда предметы меняли и свою освещенность и, частично, свою форму и фактуру, а доселе монолитные обретали зыбкость, иные же становились прозрачными. В какой-то момент отчетливо видимый мир погрузился в сумерки, но не привычные, земные, а какие-то другие, Андрей сразу определил их астральными, где весь световой спектр был как бы сдвинут в фиолетовую фазу, все окружающие его предметы стали выглядеть не просто не четко, а как-то размазано, с измененными пропорциями и, напротив, очень четко стали видны непонятно откуда взявшиеся существа разных форм и размеров, которых до сей поры Андрей не только не видел, но и не подозревал об их существовании. При этом эта активная жизнь разворачивалась не только на поверхности земли и в воздухе, но и под землей, поскольку верхний слой почвы стал прозрачным, и вокруг корней, клубней, семян и луковиц вились, кружились, вибрировали, перемещались некие комочки, клубочки, спиральки, шарики – иногда даже нечто антропоморфное, в шапочках и кафтанчиках. Почва для них словно и не была твердой средой, поскольку они совершенно свободно перемещались во всех направлениях, не выходя на поверхность. Между этими крохами постоянно происходило какое-то активное взаимодействие, и когда Андрей попытался настроить свой слух на волну их восприятия, то словно бы погрузился в птичий щебет внутри многотысячной стаи, среди невообразимой разноголосицы которой, тем не менее, можно было различить отдель-

ные слова и фразы, правда уловить какой-то более менее внятный разговор не представлялось возможным. На фоне этой хаотической подземной полифонии, пожалуй, единственное, что сближало отдельных участников астрального броуновского движения это определенная степень светимости каждого существа, все они были окружены ореолом живого света. В какой-то момент Андрей увидел, что из глубины к верхнему слою почвы потянулось нечто темное, какие-то перетекающие рваные покрывала, пожалуй, даже лоскутья, лохмотья. Очевидно, заметив это, светящиеся формы пытались прыснуть в разные стороны, но и лохмотья не зевали, они словно бреднем прошли по верхнему слою почвы, как бы профильтровав через себя все эти шарики, колпачки, спиральки, капельки, после чего моментально хлынули вниз, в полную темноту. Капельки живого света при этом утратили значительную часть своей светимости, и, казалось, потеряли способность к быстрому целенаправленному движению, уныло покачиваясь, словно прибрежный мусор на маленькой волне у набережной. И тут Андрей явственно услышал, как капельки света тихонько плачут, словно обиженные дети, которые, тем не менее, не хотели, чтобы их плач слышали другие сорванцы и начали обзываться плаксами-ваксами и ревами-коровами.

«Дараина, – всплыло в сознании Андрея незнакомое ранее слово, это прикорневой пространственный слой стихии Дараины... Ну, это прямо экскурсия с экскурсоводом, только я сам себе и экскурсант, и экскурсовод, при этом ухитряюсь в качестве экскурсанта воспринимать новые слова и понятия, как полученные от третьего лица. Но ведь это я сам себе говорю, как же такое может быть?»

Андрей немного сдвинул точку сборки, и внимание его переключилось на поверхность сада, а почвенные создания как бы вышли из фокуса. Теперь он уже видел непосредственных участников своей недавней беседы, а вкупе с ними многое другое. Возгордившийся камень, которого, тем не менее, еще в позавчерашнем разговоре умная груша охарактеризовала, как знатока философии (Андрей, тем не менее, этих глубоких познаний то ли не смог, то ли не успел выявить) и вправду обладал антропоморфной полевой формой, напоминающей классического гнома-горняка: толстого, бородатого, в фартуке и остроконечном колпаке. Он сидел полупогруженный в камень и, похоже, дремал, хотя еще совсем недавно беседовал с Андреем, но, очевидно, эта беседа его утомила.

Андрей подумал, что действительно раньше уже видел и говорил с существом, подобным этому, только в како-то другом существовании, воспоминания о котором короткими фрагментами всплывают в его памяти. Того гнома звали Дьюрин, и он называл себя гномьим патриархом, будучи, несомненно, более представительным, харизматичным и нарядным. И еще Андрей вспомнил фрагмент рассказа этого Дьюрина о том, что души гномов ушли в камни, а когда-то они, якобы, были совсем как люди, только меньше ростом и жили под землей.

«Странно, – подумал Андрей, – почему этот не вспомнил свое славное гномье прошлое? А может, на всех гномов камней не хватило, и большая часть обладает своей самостоятельной каменной душой».

Впрочем, дух камня спал и на мысленные запросы не реагировал, поэтому этот вопрос остался без ответа и Андрей потерял к нему интерес. Тогда его внимание переключилось на деревья. Каждое из них так же обладало своей душой, они, как и индивидуальности камней были человекоподобны, напоминали карикатурно вытянутых ряженных на ходулях с огромными, гнущимися в любом месте руками. Их фигуры струились и слегка колебались сквозь контуры физических стволов, которые Андрей воспринимал еле-еле и, похоже, действительно каждый образ обладал собственной индивидуальностью, в зависимости от врожденной или приобретенной склонности. Так некультурные яблони (то есть их души) выглядели такими карикатурными румяными садоводами и даже держали в руках нечто напоминающее грабли и лопаты. Умная груша напротив выглядела этакой пожилой субтильной меломанкой весьма болезненного вида в длинном концертном платье до земли и со скрипичным чехлом в руке.

При этом за спинами душ деревьев болтались какие-то сморщенные нефункциональные крылышки, а уши были заострены вверх, как обычно изображались на иллюстрациях к английским и шотландским сказкам разнообразный потусторонние фейери.

И тут вдруг все тот же внутренний комментатор, который в это утро множество раз врывался в поток сознания Андрея, сообщил, что большинство душ плодовых деревьев – ничто иное, как души лесных эльфов, потерявших свои физические тела и пожелавших остаться в родном мире в качестве душ деревьев. При этом, поскольку эльфы живо интересовались судьбой и делами цивилизации своих приемников-людей, то они предпочли вселяться именно в плодовые деревья, живущие в непосредственной близости от человека и во многом зависящие от человеческого ухода. Эльфы, как пояснил неведомый источник информации, всегда тянулись к людям, люди же, как правило, пугались всего потустороннего и на любопытство отвечали агрессией. В образе же деревьев такой контакт был наиболее безопасным и для тех и для других. Теперь становилось понятным, почему без ухода и присутствия человека плоды садовых деревьев перерождались в кислые дички: эльфы покидали такие деревья и переходили в другие, пользующиеся человеческим вниманием и уходом, совмещая свое сознание с собственными душами деревьев.

Все это пронеслось в голове Андрея, как некий справочный материал из того же неведомого источника информации, и в конце было сообщено, что этот слой – стихиаль, заселенный древесными душами, называется Арашамф. Слово было незнакомо Андрею, тем не менее, он уже не удивлялся тому, как естественно выскакивают в его памяти эти странные термины.

Помимо уже знакомых собеседников Андрея сад – его главная верхняя часть – оказался заполнен другими, более-менее антропоморфными существами, в каждом из которых присутствовало некое человекоподобие, и если даже витальное тело было бесформенным и струистым, то всегда присутствовало некое подобие лица. Андрей подумал, что, возможно, это связано с тем, что садовые деревья и кустарники на протяжении многих столетий и даже тысячелетий существования рядом с человеком настолько пропитались человеческой энергетикой, что даже их витальные тела приняли некое человекоподобие. При этом в виталах деревьев оно было выражено в большей степени, и в меньшей степени в кустарниках – малине, крыжовнике, смородине, не говоря уже о разной мелочи: укропе, петрушке, клубнике и тому подобных жителях поверхностного надпочвенного слоя, который, как узнал Андрей из своего источника информации зовут стихиалью Мурахаммой.

Отдельно, помимо этой разношерстной компании более-менее человекоподобных призраков, которые, подобно существам Дараины находились в постоянном общении не только друг с другом, но и с душами насекомых и птиц, Андрей обратил внимание на величественную фигуру, зависшую среди волн небесного золота (почему-то небесная синь в астральном восприятии выглядела скорее как некая сияющая золотистость). Эта фигура удивительно напоминала некий сказочный персонаж пастушка в белой косоворотке, расшитой по воротнику и обшлагам особым руническим орнаментом, лаптях, с золотистой шапкой волос, подстриженных под горшок, с расписной котомкой через плечо и тоненькой пастушьей свирелью. Из нее пастушок извлекал мелодии, льющиеся игривым потоком, в которых слышалось то ласковое трепетанье листвы, то журчание лесного ручейка, то гудение пчелиного роя, и множество других звуков, сливающихся в единое ощущение ласкового летнего утра. Не жаркого, солнечного, с небольшими кучевыми облаками и веселым ветерком, колышущим сочные листья – утро, порождающее то самое комфортное состояние, когда хочется, внутренне улыбнувшись, произнести заветную фразу: «остановись, мгновение, ты прекрасно».

Неожиданно в сознании Андрея возникла расшифровка этого удивительного ласкового, как сказали бы наши предки, пригожего, образа: это сезонная стихиаль по имени Лель. И тут в его сознании начали складываться строки не детской поэзии, посвященные этой замечатель-

ной летней стихии, энергию которой ощущают все, но принимают ее за чисто погодно-природное проявление.

Когда отхлынула жара
И пересмешники узнали,
Что притомилась мошкара
От бесконечных вакханалий,

В леса впорхнул пригожий Лель,
Лукавый, ласковый звоночек.
И сразу закрипела ель,
Размять пытаюсь позвоночник.
Зашевелились деревья,
Луга невнятно зашептали,
Как будто чудо-жернова
От неподвижности устали,

Как будто легкие крыла
Воздушных ветряков незримых
Прохлада в действие позвала
Кружить любовников игривых.

Я белокурый пастушок,
Услада юных берендеек,
Рожок, зовущий на лужок
К проказам летних переделок.

Я – голубой световорот,
Что кличут рогом изобилья,
И даже страж глубинных вод
Не зачеркнет мои усилья.

И если с синей высоты
Вдруг устремишься в омут нежный,
О, Навна, свежие цветы
Не посрамят твои одежды.

«Оказывается, и настоящие стихи могу сочинять, – уже устал удивляться себе Андрей, – или это чьи-то, которые я забыл и вдруг вспомнил? А может это Пушкина стихи? Или Лермонтова... или Некрасова?»

Почему-то фамилии других хрестоматийных поэтов не шли Андрею в голову, хотя, казалось, это было самое легкое, что он ухитрился вспомнить, никогда ранее не зная, в это утро. Но хотя на другие фамилии русской поэтической классики у Андрея возник непредвиденный ступор, тем не менее, он был почему-то уверен, что стихи эти именно его, им сочиненные, хоть и сделал он это так, словно не сочинял, а просто вспомнил. Но и на этом чудеса не закончились: величественная фигура, доселе самозабвенно игравшая на свирели и, казалось, не замечавшая всякой утренней суеты многочисленных, ранее неведомых Андрею обитателей сада, вдруг прервала свое выступление и с удивлением глянула вниз, затем почтительно склонила

голову и, явно обращаясь к Андрею, произнесла (Андрей снова не мог понять, слышит ли он эти звуки ушами, или они звучат прямо в его сознании):

– Приветствую тебя, повелитель стихиаблей!

– Я повелитель? – удивился Андрей, никогда ранее не встречавший слова «стихиаль», теперь же прекрасно знавший его значение. Теперь же выяснилось, что он еще и повелевает ими. – Да я просто мальчик, каких миллионы!» – Вообще-то он теперь уже знал, что, таких как он отнюдь не миллионы, возможно он единственный в своем роде, но к этому новому амплуа он еще не успел привыкнуть, к тому же, подтвердить свою уникальность казалось ему нескромным, ведь мама с раннего детства ругала его за хвастовство. Кстати, единственным в своем роде он не мог быть уже потому, что существовала еще девочка Аня, правда, сопоставить ее и свои, внезапно открывшиеся возможности он пока не мог.

– Ну, конечно, повелитель! – приложил руку к сердцу пригожий Лель (Андрей тут же узнал, что имена и образы фольклорных героев иногда совпадают с именами природных стихиаблей, правда, не всегда), – ты же произнес пароль-вызов стихиабли, какой же ты обычный мальчик! Да обычных мальчиков я почти никогда и не вижу, разве что блеклые тени! У тебя же светимость совсем иная, так светятся шаманы-заклинатели погоды и маги высокого посвящения. И потом, где ты слышал, чтобы обычный мальчик со стихиаблью разговаривал? Ты произнес вызов, на который я вынужден был сразу отозваться, даже если бы сейчас какая-то другая стихиабль царствовала. А так, поскольку я, Лель, и так в настоящее время нахожусь у штурвала местной погоды, то все, что мне оставалось сделать – это заговорить с тобой.

– Что ж, получается, – сказал Андрей, – если бы, допустим, сейчас здесь царствовала другая погодная стихиабль и, соответственно ей, была бы другая погода, и если бы я тебя вызвал, прочитав соответствующий вызов-пароль, то и погода бы изменилась?

– Конечно, – пожал плечами пригожий Лель.

– Но ведь это невозможно! – («Почему, невозможно, еще как возможно!» – мелькнуло в сознании Андрея).

– Каждая погодная стихиабль, мой брат, имеет свою частотную метку, – сказал Лель, – и если вызов будет резонировать с этой меткой, стихиабль проявится в Энрофе, в месте вызова. Так делают настоящие шаманы и некоторые продвинутые экстрасенсы.

– И что, все они должны определенные стихи прочитать? – засомневался Андрей, ему вдруг показалось обидным, что стихи, которые он только что сочинил, оказывается, может произнести кто-то еще.

– Совсем не обязательно, – ответил Лель, – важно воспроизвести частотный информо-пакет. Это так же, как один и тот же предмет на разных языках по-разному называется. Ты воспроизвел информо-пакет, который зацепил за мою метку точно подобранными стихотворными созвучиями и образами. То же самое можно сделать с помощью шаманского камлания и других обрядно-словесных действий. Важно только какая энергия за этим стоит, остальное – лишь внешнее проявление.

– Поразительно! – для проформы удивился Андрей, – но что ж получается, если я вызову какую-то зимнюю стихиабль, – (Андрей уже знал что тремя главными зимними погодными стихиаблями, отражающими разные аспекты зимней энергетики являются Нивенна, Затлун и Затумок), – допустим Нивенну, так что же, зима в этом саду наступит?

– Обязательно наступит, – констатировал Лель, – разумеется, не в ту же секунду, физическая материя достаточно инертна, тем не менее, в течение получаса – с гарантией. Вот только, какое время ее продержаться удастся – другой вопрос. При подобной магии сильно Равновесие расшатывается, Нивенне сейчас царствовать не положено, да и вообще, Бог знает, какие последствия после подобного вызова могут произойти. Поэтому, удерживать ее придется только за счет личной силы и, соответственно, чем ее больше, тем дольше стихиабль можно удержать. Весь вопрос – зачем? Стоит ли так напрягаться, если от этого никому ника-

кой пользы, только всю зелень поморозишь, она к подобным перепадам не готова. Кстати, этот процесс в сказке «Двенадцать месяцев» весьма наглядно описан. Да ты что, сам этого не знаешь? Ты, с такой светимостью, должен все это сам прекрасно знать, а, как известно, «знание – сила», если знаешь, то и пробовал наверняка!

– Тут не все так просто, – смутился Андрей, – дело в том, что до сегодняшнего утра я был обычным человеком, но сегодня ночью что-то произошло, я и сам не понимаю, что именно. В общем, я сегодня проснулся с таким чувством, что в меня нечто неведомое вставили, – кто вставил – тоже не известно – и из-за этой самой вставки я стал мир совершенно по-другому видеть и ощущать. Перед этим, правда, немало странных событий произошло, но о подобном эффекте меня никто не предупреждал! Может, ты объяснишь?

– Увы, – развел руками Лель, – это не в моей компетенции. Мир людей вообще знаком нам, стихиялям, в основном лишь эмоциональной составляющей. Другие же уголки вашей души для нас закрыты. Тут как раз все наоборот: имея доступ, ты, при желании, смог бы узнать о нас несравненно больше, чем мы знаем о вас, людях, которых мы толком и разглядеть-то возможности, не имеем...

В этот момент Андрей почувствовал чье-то новое присутствие на физическом плане, поэтому он поспешно сдвинул точку сборки в зону восприятия обычных человеческих чувств, которая до сего дня была для него единственным источником информации о внешнем мире. Андрей удивленно похлопал глазами: мир вновь вернулся к своим знакомым параметрам, все многочисленные живые существа еще недавно населявшие сад в мгновение ока исчезли, а в дверях соседского дома стояла Аня и как-то странно глядела на Андрея.

– Ты сам вступил в контакт с живым миром, – удивленно и, как показалось Андрею, растерянно произнесла она, вместо положенного в таких случаях приветствия.

– А откуда ты знаешь? – спросил Андрей, но сразу же понял, что зря задал этот вопрос. Слегка сместив точку сборки, он увидел Анин энергетический кокон или, как сказал Лель, светимость, и по его цвету, форме и величине сразу понял, что Аня так же свободно перемещает свою точку сборки, как он сам, таким образом имея возможность наблюдать и вступать в контакт с разночастотными слоями многоуровневой реальности. – А впрочем, – добавил он, как бы констатируя, что сам ответил на свой вопрос, – я знаю, как ты это увидела. Но разве то, что произошло со мной ночью и происходит сейчас – не твоя работа? Ты же сама говорила, что каким-то образом собираешься меня изменить.

Аня внимательно глядела на Андрея, совершая плавные колебательные движения головой, при этом тот сознавал, что смотрит она на него не глазами, а тем самым инструментом восприятия, который этим утром он выявил у себя.

– Смотря, что ты имеешь в виду, – сказала она со странным выражением лица.

«Начну по порядку, – подумал Андрей, – как бы так фразу построить, чтобы она не догадалась, в чем именно я ее подозреваю, иначе это будет не достоверная информация».

– Ты, кстати, сказала вчера, – сделал он вид, что переключился на другую тему, – что покажешь мне одно место, а когда вечером я зашел за тобой, твоя мама сказала, что по вечерам ты выполняешь дополнительные задания, по которым в году не успеваешь, следовательно, встретиться со мной не можешь. Если же ты знала, что будешь заниматься, зачем говорила мне о каком-то месте?

Аня уперла кулачки в бок:

– Мне кажется, что ты ваяешь дурака, – сказала она с уверенностью, – разве я его тебе не показала? Разве мы не встретились в том самом месте? Тем более, я хорошо помню, что у моря Вечности все тебе объяснила!

– Ты хочешь сказать, – осторожно начал Андрей – («собственно, чего я действительно дурака валяю, теперь-то я точно знаю, что она приходила в мой сон», – пронеслось в его сознании), – что увидела некоторый сон?

– По-моему можно сказать гораздо конкретнее: что приходила в твой сон, и что мы встречались, и беседовали с тобой у моря Вечности, а потом ты перенесся в альтернативный поток событий... но туда я уже не могла за тобой последовать по ряду причин, я тебе на них намекала. Так ты видел его?

«Ладно, – подумал Андрей, – все совпадает, последние сомнения развеяны, наверное, можно переходить на ее язык», – теперь он был уверен, что сможет разговаривать с ней на равных, и эта мысль наполнила его небывалой гордостью: уж теперь он не будет мучиться чувством собственной неполноценности.

– Значит, ты видела то же, что и я, – закончил Андрей свой тест на достоверность информации, – прости, я под дурачка работал, чтобы убедиться, что ты ничего не выдумываешь. Да, я понимаю, о чем ты, его я видел, ты, конечно, имеешь в виду моего двойника, только взрослого?

– Ну, конечно, его.

– Видел, и не могу сказать, что его вид меня порадовал. Он лежал на больничной койке, худой, небритый и спал или был без сознания. Зачем я оказался рядом с ним, я так и не понял, прямо тебе скажу, зрелище не из приятных.

– Я это знаю, – вздохнула Аня, – возможно, ты не все понял из объяснений Варфуши, но в том параллельном потоке, в который ты попал, и в том времени он пребывает в летаргическом сне. Возможно, именно благодаря этому, хотя я точно не знаю, он сумел освободить мою знающую половинку, правда, поскольку добро и зло порой перемешиваются в причудливых пропорциях, и одно часто оборачивается своей противоположностью, в летаргии он очутился в результате трагических обстоятельств, о которых я не могу тебе рассказать. Твое личное будущее не может быть для тебя раскрытым. Тем не менее, на твоего двойника возложена важнейшая миссия, и мне хотелось бы вывести его из того плачевного состояния, в котором он очутился. Он вернул мне мою знающую половинку, теперь мой долг – пробудить его ото сна.

– Что ж, получается, – пришла в голову Андрею догадка, – если он мой двойник, я тоже в его возрасте засну на много лет? Знаешь, меня эта перспектива не очень радует! Ты намекала на то, что его – то есть, в некотором роде меня, к летаргии привели определенные обстоятельства, и раньше говорила о его ошибках. Мне кажется, ты просто обязана мне о них сообщить, чтобы, когда придет это время, я не сделал того, что приведет меня к летаргии.

– Не все так просто, – сказала Аня, отведя глаза в сторону, – ты не представляешь, в какой сложный узел причин и следствий завязаны потоки параллельных и альтернативных событий, и к каким последствиям приведет простое знание будущего, и даже просто некоторые слова и действия. Я не смогу тебе ничего сказать, даже если буду очень хотеть этого, поскольку, как только я раскрою рот для того, чтобы пересказать тебе эти события, я, возможно, перестану быть той, чем я являюсь сейчас: чаша весов Равновесия качнется, и все изменится. Я даже не могу тебе сказать, знаю ли я о той цепи событий или нет.

«Все верно, – подумал ставший поразительно прозорливым Андрей, – если не будет летаргии Андрея Данилова, то знающая половинка Ани не будет освобождена, а значит – и знания никакого не будет – таким образом я так или иначе не получу ответа на свой вопрос».

– Тем не менее, – продолжала Аня, – что-то менять категорически нельзя, но что-то можно и поменять в строго ограниченных рамках, поэтому-то я и хочу каким-то образом разбудить спящего Андрея, правда, каким, я пока не знаю. Знаю только, что из этого потока пересечься с ним в том потоке, где он спит, я не смогу – как удалось тебе. На это наложены определенные ограничения, подробнее я не могу сказать. Дело в том, что в недалеком будущем Провиденциальными силами предусмотрены чрезвычайно важные события. Чтобы они произошли, необходимо, чтобы я и ты встретились не только здесь и сейчас, но и в магистральном потоке взрослыми. И не только встретились. Произойти это должно скоро... точнее не могу сказать, хотя слово «скоро» тут не совсем правомерно, поскольку во всех затрагивающих нас потоках-отражениях существует определенный временной сдвиг, причем где-то больший, где-

то меньший. Как ты понял, в магистральном потоке тебе сейчас больше двадцати лет, но реверс возможен и больший, шкала реверса – продолжительность твоей конкретной жизни в данном воплощении. Фактически вся твоя жизнь от рождения до смерти в разных вариантах распланирована по потокам. Поэтому, говоря «скоро» в абсолютном смысле, я имею в виду некую усредненно-интегральную точку...

– В общем, – закончил за Аню Андрей, быстро включающийся в ситуацию, которая еще вчера была для него совершенной загадкой, – необходимо его каким-то образом разбудить, чтобы взрослые Андрей и Аня в магистральном потоке встретились на физическом плане, как мы с тобой и – тут его осенило окончательно, – у них должен родиться ребенок, и этот ребенок...

– Стоп, ни слова больше! – положила Аня палец на губы Андрея, – я сама не знаю, какие ключевые понятия произносить можно, а какие нельзя. Мы касаемся сокровенного, и грань очень тонка. Дело в том, что определенные силы очень заинтересованы в том, чтобы эта встреча не произошла, они очень успешно мешали ее осуществлению до сей поры, и сделают все возможное, чтобы встреча взрослых Ани и Андрея в Энрофе никогда не случилось. Поэтому то событие, которое так легко сорвалось с твоих губ, на самом деле чрезвычайно сложно осуществить.

– Но ведь мы-то с тобой здесь встретились, – с некоторым сомнением произнес Андрей, – и никто нам не помешал.

– Дело в том, – сказала Аня, что если бы все зависело только от воли темных, то этого бы никогда не произошло, но противостояние света и тьмы предполагает некое равновесие, некое условное соглашение, поэтому блокировка возможна лишь частичная. Светлые силы крайне заинтересованы в нашей встрече, и в данном событийном потоке это произошло вопреки усилиям темных. К сожалению, мы сейчас находимся в некоем периферийном отражении, необходимо же, чтобы все осуществилось в магистральном потоке, где все лучи сходятся как в линзе (там ты некоторое время назад побывал), и встреча должна осуществиться в некоторый определенный временной промежуток, иначе, Провиденциальные планы в эту эпоху не свершатся. На этом моменте сходятся уникальные зодиакальные астрологические и кармические совпадения. В этот момент «Ч» все энергии света сходятся на нас в одной пространственной и временной точке, это должен быть особый метафизический момент, иначе, если встреча произойдет позже она уже не будет иметь столь глобального значения: будет обычная преемственность линии Мервингов, которая то оживляется, то затухает уже в течении двух тысяч лет, но Звента Свентана в эту эпоху не родится. Ты понимаешь, о чем я говорю? – Спросила Аня серьезно, – мне кажется, ты должен это понять, ведь с тобой произошло нечто... хотя, честно признаюсь, причина столь глобальных изменений мне не понятна.

– Как непонятна? – посмотрел на нее Андрей с удивлением, – а разве та вставка, с которой я сегодня проснулся и благодаря которой я стал видеть и знать то, что раньше не видел и не знал, это не твоя работа? Разве не для этого мы встретились на берегу моря Вечности? Разве не для этого ты отправляла меня в магистральный поток для встречи с взрослым Андреем Даниловым?

– Расскажи, что произошло после того, как тебя затащило в двери замка Вечности, – сказала Аня.

– А разве ты сама не знаешь? – Посмотрел на нее Андрей с сомнением.

– А ты знаешь, что происходило со мной, после того как меня вслед за тобой затащило в те же двери?

– Нет, но я думал... ты же сама сказала, что я должен был отправиться на встречу с двойником! Я туда и отправился. – И Андрей рассказал обо всем, что произошло в темном коридоре замка Вечности, а затем в больничной палате. – Я считал, что это все ты устроила, как

устроила мою первую беседу с грушей, – сказал он после того, как закончил свой рассказ, ты же сама говорила, что я должен туда попасть.

– Я только пришла в твой сон и рассказала все, что должна была рассказать, – покачала головой Аня, – все остальное сделал ты сам, я же понятия не имела, в какой именно поток альтернативных событий, и в какой именно момент жизни своего двойника ты попадешь, но, кажется, сюжет разворачивался по желательному сценарию. Андрюша, то, что произошло с тобой утром, для меня такая же неожиданность, как и для тебя, наша встреча у моря Вечности не имеет к этому отношения. Я, по крайней мере, такой связи не вижу.

– Но ты же сама вчера несколько раз говорила, что намерена как-то изменить мое сознание и все переживала, что нам мало времени отвели.

– Я действительно намеревалась несколько приоткрыть твои духовные центры, но в таком масштабе... о таком я даже не могла предполагать, даже Варфуша работал со мной около двух лет, чтобы хотя бы частично разбудить мою душу, а ведь его возможности несоизмеримы с моими. Кстати, он всегда предостерегал меня от слишком быстрого пробуждения, это может иметь самые губительные последствия. То, что произошло с твоим духовным коконом... на это не способна ни я, ни Варфуша, это слишком грандиозно, о возможности подобной трансформы я даже не подозревала, и теперь не знаю, как к этому относиться. Все, на что я рассчитывала в эти две недели – это запустить процесс, и сколько в этом случае потребовалось для полного раскрытия – понятия не имею. Я предполагала, что запущенное духовное делание позволит направить события в нужное русло, и мы бы получили шанс видеться еще и еще. Только тогда можно было бы задуматься о той основной задаче, которая на нас возложена. А сейчас я даже не знаю, что думать, такое впечатление, что ты полностью разбужен. У меня даже возникла невозможная мысль, а не попробовать ли... – Аня замолчала и прикусила губу.

– Что именно? – поднял на нее глаза Андрей.

– Да так, я еще не уверена, эта мысль явно ниспослана. Она возникла внезапно и слишком неожиданна, поэтому ничего не могу сказать. Это касается другого полюса проблемы осуществления провиденциального плана раздемонизации.

– Хорошо, – пожал плечами Андрей, – скажешь, когда сможешь; мне пока твои вселенские замыслы не очень понятны. Возможно, я еще не привык к своему новому состоянию и не знаю, надолго ли это. А вдруг все закончится так же неожиданно, как пришло и я вновь стану обычным пятиклассником Андрюшей Даниловым. Пока что я не понимаю, какое отношение имею к этому самому провиденциальному плану, о котором ты говоришь все время. Я очень много удивительного узнал и увидел за сегодняшнее утро, но никакой информации по этому поводу из моей загадочной вставки не приходило. Пока меня больше интересует вопрос, что же такое эта вставка и кто ее вставил. Я думал, это ты сделала, но ты утверждаешь, что непричем здесь.

Аня продолжала сверлить Андрея своим межбровьем, затем сказала:

– Это какой-то информопакет, но раскрыть его я не имею возможности, поэтому не ясны масштабы его содержания и главное, изначально какого качества эта энергия, Логоса или князя мира сего... Ну, а получил ты его от своего двойника, наверное, в тот момент, когда соединился с ним в зеркале, в палате. Правда, это только мое предположение.

– Или когда два дня назад двойник соединился со мной в саду, – продолжил ее предположения Андрей, – ведь с этого момента все и началось. Отражение в больничном зеркале и вставка – это итог. Кстати, что ты подразумеваешь под информопакетом? У меня возникло определение, но возможно ты имеешь в виду нечто другое.

– В условиях существования в физическом теле информопакет – крайне редкое явление, – сказала Аня, – а вот при общении душ и даже более плотных астральных сущностей, это довольно распространенный способ передачи информации и до некоторой степени – умений. Это некая система полевых частотных кодов, которая передается от души к душе как бы в свер-

нутом виде. Потом душа, получившая этот свернутый пакет, может развернуть его и высвободить содержимое – чаще всего маленькими порциями, иначе, развернув сразу, душа может не справиться со всем объемом информации и потерять ее.... Более детально это трудно передать словами, но можно почувствовать, находясь в определенном внетелесном состоянии.

– Ну да, нечто подобное я себе и представлял, – кивнул головой Андрей, – это действительно похоже на мою «вставку», правда, когда ее в меня вставили, я так и не отследил. Одно лишь удивляет: если это действительно работа двойника, который является как бы мной в будущем, то откуда у него такие возможности?

– Границ его возможностей я не знаю, – развела руками Аня, – мне тоже казалось, что тот Андрей не настолько продвинул, чтобы совершать такие сложные магические действия. Я в лице моей знающей половинки не имела возможности отследить многие этапы его пути, наши контакты были фрагментарны, но мне всегда казалось, что я более древняя монада и душа моя пробудилась гораздо раньше. Я всегда считала себя чем-то вроде его астральной наставницы, но сейчас даже не знаю, что и думать, возможно, я заблуждалась. Могу сказать только, что качественных информопакетов мне никогда не удавалось посылать, тот же пакет, который ты называешь «вставкой», не совсем такой, с какими я сталкивалась раньше. Это какая-то другая информоэнергия, возможно и содержание его иное, чем в тех пакетах, которые я посылала и получала ранее. Дело в том, что этот пакет преобразил тебя кардинально, с таким я еще не сталкивалась и считала подобное невозможным.

– Ладно, – сказал Андрей, как бы со стороны наблюдая за тем, как легко и естественно он воспринимает содержание беседы, которая бы еще позавчера показалась бы ему заумной абракадаброй, – разумеется, все это очень интересно, но чем мы сегодня заниматься будем?

– Теперь я даже не знаю, надо подумать, – сказала Аня напряженно. – Те две недели, которые тебе здесь остались, я собиралась обучать тебя науке живого мира, как это делал со мной Варфуша, а далее – в зависимости от тех результатов, которые бы у нас получились, но не уверена, что ты бы был за эти две недели готов разбудить своего двойника в ином измерении, тем более на данный момент я плохо себе представляю, как это можно сделать, но знаю наверняка, что сделать это можешь только ты сам. Я не говорю уже о другой, более важной задаче, ее я пока воздержусь сообщать. Внешне все это выглядело бы как обычные прогулки по окрестностям (разумеется, без наших мам), иногда, как совместные медитации, но так чтобы никто ничего не видел, мы не должны озадачивать наших родительниц, они абсолютно невежественны и ничего не поймут. Реальная же суть наших занятий... да что я тебе говорю, мы с тобой уже приступили к первым шагам, и нечто подобное происходило бы и в дальнейшем. Возможно, во время этих занятий ко мне пришло бы решение, как можно разбудить Андрея в магистральном потоке. Но теперь все это уже не имеет смысла, ты сам каким-то чудесным образом в одночасье превратился в адепта... поэтому мне не совсем понятно, что делать теперь, я к этому была не готова. Очевидно, для начала надо посоветоваться в Варфушей. Я думаю, после завтрака нам стоит сходить туда, где мы его видели вчера, он сам сказал, что теперь я не могу вызвать его, где и когда захочу, как это делала раньше, теперь надо идти на перекресток двух дорог, туда, где мы вчера были. А по пути, возможно, придут новые мысли, новые решения.

– Знаешь, – сказал Андрей, слушая ее не очень внимательно. Все утро он постоянно прислушивался к своим новым ощущениям, которые были настолько необычными, что просто переворачивали его сложившиеся представления о себе самом, – а ты йогой не занималась?

(Неожиданно он вдруг обнаружил, что не только знает это слово, его он слышал и раньше, – но и хорошо знает суть этого метафизического направления, названия разнообразных школ, а так же многие виды практик, которые эти школы применяли). Мало того, он даже знал специфику йоги, которую задолго до появления человеческой арийской цивилизации практиковали наши предшественники – атланты, секретами которой с человечеством поде-

лился около 20 тысяч лет назад атлант, образ которого дошел до современников под именем Бонпо-Будда).

– Йогой? Смотря, что ты понимаешь под этим словом, – удивленно посмотрела на него Аня. – В индийских традициях – нет, но наука Живого мира, которой обучал меня Варфуша, тоже в каком-то смысле можно назвать йогой.

– Нет, – покачал головой Андрей, – я имею в виду хатха-йогу, то чем ты занималась с Варфушей – это нечто синтетическое, использующее методики и Раджа, и Кундалини, и Сахаджа, и Крийя, и Лайя йоги, – в общем, все то, что охватывается четырьмя верхними ступенями восьмеричной йоги Патанджали: Пратьяхара, Дхьяна, Самадхи, – Андрей сам удивлялся тому, что говорил.

Девочка покачала головой:

– Никакой физической йогой мы с Варфушей не занимались, Варфуша вообще не говорил ни о какой йоге.

– Так вот, – продолжил свою мысль Андрей, – все это я сказал тебе не для красного словца, чтобы похвастаться своими новыми знаниями. Я понимаю, что получил их неведомо откуда, и возможно и не заслужил этого дара, ведь люди постигают какую-то науку годами, изучая литературу и ставя всякие эксперименты. Тем не менее, в какой-то степени мое преобразование можно объяснить феноменом информо пакета, который я непонятным образом получил: просто кто-то могущественный передал мне, таким образом, свои знания и все. В этом случае нет ничего удивительного в том, что мне кажется, будто я занимался йогой, хотя на самом деле никогда ей не занимался. Это-то хоть как-то гипотетически можно объяснить, но как объяснить это...

И тут Андрей с необъяснимой уверенностью завязался в такую асану самой высокой категории сложности, что ему бы позавидовала любая цирковая актриса, выполняющая номер «женщина-змея», и наверняка если бы начать освоение этого трюка с раннего детства, когда связки наиболее эластичны, все равно на освоение такой позы потребовалось бы несколько лет ежедневных многочасовых тренировок, которых, разумеется, не было. Через полминуты Андрей развязался, встал на ноги и, хоть и растеряно, но с некоторым торжеством посмотрел на девочку.

– Как такое могло произойти? – спросил он слегка прерывающимся от напряжения голосом.

Казалось, и Аня была крайне удивлена увиденным, хотя до сегодняшнего утра казалось, что удивлять – это исключительно ее прерогатива. Она в крайнем замешательстве покачала головой.

– О таких вещах я не слышала, – сказала она растеряно, – по-видимому, это действительно необычный информо пакет. Дело в том, что я не знаю, как овладение наукой живого мира происходит у других людей, я никогда не занималась в группе, и ты первый с кем начала заниматься я сама, но элементарный здравый смысл указывает на то, что феномен, произошедший с тобой совершенно уникален. Очевидно, остается предположить, что в том информо пакете, который ты получил, содержится не только знания; содержание его трансформировало не только твои органы чувств и тонкие оболочки, но и твою физическую природу. Пока даже не предполагаю, до какой степени. В любом случае нам надо сходить на перекресток двух дорог в поле и посоветоваться с Варфушей.

На этом ребята расстались и разошлись по своим комнатам завтракать, договорившись встретиться через час.

«Вот это да, – думал Андрей, возвращаясь, домой, – вчера я только и думал о том, какая эта Аня удивительная девочка, теперь пусть же она сама думает о том, какой удивительный парень этот Андрюша Данилов».

На какой-то момент в его сознании заворчалась провокационная мыслишка, что может быть он не достоин того дара, который неведомым образом получил и Бог знает, как за это в дальнейшем придется расплачиваться, но тут же подавил ее в себе, чтобы не омрачать своего настроения, которое можно было охарактеризовать, как «клокочущее торжество».

ГЛАВА 2. Сидхи

Когда Андрей зашел в свой летний домик, мама уже проснулась и хлопотала на маленькой кухоньке.

– А, сынок, – сказала она приветливо, – что-то с тобой непонятное творится. Раньше тебя утром не растолкать было, а тут второй день просыпаешься ни свет ни заря. Зарядку что ли начал делать или утреннюю пробежку? Что-то не похоже на тебя, ты на этот счет раньше только прожекты строил, а как до дела – лень одолевала. Или с новой соседкой свидание? Так вроде – раннее утро, неподходящее время.

– Да никакое не свидание, – смутился Андрей, в мгновение ока перестав ощущать себя могущественным сверхчеловеком и вновь превращаясь в десятилетнего мальчишку, комплексуемого от недвусмысленных намеков, – мы с ней случайно встретились... ну и разговорились, у нас теперь есть о чем поговорить, – добавил он таинственно, – она не такая, как все... «и я теперь не такой как все», – чуть не вырвалось у него помимо воли, однако, в последний момент он сдержался, поскольку даже не представлял, каким образом можно сообщить маме все то, что обрушилось на него сегодня утром. Трудно даже вообразить ее реакцию, да и как может отреагировать обычная здравомыслящая женщина, если вдруг узнает о том, что ее сын на самом деле не ее сын, а какой-нибудь инопланетянин – другой пример как-то не шел ему в голову.

– Ну, конечно же, не такая, – лукаво улыбнулась ему мама, – каждый человек однажды встречает другого человека, который ему кажется не таким как все. Один – раньше, другой – позже, ну а в детстве это особенно ярко переживается, пока сравнивать не с чем. Я помню, примерно в твоём возрасте тоже в пионерлагере в одного мальчика влюбилась, так совсем голову потеряла, ни о чем другом думать не могла, считала, что это на всю жизнь, ну и...

– Да что ты, мама! – прервал ее Андрей, испугавшись откровений, которые слушать от мамы ему всегда было дискомфортно. – «Какую же она, порой, несусветную глупость несет, – подумал он с раздражением, – и главное все настолько банально, можно заранее предсказать, что она ляпнет. А впрочем, чего от нее ждать, она же обычный человек».

При этих мыслях Андрей как-то непроизвольно сдвинул тот самый внутренний тумблер, который он столь чудесным образом обнаружил сегодня утром, и в тот же момент совершенно отчетливо увидел, о чем думает мама. Это было что-то вроде зависших в воздухе образов, которые динамично сменяли друг друга, плавая в непрерывно сменяющихся и переливающихся потоках-протуберанцах маминой розово-оранжевой ауры. Да собственно, они и лепились из этих струек и динамичных переливов. Андрей сразу невольно увидел истории маминого так и не состоявшегося пионерлагерного романа. Сценка эта сопровождалась всякими милыми подробностями, каких любой человек немало сможет вспомнить из своего детства, которые, тем не менее, для каждого несут с собой атмосферу трогательного наивного утраченного, хотя наверняка имеют они возможность быть подсмотренными со стороны, то не произвели бы никакого впечатления на постороннего наблюдателя. Поэтому Андрей с удивлением наблюдал за не очень отчетливой, но все-таки довольно вразумительной сценой о том, как мама в спортивном зале в числе болельщиков смотрит баскетбольный матч двух лагерных команд и взгляд ее в основном прикован к высокому, стройному голубоглазому блондину, лет пятнадцати, напоминающему юного Олега Видова, явно из старшей группы, который кладет в баскетбольную корзину мяч за мячом. И тут Андрей испытал неприятное чувство, словно подсмотрел что-то нехорошее и переставил свое восприятие в прежнее русло, не допускающее чтение чужих мыслей и мыслеобразов.

Все вышеописанное длилось буквально несколько секунд (хоть и описание получилось затянувшимся), Андрей испугался, что мама вдруг начнет по ассоциации вспоминать свои

иже более поздние, зрелые увлечения и сравнивать одно с другим, сожалея, что случилось так а не эдак, это было видно по ее затуманившемуся взору и некоторому столбняку, который находил на нее в подобные минуты, поэтому наш герой постарался вывести маму из нахлынувшей на нее лирической волны и громко закончил зависшую в воздухе фразу:

– При чем здесь любовь! У нас просто оказалось много общих интересов, она очень много фантастики читала – и Сругацких, и Лема, и Бредбери – и разбирается в этом, как редкий мальчишка разбирается! Ну и у нас на эту тему как бы такая игра с продолжением возникла: сначала она кусочек выдумает, затем я – и так все дальше и дальше, очень интересно получается. А то я здесь месяц проторчал, и даже не с кем было на интересные темы поговорить, а мне уже надоело самому играть.

«Господи, – мелькнуло в голове Андрея, – что я как маленький мальчик разговариваю, это же не я, это „он“ разговаривает! А собственно, чего это я так возмущаюсь, я и должен говорить с ней, как раньше, ни к чему нам подозрения, а то еще потащит к врачу. Пусть себе думает, что я то же дите, что и раньше. Хотя, с другой стороны, что значит „он“ или „я“? Я – по-прежнему я, только содержание поменялось».

– Так что, – закончил Андрей, – мы с ней всякие истории выдумываем, нам интересно и вовсе не до глупостей.

– Ну, не до глупостей, так не до глупостей, – спустилась на землю мама, – это я так, чтобы тебя подзадорить, все же ты первый раз сам с девочкой познакомился, я и подумала, что ты... ладно, не буду, не буду! Я очень рада, что у тебя хоть под конец отдыха появился товарищ, тем более с такой же богатой фантазией, как у тебя, и если тебе, в конце концов, не важно, девочка это или мальчик, то тем лучше. Ладно, это лирика, а проза заключается в том, что мы нормально позавтракать сегодня не сможем, разве что могли бы бутербродами, но для бутербродов я как-то ничего вчера не купила. Ну, можно еще вареные яйца с помощью кипятильника сообразить, а обедать придется в столовую пойти. Дело в том, что в нашем газовом баллоне газ закончился! Я хотела у хозяйки электроплитку попросить, но та сказала, что лишнюю электроплитку новым жильцам отдала, а у самой газовой плита совершенно занята, да и не удобно, мы же не платили за плиту в хозяйском доме. Сказала, что ближе к вечеру ее родственник на самосвале должен подъехать, баллон забрать, ну а зарядить его только завтра после работы сможет. Так что домашняя кухня временно отменяется.

Мысль о том, что сейчас придется давиться яйцами вкрутую или всмятку, которые он терпеть не мог, не показалась Андрею очень удачной, тем более идти в местную столовую! Наш герой, выросший на бабушкиной рафинированной кухне, даже и мамину, весьма похожую, воспринимал с трудом, а уж есть общепитовские котлеты с мерзкого вида подливой и серыми слипшимися макаронами! От одной мысли об этом у Андрея подкатился к горлу ком тошноты. Избалованный бабушкой, он был чрезвычайно привередлив в вопросах питания, многие продукты не ел вообще, а малейшие вкусовые отклонения в потребляемом рационе воспринимал почти как трагедию, тем более, напомним, что в те далекие годы столовское меню, особенно в провинциальных городках разительно отличалось от домашней кухни. Конечно, прозойди все это еще вчера, он бы чуть-чуть поворчал, покапризничал, но, безусловно, смирился с существующим положением вещей. Еще вчера, но не сегодня! В сознании Андрея неожиданно родилось совершенно фантастическое решение проблемы – и это были не какие-то там маниловские фантазии, а совершенно четкое знание, что он способен разрешить возникшую проблему самым фантастическим способом.

– Может, – для вида начал канючить Андрей, – ты что-нибудь не так крутила в плите, может там газа еще есть немного!

– Да какое там, – махнула рукой мама, – я вчера-то еле-еле картошку успела поджарить, а сегодня огонь даже вспыхивать не желает.

Чтобы Андрей удостоверился, мама включила конфорку на полную – привычного шипения при этом не прозвучало – и поднесла (чтобы уже окончательно развеять последние иллюзии) зажженную спичку к конфорке, что, естественно, не возымело никакого действия.

– Вот видишь, – сказала мама, выбрасывая сторевшую до пальцев спичку в пепельницу, – даже не пыхает, вчера хоть пыхало, правда, погасло почти сразу.

Затем, чтобы окончательно снять с себя последние подозрения, покачала баллон, стоявший рядом с газовой плитой:

– Видишь, не булькает, выгорел полностью.

«Так, – судорожно думал Андрей, Желание проделать удивительный эксперимент крепло в нем с каждой минутой, – как бы сделать так, чтобы она меня не заподозрила... а, собственно, чего я боюсь, во первых ей это даже в голову не придет, а во вторых, если даже заподозрит, все равно ничем не докажет, а я, естественно, не признаюсь. Конечно, когда-нибудь придется во всем признаться, но к этому ее надо долго готовить, иначе, боюсь, у нее крыша поедет: шутка ли узнать, что сын у нее то ли волшебник, то ли инопланетянин!»

– А ты вентиль на болоне туда-сюда покрути, может, там еще немного газа осталось, – заныл Андрей: «Неужели получится!», – думал он, сам, поражаясь той уверенности, с которой он впервые в жизни затеял эксперимент, противоречащий всем, известным ему до сегодняшнего дня, законам физики.

– Да крутила я уже сто раз, – начала раздражаться мама, – думаешь, я вообще ничего не соображаю!

– А ты еще раз покрути и спичку поднеси к конфорке.

– Ну, ладно, ладно, чтобы уже всем было тихо, – уступила мама глупому упорству избалованного ребенка, – на, смотри!

Мама несколько раз закрутила и открутила вентиль на баллоне, затем поднесла горящую спичку к конфорке и повернула рукоятку на плите и... в этот момент конфорка озарилась веселым голубым пламенем, вполне сильным и ровным, не предполагающим даже мысли, что баллон абсолютно пуст уже со вчерашнего дня. Мама пораженно уставилась на горящую конфорку, пока сторевшая до конца спичка не обожгла ей палец.

– Чудеса, – только и пробормотала она, – наверное, действительно немного газа в баллоне осталось, а вентиль был плохо разработан. Но ты не обольщайся, огонь, конечно, скоро потухнет, так что приготовить завтрак все равно не успеем. То, что огонь загорелся, говорит о том, что в баллоне немного испарившегося газа осталось, а он моментально выгорит, сжиженного же, ты сам слышал, – она для верности еще раз подвигала пустой баллон, – совсем не осталось. – (Действительно, бульканья не было слышно).

– И все же – сказал Андрей каким-то напряженным незнакомым голосом, – раз уж горит, то ставь чайник и сковородку, а вдруг не потухнет, гляди, какое ровное пламя.

– Да, действительно, ровное, – по-прежнему не веря своим глазам произнесла мама. – Но если мы сейчас вторую конфорку включим, то он точно через несколько секунд погаснет.

– А ты попробуй!

Мама, пожав плечами, поднесла спичку ко второй конфорке, и с ней произошло то же, что и с первой. Некоторое время мама молчала, ожидая, когда обе конфорки погаснут, но они, вопреки здравому смыслу, продолжали гореть все тем же задорным голубым огоньком.

– Что-то странное, – сказала мама, продолжая с удивлением разглядывать два пламени, я вначале не обратила внимания, а когда вторую конфорку разжигала, до меня дошло, что не так что-то. Пламя-то беззвучно горит, а потом, когда я второй раз рукоятку повернула, то не сразу спичку поднесла: не шумел газ, когда из форсунки выходил! Что же там горит, если звука нет?!

– Наверное, – все так же напряженно сказал Андрей, сверля глазами конфорки, – там давление в баллоне совсем маленькое, поэтому и звук такой тихий, что мы его не слышим. Но ведь горит же!

– Но тогда пламя должно быть совсем маленьким! – все не желала смириться с очевидным мама, – а горит так, словно баллон только с заправки привезли. Чудеса, да и только!

– По-моему, – сказал Андрей, – надо пользоваться предоставленной возможностью, а не рассуждать, правильно ли огонь горит.

– Да, верно, – вышла из задумчивого ступора мама, – надо воспользоваться, а вдруг и правда...

Мама привычно захопотала у плиты, загремела сковородками и кастрюлями, хлопнула дверцей холодильника. Собственно и нужно-то было поджарить картошку с луком, обязательно на сливочном масле – это любимое блюдо входило в неизменный рацион ее консервативного сына, да разогреть несколько кусков курицы: с недавнего времени мальчик отказался от всяких там манных и овсяных каш, которые, как он считал, уже не соответствуют его возрасту и статусу, а завтраки бутербродами с колбасой, ветчиной или сыром не устраивали маму, которая считала, что завтрак должен быть горячим, а бутерброды – прямой путь к гастритам и язвам.

Вопреки ее ожиданиям огонь горел ровно столько, чтобы она успела приготовить все необходимое, при этом погас прежде, чем мама успела отключить конфорку, что она, собственно, и ожидала, но тоже как-то странно, не так, как ему положено, не постепенно сойдя на нет, а сразу, толчком. Как только огонь погас, расслабился и Андрей, который во время готовки держался как-то непривычно напряженно, не уходил из кухни и не вертелся на стуле. Естественно, мама не связала необычное поведение сына и чудесное оживление конфорок, но мысленно отметила, что сын ведет себя как-то не так, однако ничего по этому поводу не сказала. Андрей же, когда все закончилось, мысленно отметил, что в дальнейшем научиться расслабляться и вести себя естественно во время подобных экспериментов в присутствии свидетелей.

Тем не менее, завтрак проходил как обычно и единственное, что позволил себе Андрей, которому не терпелось выяснить размер своих новых сил и возможностей, это маленький эксперимент по телекинезу. Естественно, Андрей проделал его в тот момент, когда мама была к нему спиной, отвернувшись за чайником: он заставил чайную ложку подняться со стола в воздух и опуститься прямо в чашку. Но и тут ему показалось, что мама слишком быстро повернулась, как раз в тот момент, когда ложка звякнула одно, поэтому он как следует не успел посмаковать свое новое могущество, которым он воспользовался так же естественно, как естественно начинает ходить сразу после рождения никогда не ходивший жеребенок.

Завтрак прошел в молчании, мама, как показалось Андрею, слишком часто бросала на него тревожные взгляды, тем не менее, проблемы чудесным образом воскресшей конфорки она больше не касалась, было видно, что этот необъяснимый феномен продолжал вызывать в ней чувство внутреннего дискомфорта.

«Если бы ты видела то, что в действительности происходило, то, что твой глаз видеть не способен, – победоносно думал Андрей, отхлебывая горячий чай только что вскипяченный силой его психической энергии, – ты бы еще больше удивилась, увидев, что стихию огня, рассеянную в пространстве в виде атмосферного электричества, можно ментально сконцентрировать в определенном месте, заставить в реальный огонь превратиться и держать столько времени, сколько нужно. Но, увы, до срока знать тебе это не следует, так что продолжай удивляться, подозревать и строить догадки. Да что там, ты и слова-то такого „пирокинез“ не знаешь. Интересно, а Аня так может?»

Андрей отметил, насколько изменилось его отношение к собственной матери, еще недавно бывшей для него большим авторитетом, выносившей, родившей и воспитавшей его. Теперь он видел в ней чуть ли не милого, наивного ребенка, не догадывающегося об элементарных вещах. Элементарных для него, взрослого.

– Спасибо, мамочка, – снова надел на себя детский слюнявчик Андрей, – мы с Аней договорились сегодня встретиться после завтрака, мне ей нужно кое-какие места показать, она ведь еще не знает здесь ничего, так что до обеда меня не будет.

– Ну, иди, иди, я понимаю, теперь тебе не до Нафтуси... да и в компании ее тебе куда интересней, чем в моей, я ведь по Лему и Стругацким не эксперт: фантазия у меня совсем уж не та, что в детстве, – в голосе мамы угадывались ревнивые нотки, – только часам к трем домой приходи, не опаздывай! Думаю, конфорку теперь уж точно разжечь не удастся, ты же сам видел, как газ закончился, так что так и так в столовую идти придется.

– Ладно, ладно, не опоздаю, – свернул Андрей тему. Повторный эксперимент с пирокинезом был бы уже явным перегибом палки, – мы не далеко.

Андрей вышел в сад. Аня еще не появилась, и ему захотелось испробовать что-нибудь еще; вообще-то изучение обрушившегося на него дара, границ и возможностей которого он пока не знал, начались несколько сумбурно. Вот в поле, куда они собирались пойти с Аней, и где, как правило, совершенно безлюдно, можно будет развернуться и поизучать себя по полной программе, а заодно проверить и Анины возможности, и посоревноваться. Андрею теперь казалось, что он значительно обскакал Аню по степени и разнообразию открывшихся в нем сидх – паранормальных возможностей. Но в этом, конечно, еще следовало убедиться, о метафизических способностях Ани ему пока было немного известно, скорее всего, она не раскрыла ему своих главных козырей. В любом случае эксперимент лучше проводить вместе, а то, мало ли что...

Мальчик минут пятнадцать прогуливался по саду, нетерпеливо поглядывая на часы: Аня почему-то задерживалась, и Андрей подумал, что неплохо бы дать знать ей, что он уже свободен, и чтобы она поторапливалась, но понимал, что вряд ли ее мама будет очень довольна если, допустим, в разгар завтрака он начнет к ним стучаться и спрашивать, скоро ли Аня освободится.

Неожиданно в его сознании всплыл эпизод, который – он это точно помнил – ни в одной из прочитанных им в этой жизни книг он не мог прочитать, и тем не менее точно знал, что это эпизод из книги, и не просто книги, а дневников некоего полковника британской армии, жившего в середине девятнадцатого – начале двадцатого века по фамилии Олькот. Мало того, впервые в жизни вспомнив эту фамилию, Андрей понял, что хорошо знает его дневники; что полковник был одним из создателей первого международного теософского общества и верным соратником великой посвященной Елены Блаватской, жизнь и книги которой Андрей, как выяснилось, тоже неплохо помнил, прекрасно сознавая, что ни одну из них он не то что не читал, но и в глаза никогда не видел. Но за последние два часа после пробуждения, его уже перестали удивлять подобные паранормальности, поэтому он не стал распаковывать из своего сознания весьма громоздкий информационный массив, а вспомнил лишь один эпизод о том, как гуру Блаватской и Олькота махатма Мория посылал полковнику записки, которые возникали из воздуха и падали ему прямо на письменный стол, и сам момент материализации Олькот неоднократно наблюдал, и даже носил эти письма на какую-то экспертизу. Одновременно в сознании Андрея появилось знание того, как это можно реально сделать, создав ментальную матрицу в том месте, где ты хочешь получить материализацию, и каким образом на ментальной матрице из обычных молекул соберется уже проявленная физическая материальность – письмо с нужной записью. Собственно, все это было схоже с эффектом пирокинеза, но требовало большей концентрации энергии и более значительного эдейтического конструирования.

Для того чтобы начать этот более сложный эксперимент, Андрей переместил сознание (сдвинув в определенное положение точку сборки) в тот фрагмент пространства, где находилась сейчас Аня, и увидел вполне отчетливую эдейтическую картинку: Аня сидела за столом,

и что-то писала в школьной тетради, а недалеко от нее прохаживалась по комнате Анина мама и что-то диктовала ей из дидактического материала по русскому языку.

«Диктант пишет, – догадался Андрей, – чего это мать с утра засадила ее за занятия, они же вчера вечером занимались? Нет, наверное, не очень удачная мысль записку из воздуха материализовывать, ее точно заметит матушка, и представляю, что с ней в этом случае произойдет, ведь, как я понял, Анина мама такая же обычная женщина, как и моя. Лучше я несколько другую чучу отчубучу, это и гораздо меньше ментальной энергии потребует».

Андрей мысленно приблизил, словно с помощью выдвигающегося фотообъектива Анину тетрадь, над которой склонилась девочка, и убедился, что та пишет под мамину диктовку фрагмент из тургеневского Бежина луга, который Андрей так же проходил в этом году и, кажется, тоже писал этот диктант.

«Получается, – отметил Андрей, – я мысленно в любое закрытое помещение могу попасть и подглядеть что угодно! Да за одну такую способность мне спецслужбы любой страны огромные деньги могли бы заплатить! А, собственно, зачем мне деньги? Да я, если захочу, прямо из воздуха смогу их создать! Ладно, сейчас проверим, не обманывают ли меня предчувствия. Если судить по удачному эксперименту с огнем, то не должны».

Андрей сосредоточил свое внимание на Аниной тетрадке и мысленно воспроизвел на полях надпись: «Я жду уже полчаса, выходи быстрее. Андрей». Затем он расслабился, убрал эдейтическое видение и стал ждать результата. Результат оказался незамедлительным, но не таким, который он ожидал: в голове его прозвучал зуммер, словно в телефонной трубке, а затем перед мысленным взором возник экран, а на нем появилась надпись, выведенная старательным почерком ученицы пятого класса: «Не пачкай мою тетрадь, мама будет ругаться! Я выйду минут через десять».

«Йес! – пробормотал Андрей, сделав характерный жест локтем, получилось! А собственно, я и не сомневался, что получится, это так же просто, как с огнем. Но Аня-то – тоже не промах, рано я в ее способностях усомнился! Как она запросто мне мысли передала! Наверное мне надо было тоже ей мыслеграмму послать, а то и правда у ее матери могут какие-то ненужные вопросы возникнуть».

Андрей проделал ту же операцию, что и несколько минут назад, но на этот раз, собираясь дематериализовать собственную надпись, но, оказалось, что надписи на полях не было, по крайней мере, Андрей ее перед мысленным взором не обнаружил. Пока он думал, что бы это могло означать, и «был ли мальчик», дверь хозяйского дома открылась и на крыльцо вышла Аня.

– Получила записку? – победоносно встретил ее Андрей, – чего это ты теперь по утрам вздумала заниматься? – закончил он фразу совершенно обыденно, словно знать через стены, чем занимается в данный момент человек, для него абсолютно обычное дело. Кстати, после твоей мыслеграммы я хотел ее стереть, но, оказалось, ее там и нет. Надпись что ли не возникла? Но тогда как ты узнала, что я тебе хотел передать?

– Все у тебя получилось, – пожал плечами Аня, – не думай, что ты так уж меня удивил, я нечто подобное от тебя ждала, а надписи нет потому что я ее стерла, не нужно, чтобы она маме на глаза попала. Она же видит, что это не мой почерк, а когда я только начинала писать, ее на полях не было.

– Как же ты ее стерла? Резинкой?

– Ну что ты, резинкой только дырку в бумаге сделаешь, я ее так же убрала, как ты написал, мысленно.

– Ты извини, – сказал Андрей, я вначале вообще хотел тебе записку материализовать вместе с бумагой, но потом передумал, решил, что меньше энергии на запись уйдет. Я, тем более, незадолго перед этим огонь на конфорке материализовал, у нас газ в баллоне закончился, – и полчаса пламя удерживал, пока мама завтрак готовила, так что устал слегка. Ты

не бойся, мама моя ничего не заподозрила, – добавил он, видя, что Аня посмотрела на него испуганно, – я так все подстроил, что она решила, что в баллоне газ оставался».

– Это правильно, – облегченно сказала Аня, – никто не должен знать о твоём внезапно открывшемся даре. Дело даже не в том, что ты всех вокруг перепугаешь и никому ничего толком объяснить не сможешь; если об этом до срока узнают люди, это нарушит тонкую ткань будущего и последствия могут оказаться катастрофическими: энергия времени самая мощная и самая разрушительная энергия! Кстати, это еще вопрос, дар ли ты получил... Ладно, пойдем в поле, а то наши мамы, похоже, скоро начнут нас подслушивать и выводы сделают самые неутешительные.

Чудесные дети (Андрей, правда, теперь был не совсем уверен, дети ли они в действительности) вышли за калитку и знакомым маршрутом двинулись по направлению к огромному полю клевера, простиравшемуся от самой окраины Трускавца до опушки дальнего «нецивилизованного» леса.

– Что ты имеешь в виду «не дар», в каком смысле? – вернулся Андрей к прерванной теме.

– Я тут думал за завтраком, – сказала Аня, – пыталась запрос *наверх* дать, но ответа не получила. Почему – не знаю, обычно получаю, а тут никакого ответа, так что пришлось самой размышлять. Так вот: то, что с тобой произошло – не результат получения информопакета, он все же таких глубоких изменений не приносит, в тебе ведь глобальная трансформация произошла – мгновенное пробуждение души! Мне даже страшно оттого, что я вижу. И тут вдруг у меня возникло самое простое объяснение того, что с тобой случилось. С тобой произошло то же, что со мной два дня назад, когда ко мне вернулась моя знающая половинка, которую твой двойник освободил. Так что это не информопакет, это скорее восстановление личности...

– Тогда, – удивленно посмотрел на нее Андрей, – почему я этого не понял, как ты поняла, когда к тебе знающая половинка вернулась?

– Все просто, – сказала Аня, – ведь она до восьмилетнего возраста во мне была и помнила всю мою жизнь, а потом оказалась в плену, а потом снова вернулась. У тебя же несколько по-другому.

– А что по-другому? – недоумевал Андрей.

– Ты ведь не вспомнил того, что было в этой жизни с ней связано, я имею в виду процесс метафизического обучения и мистическую сторону личной жизни, значит, ты в этой жизни и не был с ней в единстве, поэтому и вспоминать нечего.

– Тогда, что же это за половинку я получил, если с ней никогда и не был связан?

– Я не сказала «никогда», я сказала «в этой твоей жизни». Похоже, душа Андрея из магистрального пространственно-временного потока, того Андрея, который сейчас находится в состоянии летаргического сна, и которого я надеялась с твоей помощью разбудить, и каким-то образом свести с моим взрослым двойником из того же потока, так вот, эта душа переместилась в это твое проявление.

«А ведь она права, – подумал Андрей, – когда меня в зеркало затащило, я точно с изображением этого взрослого Андрея слился, правда, до этого, был этот феномен слияния в саду, но тогда-то я не изменился, и тот двойник был ребенком, как и я.

– Ну, и когда же она переселилась, – решил он узнать Анино мнение, – первый раз, перед самым вашим приездом или во второй?

– Конечно, во второй, ты же радикально после второго раза изменился! И потом, то, что эта душа была взрослой, как ты ее увидел, наверное, означало, что она уже имела тот духовно-энергетический потенциал, который в тебе проявился, иначе изменения не были бы столь радикальны.

– Хорошо, а кто же тогда был тот, первый двойник?

– Точно не знаю, но, скорее всего это была какая-то временная бифуркация, петля Гистерезиса, раздвоение события во времени, такое возможно, когда объект совершает скачок из одного пространственно-временного континуума в другой.

– Да, наверное, ты права, – задумчиво произнес Андрей. Феномен его радикального изменения почему-то не прояснялся ему тем же чудесным образом, что и прочие вопросы после его трансформации, именно на этот вопрос он не получал конкретного ответа. – Ну и что же из этого следует?

– Я даже не знаю, я, поэтому и решила снова потревожить Варфушу, хотя сейчас он очень занят, и ему некогда болтать со своей бывшей ученицей. Но этот вопрос очень серьезен. Дело в том, что у меня был определенный план нашего с тобой сотрудничества, кое о чем я тебе говорила: я хотела с твоей помощью разбудить твоего двойника в магистральном потоке и постараться свести его в физическом мире с моим двойником, причем сделать это необходимо было в определенный, ключевой момент времени и событий. Как это не парадоксально звучит, но эта встреча давала миру шанс измениться... Но теперь, похоже, сделать это невозможно.

– Но почему? – удивился Андрей, – что мог сделать обычный мальчик, каким я был до сегодняшнего утра? Да ничего, я и в магистральное измерение попал только благодаря тебе! Сейчас же, когда я превратился в сверхчеловека, я только и могу исполнить какую-то метафизическую миссию.

– Не все так просто, – сказала Аня, задумчиво глядя под ноги, если объяснение твоего преобразования действительно такое, как я тебе изложила, то, как раз, обретение тобой паранормальных способностей таким невысказанным образом исключает исполнение нашей миссии.

– А это еще почему?

– Неужели не понимаешь? Его знающая душа находится сейчас в твоём теле, его же необходимо разбудить в том, магистральном потоке, на котором сошлись лучи всех остальных альтернативных отражений, причем – в определенное время, необходимое для созревания всех кармических предпосылок к сроку. Но теперь твоего двойника нельзя разбудить, пока душа его находится *здесь*.

– Конечно, возможно я заблуждаюсь, но потому-то я хочу встретиться и поговорить с Варфушей.

– Да, интересный поворот событий, – сказал Андрей после долгого молчания, даже и не знаю, что сказать... но почему его душа переместилась в меня?

– Не знаю, – развела Аня руками, – для меня это такая же загадка, как и для тебя, я ни о чем подобном не слышала, и, скорее всего, если мы и получим ответ, то придет он именно к тебе, он должен быть где-то глубоко в твоей трансформированной душе.

Какое-то время ребята шли молча под мягкий шорох клевера и стрекотание кузнечиков. Андрею почему-то вспомнилось о том, что раньше он любил ловить огромных зеленых кобылок, а затем стравливал их таким образом, чтобы более крупная убивала своими мощными клешнями другую, при этом совсем уже ни к селу ни к городу возникла почти зримая картинка, что кузнечики превращаются в его двойников и гигантскими челюстями начинают крошить друг друга.

«Тьфу ты, мерзость, какая, – подумал Андрей, мысленно передернувшись, – придет же такое в голову! Никогда больше несчастных насекомых стравливать не буду!» – Он подумал о том, что теперь никакие детские игры не будут ему интересны, и не будет больше в его жизни ни пятнашек, ни прятков, ни казаков-разбойников. Честно говоря, ему теперь было вообще не понятно, как жить дальше, чем заниматься и как общаться со своими приятелями во дворе и в школе, ведь в одночасье все в его жизни переменялось, и говорить с ними после всего, что произошло теперь уже совершенно не о чем. Он мысленно перебрал темы и проблемы, которые прежде обсуждал со своими сверстниками в Ленинграде и понял, что весь этот детский

лепет для него теперь смехотворен. Кстати, со взрослыми ему так же будет неинтересно, как и с детьми тем более, они и не возьмут его в свой круг общения, поскольку внешне он продолжал оставаться ребенком. А внутренне? Разумеется, нет, хотя сказать, что он превратился внутренне в кого-то наподобие своего папы, тоже нельзя сказать, он совсем другой. Инопланетянин. Да, это, пожалуй единственное адекватное сравнение, и как все инородное, теперь он должен будет либо притворяться, но насколько его хватит? Либо показать себя таким, какой он есть, и быть отвергнутым этим обществом, возможно даже посаженным в дурдом! А, собственно, почему отвергнутым, и почему в дурдом? Конечно, старых друзей и возможно даже родителей он потеряет, но ведь теперь он – уникальный феномен, которым наверняка заинтересуются ученые, а значит, новый круг его знакомых будут ученые... или комитетчики. Скорее всего, и те, и другие, наверняка под патронажем КГБ трудится немало ученых самых разных направлений, ведь то же самое было когда-то с Аней. Скорее всего, его заставят делать не очень хорошие вещи. Готов ли он к этому? Правда теперь у него будет все, что он пожелает, но нужно ли ему все это? Да, выходит так, что неожиданно открывшийся чудесный дар, размеров которого он и сам пока током не знает, несет ему в перспективе очень серьезные развороты судьбы, которые и не знаешь толком, как оценить – как высочайший дар или как проклятье. Не исключено, что как только он попадет в руки ученых и КГБистов, то отношение к нему будет не как к высшему существу или к коллеге, а как к опасному подопытному животному! А впрочем, все это досужие домыслы, сейчас очевидно только одно: с одной стороны он приобрел нечто невообразимое, что может принести ему и величайшие блага и величайшие бедствия, но с другой стороны – и он пронзительно почувствовал это в свете сожаления – он потерял свое детство...

Мысли о друзьях и возможном грядущем одиночестве снова привели его к образу девочки, которая шла рядом с ним, и тоже молчала, очевидно, погружившись в свои мысли. Выходит так, что полноценно общаться он сможет теперь только с ней. Но ведь через две недели он уедет в Ленинград и, скорее всего никогда больше ее не увидит! При мысли об этом Андрею сделалось тоскливо. А может все же есть на свете еще люди, а еще лучше – дети, подобные ему и ей? Если бы удалось найти подобных собратьев-инопланетян, проблема одиночества была бы решена.

– Скажи, – решил поднять Андрей эту тему, – а ты не встречала в своей жизни кого-нибудь вроде себя... ну, теперь и вроде меня – добавил он без ложной скромности.

Аня задумчиво покачала головой:

– Нет, я уже говорила тебе об этом, моим основным кругом общения были всякие потусторонние существа, которых теперь видишь и ты. Но если говорить о других необычных контактах, то около двух месяцев меня обследовали в лаборатории парапсихологии, давали всякие задания, ставили эксперименты... очень скоро я потеряла свою знающую половинку и больше двух лет была самой обычной девочкой...

– Ну и как тебе, было, – заинтересовался Андрей, – все же что лучше – быть как все или белой вороной? Я только что думал об этом, и у меня создалось впечатление, что еще неизвестно, радоваться тому, что я приобрел или проклинать этот миг?

– Я не знаю, что лучше, – вздохнула Аня, – когда я утратила память, мои школьные друзья были по-прежнему очень насторожены со мной, думали, что я притворяюсь. Я имела глупость продемонстрировать им раньше несколько феноменов, поэтому они так и продолжали относиться ко мне, как к инопланетянке. С другой стороны, утратив память «живого мира», я все время чувствовала, что забыла что-то очень важное, и это чувство не давало покоя ни днем, ни ночью. Вернее во сне я возвращалась к своему утерянному я, а утром ничего не помнила, но чувство «забытого» усиливалось день ото дня. Нет, я не могу сказать, что стала счастливее оттого, что превратилась в обычную девочку. Великий зов, однажды прозвучавший в твоём сердце, уже никогда не дает себя забыть.

– Но почему ты не искала подобных тебе?

– Я искала... – усмехнулась Аня, – и вот нашла тебя.

– А других?

– Про других я ничего не знаю, а Варфуша мне не рассказывал, возможно, специально. Он говорил, что и у меня и у тебя – совместная миссия на этой Земле, и кто-то третий нам не нужен, кто-то третий может только нарушить провиденциальный план.

– Но неужели люди, подобные нам, должны обязательно оставаться в одиночестве или, в лучшем случае объединившись со своей парой, либо общаясь со всякими духами и привидениями? Неужели нельзя, допустим, даже пользуясь поисковым видением (я чувствую, что в принципе это бы смог), найти таких же, как мы, пусть даже и в других странах, если в Советском союзе таких больше нет, и объединиться?

Аня развела руками:

– Возможно у других так и происходит, но наша с тобой миссия – миссия одиночек, я это точно знаю, кто-то третий обязательно, даже сам того не желая, нарушит Провиденциальный план. Нет, конечно, общаться можно с кем угодно, но миссия у нас своя, хотя, разумеется, бывают и групповые миссии, а так же миссии одиночки, где даже второй может нарушить Равновесие.

– И откуда ты это знаешь? – поглядел на нее Андрей с сомнением, – я, например этого не чувствую, хотя, начиная с момента сегодняшнего пробуждения, постоянно получаю информацию, о которой раньше даже не догадывался.

– Наверное, – пожала плечами Аня, – потому, что мы – диада, предназначенная для некой миссии, и моя монада ведущая, а твоя – ведомая, но это не значит, что она менее значима.

– Это еще надо посмотреть, чья ведомая, а чья ведущая, – пробормотал невнятно Андрей так, чтобы Аня не услышала. А впрочем, если бы то же самое Аня сказала вчера, это нисколько не показалось бы ему обидным.

Возможно, Аня уловила эти его мысли, потому что сразу как-то оценивающе поглядела на Андрея, однако никак это не прокомментировала.

Вслух же Андрей сказал:

– Я помню наш разговор: наши двойники должны встретиться в магистральном пространственно-временном потоке и у них должна родиться... ладно, не буду, – прервался он, видя странный Анин протест на продолжение его версии по поводу их совместной миссии. – Кстати, я так и не понял, почему я не должен произносить это имя и свое понимание...

– Слова произнесенные есть ложь, – сказала Аня, загадочно улыбаясь, – могу только сказать, что словесное описание нашей миссии может привести к нарушению ткани Провиденциального плана. Это что-то вроде сглаза, только в гораздо более широком, метафизическом смысле.

– Мне кажется, – сказал Андрей, – и это снова информация из моей вставки, что ты мне когда-то, тем не менее, эту миссию подробно описывала. Хотя ни обстоятельств, ни деталей я не помню, это, наверное, что-то из прошлой, скрытой жизни.

– Это можно объяснить по-разному, – вздохнула Аня, – у меня так же есть смутная картина какого-то подобного события. Возможно, в то время я этого еще не понимала, и тогда нарушение ткани уже произошло. В этом случае нас ожидают непредвиденные трудности, либо миссия вообще окажется невыполнимой. Либо... либо это какая-нибудь дезинформация, подкинутая в нашу память Князем мира сего. Эти вещи чрезвычайно трудно разграничить, Гагтунгр могущественен...

– Выходит, – посмотрел на нее Андрей скептически, – я должен полагаться на свое представление о нашей миссии, а ты на свое? А вдруг они не совпадут?

– Да брось ты, – усмехнулась Аня, – мы и без слов прекрасно пойдем друг друга. Ведь попал же ты в слой, где сейчас спит твой взрослый двойник? Все и дальше будет хорошо...

будем надеяться. Ну а непредвиденные обстоятельства – так без них и жизнь была бы совсем неинтересной.

– Я думал, – сказал Андрей значительно, – при нашем совместном даре ясновидения можно предвидеть все непредвиденные моменты.

– Я тоже так раньше думала, – сказала Аня, – но все оказывается сложнее, мы с тобой не всеильны. Когда пройдет эйфория по поводу твоих чудесных возможностей, ты поймешь, что не все так безоблачно, как кажется...

– Да мне и не кажется, – вздохнул Андрей, – я как раз буквально недавно думал, что еще неизвестно, что лучше – быть обычным, как раньше, или инопланетянином, как сейчас.

– И не только это – сказала Аня, – учти, что к тебе теперь проявят интерес могущественные силы. Очень могущественные. И силы эти будут представлять собой противоположные полюса. Будь уверен, они знают о нашей миссии, и темная сторона постарается сделать все, чтобы она не была выполнена.

– Ну, если сам дьявол против нас, – криво усмехнулся Андрей, – неужели у нас есть шансы на успех?

– Во-первых, – сказал Аня, – дьявол не может воздействовать на свободу выбора, он действует через систему соблазнов, но решения, в конечном счете, принимаем мы сами, а во-вторых у нас есть не менее могущественные помощники со стороны провиденциальных сил.

Какое-то время ребята прошли молча, углубленные каждый в свои мысли под шуршание стрекоты, гул шмелей и стрекотание кузнечиков.

– Послушай, – первым нарушил молчание Андрей, – а почему, собственно, мы обязаны выполнять эту самую миссию, которая, как я понял, достаточно опасна и может обернуться самыми непредсказуемыми последствиями? Почему нельзя жить просто как все: радоваться новому дню и солнышку над головой? А если правильно распорядиться тем даром, который делает нас особенными людьми, ну, ты понимаешь, о чем это я! В конце концов, чтобы ты не думала, что я такой эгоист, – поправился Андрей, увидев тревожный взгляд Ани, – ведь и твой и мой дар можно использовать на благо людям! Я, правда, так сразу не соображу, как именно, но наверняка можно! Например, я чувствую, что мог бы диагностировать и лечить многие заболевания, и ты наверняка бы могла. Или определять места полезных ископаемых и исправлять погоду. Да, мало ли что еще! Стоит только начать. В конце концов, мы могли бы обучать обычных людей науке живого мира, как ты выражаешься, или йоге, как ближе мне (странно, ведь никогда никакой йогой не занимался). Конечно, пока мы дети, вряд ли кто-то будет воспринимать нас всерьез, но мы можем заняться этим, когда вырастем. Возможно, к тому времени и отношение к подобным паранормальным явлениям в нашей стране будет совсем иным.

– Знаешь, – сказала Аня, – меня два с лишним года назад уже исследовали в закрытой лаборатории по изучению парапсихологических феноменов, и чуть было с моей помощью (о чем я даже не подозревала) не довели до ума психогенератор, с помощью которого было бы возможно воздействовать на сознание людей и превращать их в зомби. Хорошо, что обстоятельства сложились таким образом, что я некоторые вещи узнала, и мне удалось его уничтожить. Но это все благодаря Варфуше и, кстати, твоему двойнику. Так что не строй иллюзий, если государственные люди узнают о твоих возможностях, они постараются их использовать только для укрепления своей власти, в противном случае они постараются тебя уничтожить, поскольку они, сами того не зная, человекоорудия иицраора – демона государственности. Меня не тронули после всех этих перипетий с психогенератором Ильина только потому, что обо мне знал маленький круг людей и я сделала так, что они обо мне забыли.

– Но, наверное, и я бы смог, – встрепенулся Андрей, – хотя, – он опустил голову, – я уже думал над тем, что из меня постараются сделать подопытного кролика! Но ведь кто предупрежден, – тот вооружен, мы можем не допустить тех ошибок, которые допустила ты!

– А знаешь, Андрюша, – вздохнула Аня, – мне бы, наверное, тоже хотелось максимально упростить свою миссию, тем более, если руководствоваться здравым смыслом, то так и надлежит поступить. Но все дело в том, что миссия не всегда согласуется со здравым смыслом. Возможно, у какого-то другого обладателя паранормальных возможностей миссия и заключается в том, о чем ты говоришь. Прости, но я слишком хорошо знаю, что наша – в другом. В том, что мы с тобой не произносим...

– Но почему ты так уверена? К тому же ты сама говорила, что принцип свободы выбора, свободы воли не должен нарушаться!

– А я и сделала выбор! Скажи, когда дьявол в пустыне соблазнял Иисуса Христа и предлагал ему все сокровища и царства за его бессмертную душу, разве Спаситель не сделал выбор? Крестный путь ради какого-то эфемерного спасения человечества, которого мы, глядя назад в историю, даже и заметить не можем? Нам кажется, что человечество не изменилось. Разве не логичнее было принять предложение дьявола, учитывая тот факт, что Иисус предвидел свое будущее и знал, чем его земная жизнь закончится? Мы ведь не знаем того, что если бы эта, казалось, бессмысленная жертва Христа, то человечество бы через несколько веков ожидала трансформация демонизации, и наша земная раса превратилась бы в дьяволочеловечество. Теперь вновь приближается время, когда человечество ждет альтернатива: полная демонизация или полная раздemonизация! Неужели не ясен выбор?

– Но что можем мы, дети, по крайней мере, по облику, – все не мог смириться с неизбежным Андрей. – Разве нас можно сопоставлять с Иисусом Христом («кстати, а почему бы и нет»! – мелькнуло в его голове), тем более до вчерашнего дня я считал, что его и вовсе не существовало на земле. И почему ты с такой уверенностью говоришь о том, что человечество должно либо демонизироваться, либо раздemonизироваться? У меня, например, нет такой уверенности! Человечество существует уже много тысячелетий, кто-то служит Богу, кто-то дьяволу, кто-то то тому, то другому попеременно, а большинство и вовсе не догадывается, что кому-то служит! И ничего – ни рогов с хвостом, ни крылышек с нимбом, ни у кого пока не выросло. С чего ты взяла, что мы способны спасти человечество, тем более что, возможно, и спасать то никого нет необходимости: как жили люди преспокойненько, так и будут жить – то грешить, то каяться.

– Я ЗНАЮ, – пристально посмотрела Аня в глаза Андрею, – именно поэтому я – ведущая, а ты – ведомый, хотя твои паранормальные возможности сейчас не меньшие, чем мои.

– Но почему в моей вставке этого нет?! Я постоянно получаю из нее информацию, о которой раньше и понятия не имел – вернее, мое прежнее я не имело...

– Ты сам ответил, – усмехнулась Аня, – возможно, там этой информации просто нет. Возможно, по какой-то причине важно, чтобы ты не имел полную уверенность в том, о чем я тебе говорю, возможно, тебе необходимо преодолеть сомнения и соблазны, чтобы сделать мучительный выбор, и это так же учтено Провиденциальным планом. Что же касается сравнения тебя и меня с Иисусом Христом, то иногда важнейшая, глобальная миссия по какой-то неведомой причине возлагается на слабые и даже на детские плечи. Не знаю, читал ли ты «Властелина колец» Толкиена, но там хорошо описана такая ситуация, когда миссия спасения цивилизации оказалась возложена на маленьких и слабых хоббитов. А ведь мы с тобой не хоббиты, а потомки Христа, теперь ты должен знать об этом.

– Ну да, Мервинги, – произнес Андрей никогда не произносимое ранее родовое имя, – кстати, хоть Толкиена я в этой жизни не читал, тем не менее, хорошо знаю эту историю. Именно на том основании, что неизвестные ранее знания теперь раскрываются передо мной самым чудесным образом, я считал, что если бы человечество стояло перед роковым выбором, я бы об этом знал. Однако никакого сигнала на этот счет мне не поступило.

– И, тем не менее, я прошу тебя поверить, твое неверие может слишком дорого обойтись для судеб земли в целом.

– Хорошо, допустим, я верю, ну и что мы должны делать дальше? Мне это совершенно непонятно. Обучать меня дальше науке Живого мира, как я понял, теперь не имеет смысла, а пробуждать взрослого Андрея Данилова из магистрального событийного потока, после вселения его души в меня, невозможно. Но о какой тогда миссии возможно говорить?

– Не все так просто, – сказала Аня несколько рассеяно, словно прислушиваясь к чему-то, – я не обо всем могу говорить вслух, я уже предупреждала тебя о некоем провиденциальном принципе, который напоминает эффект сглаза и самосглаза. Но о каких-то ближайших шагах я смогу тебе сказать, хотя на данный момент у меня нет уверенности в том, что делать дальше, тут возможны варианты, но в любом случае я должна посоветоваться с Варфушей. Да, кстати, вот мы и пришли, ты тут займись чем-нибудь, а я какое-то время «поментая».

Андрей осмотрелся: действительно, похоже, это было то самое место, где они вчера наблюдали шмеля, превратившегося в забавного человечка, который, в действительности, оказался то ли домовым, то ли посланником богов.

«Господи, – подумал Андрей, – это случилось только вчера, а теперь все изменилось настолько, словно бы я прожил целую большую жизнь... нет, множество жизней. Думал ли я еще вчера утром, что со мной такое может случиться? Да любого, кто бы мне это сказал, я бы счел сумасшедшим. Теперь же – новая напасть: оказывается, мы с Аней призваны человечество от чего-то там спасать, хотя вначале она ничего мне об этом не говорила. Впрочем, теперь меня уже и это не удивляет, скорее, удивляет то, что из моей чудесной вставки на этот вопрос ответа не приходит. На все остальные приходит, а на этот – нет! А если она меня для каких-то своих целей использовать решила с моими новыми возможностями? Нет, что я такое думаю, как такое в голову прийти может!»

Тем временем Аня села в клевер недалеко от пересечения двух проселочных дорог, определенным образом подогнув под себя колени, прикрыла веки и застыла неподвижно.

«Вирасана, – мысленно прокомментировал Андрей, произнеся незнакомое ранее слово, – вообще-то всякие ментальные манипуляции обычно в падмасане делают. Интересно, этот ее домовый опять в виде шмеля явится или как-то иначе?»

Андрей осмотрелся. Шмелей, привлеченных душистым клевером, было хоть пруд пруди, – а так же пчел, бабочек, ос, стрекоз и кузнечиков, но, судя по всему, все это царство насекомых не имело к таинственному наставнику Ани никакого отношения. Вчерашний шмель был каким-то не таким, с каким-то разумным взглядом, который скорее ощущался, чем имел внешние характеристики. Андрей сдвинул точку сборки, чтобы посмотреть, чем на ментале занимается Аня, и с удивлением отметил, что она как бы пропала, то есть физический план он перестал воспринимать, перейдя на другой диапазон восприятия, а на тонком плане она не появилась, что было Андрею непонятно.

«Ого, – подумал Андрей, – похоже, она сейчас на таком уровне работает, который мне не удастся уловить, либо вообще делает что-то мне непонятное! Похоже, я ее недооценивал! Ну ладно, она меня в этот раз совместно медитировать не приглашала, может, не доверяет после моих выступлений... а, собственно, что я такого сказал! По-моему вполне здравые сомнения, чего ради я обязан кота в мешке покупать!»

Андрей, продолжая оставаться в восприятии тонкого плана земных стихий с удивлением наблюдал струистый, живой, постоянно меняющийся мир, заполненный человекоподобными и совсем не человекоподобными призрачными существами, сменивший привычный, фиксированный, воспринимаемый обычным зрением мир. Он подумал было пообщаться с кем-нибудь из полевых стихий, например струистой Вайитой, напоминающей чем-то воздушную горную речку, которая одухотворяла летние освежающие ветра над полями и равнинами, либо с более приземленной, напоминающей стайку цветастых бабочек, Фальторой, пестующей флору и фауну тех же лугов и полей, но тут ему пришло в голову, что нечто подобное он уже делал и это слишком просто. Вот было бы интересно вызвать сезонную природ-

ную стихиаль, которая здесь не присутствует. Хватит ли его могущества на то, чтобы вытянуть в ближайшее отражение какую-нибудь зимнюю стихиаль, к тому же было бы интересно посмотреть, к чему это приведет. Нет, разумеется, зону надо ограничить площадью, допустим метров в десять-пятнадцать, а то мало ли что. Лель ведь четко сказал, что погода изменится. Андрей, которому всегда было присуще недовольство текущим моментом: зимою хотелось лета и наоборот, – подумал, что ему уже изрядно надоела летняя, то истомная, то будоражащая атмосфера, и неплохо было бы охладиться и погрузиться в зимнюю предновогоднюю праздничность и ожидание сказки.

«Конечно, – думал Андрей, – насчет снега этот Лель, конечно, загнул, это в принципе невозможно, а вот прохлада бы не помешала».

Андрей, мысленно очертив вокруг себя определенного размера круг, начал настраиваться на те хорошо памятные ощущения, которые возникали у него в канун нового года, и тут в сознании его неожиданно всплыло красивое, поэтическое слово «Нивенна». Затем сами собой возникли строчки, которые, очевидно, должны были вызвать эту зимнюю стихиаль из какого-то собственного пространственного слоя, в данное время не пересекающегося с той географической широтой, на которой находился Андрей.

Я предпраздничных святок крылатая дочь,
Подметаю сугробы в Крещенскую ночь,
И гадалка, взглядевшись в зеркал коридор
В нем заметит мой нежный туманный повтор.

Мне приятна снежинок беспечная речь,
И когда разворчится, закашляет печь,
Я люблю начертать на оконном стекле
Сказ о том, как лютует мороз в феврале.

Я рождественской тайны несу аромат,
И когда новогодние свечи горят,
Из стеклянных игрушек, украсивших ель,
Извлекаю бубенчиков звонкую трель.

Если вдруг среди веток в застывшем лесу
Ты увидишь зайчонка, слона и лису
Или россыпь алмазов на снежном ковре
Ты помыслишь о ветре и света игре.

Но за каждой бессмысленных вихрей игрой
Ощутишь дуновенье Нивенны земной,
И за каждой причудою зимних стихий
Ты заметишь мои скоморошья штрихи.

И когда ты сойдешь на седые снега
Я в твоей диадеме зажгу жемчуга
И осыплю снежком на тропинке лесной...
Как еще мне порадовать Навну зимой.

«Опять какая-то Навна, – подумал Андрей, закончив мысленно произносить ранее неизвестные строки. Хотя, почему какая-то? Что-то я о ней знаю». – Тем не менее, он не успел выудить из своей чудесной вставки сведения о Навне, поскольку его отвлек феномен, явив-

шийся, очевидно, ответом на только что придуманное стихотворение. Андрею показалось, что он словно бы глянул в очень глубокий, темный и студёный колодец, на дне которого вроде бы поблескивала отражающая небо и звезды вода (говорят, в глубоком колодце даже днем можно увидеть звезды). А может, это была и не вода, потому что через минуту скважина колодца начала затуманиваться и возникло чувство, что нечто начало подниматься из этой прямо-таки межпространственной глубины. Не прошло и нескольких минут, как колодец исчез, и на месте его в эфемерном небесном окне странно мерцало и покачивалось удивительное белоснежное существо, напоминающее нечто среднее между снегурочкой и полностью засыпанной снегом елью с бледным юным лицом, окутанным клубами морозного пара, голову которой украшала алмазная (или ледяная?) диадема, сияющая разноцветными лучами холодного зимнего света. При этом если Лель, с которым Андрей общался сегодня утром, бодрствовал и был активен, чудесная Снегурочка-ель, по-видимому, спала – глаза ее были закрыты, Андрея она, похоже, не замечала и дышала ровно и глубоко, как спящая. Появление зимней стихии, хоть и спящей, тут же привело к изменению окружающей среды: воздух наполнился изморозью, а затем тот мысленный экран Андрея, которым он, как Хома Брут святым кругом, отгородился от внешнего пространства, стал вдруг виден, покрываясь, как оконное стекло, расписными узорами инея, которые быстро превращались в ледяную корку. Андрей почувствовал, как колкие, холодные лучи диадемы просто пронизывают холодом. Пространственный ментальный цилиндр, очерченный Андреем, наполнился сначала морозными клубами пара, какие врываются в деревенскую баню, когда открываешь двери зимой, затем пар распался на веселые, играющие в лучах чудесной диадемы, снежинки, и они с веселым шепотом закружились в восходящих потоках смерча, возникшего, очевидно, от резкого перепада температур. При этом Андрею слышался то мелодичный звон нарядных новогодних шаров, то потрескивание поленьев в печи, то ударял в нос дивный морозно-смоляной запах только срубленной ели, и всплывали в памяти какие-то фрагменты совсем уже ранних воспоминаний о Новом годе, когда еще жила вера в Деда Мороза и Снегурочку, и детское сердце улавливало дух Рождественской сказки в обыденных вещах.

Тут Андрей почувствовал, что сильный холод буквально пронизывает все его существо. Ему никогда не приходилось оказываться в шортиках и тоненькой рубашке на десятиградусном морозе, он переступил несколько раз с ноги на ногу, и услышал, как хрустит под ногами мгновенно замерзшая трава, превратившаяся в хрупкий фарфоровый декор. Андрей понял, что явно перегнул палку, хоть и не ожидал такого эффекта – все же Лель что-то говорил о часедвух, которые необходимы, чтобы летняя погода превратилась в зимнюю.

«Ладно, убедился, – подумал он смятенно, – похоже, поговорить с ней не удастся, да и слишком холодно для подобных бесед. Надо сообразить, как ее обратно в свой колодец из сказки про Морозко отправить».

Собственно, до сего момента все происходило очень легко, Андрей просто сдвигал точку сборки в состояние восприятия Энрофа и переставал видеть и слышать проявления тонкого плана. В данном случае он поступил аналогичным образом, но оттого, что перестал видеть Нивенну и блеск лучей в ее диадеме, легче ему не стало: в воздухе продолжал кружиться снежный вихрь и температура вокруг отнюдь не повысилась. Андрей чувствовал, что за эти десять минут превратился в ледышку и вскоре может замерзнуть окончательно, то есть насмерть. В этом критическом состоянии он вдруг почувствовал, что ему становится все теплее и теплее, на него наваливается непреодолимая сонливость, и, хотя самое разумное в данной ситуации было сделать десяток шагов и выйти за границу мысленно очерченной им зоны контакта с Нивенной, Андрей, повинувшись этому противоестественному, но всеобъемлющему желанию спать, улегся на снег и впал в дремотное состояние, сопровождающееся убаюкивающим гулом метели, все усиливающимся ощущением Рождественской сказки и сонными грезами, сопровождающимися звоном бубенцов на оленьей упряжке Санта Клауса. Снег засыпал

его, и Андрею казалось, что его укутывают нежной периной и поют колыбельную, как в детстве...

По-видимому, он все же впал в полное забытие, которое у замерзающих людей плавно переходит в смерть от переохлаждения, поскольку очнулся оттого, что его упорно трясут за плечо и ощутимо бьют по щекам. Андрей открыл глаза и увидел, что новогодняя сказка закончилась, над ним сияет и, главное, основательно греет августовское солнце, вокруг полегла пожухлая, побуревшая трава и поникшие мертвые цветы клевера, и еще Андрей отметил, что вокруг очень сыро, кое-где видны остатки быстро тающего снега, а сам он, помимо того, что трясется от холода, мокрый до нитки. Тут только он понял, что над ним склонилась Аня и энергично приводит его в чувства. Ему стало неловко за свое беспомощное положение, он зашевелился, затем с трудом начал подниматься на ноги – члены его задеревенели и плохо слушались, правда, жаркое августовское солнце быстро делало свое дело.

– Не обморозился? – с тревогой оглядела его Аня, – говорят в первую очередь уши и пальцы отмораживаются. – Она коснулась ушей и носа Андрея, затем начала растирать его пальцы. – Нет, вроде все нормально, – сказала она после поверхностного обследования, от которого Андрею сделалось неловко и как-то волнительно одновременно, отчего он покраснел – все же значительная его часть по-прежнему оставалась застенчивым ребенком, еще не знавшим нежных прикосновений, помимо материнских, – наверное, тебя больше изнутри проморозило, чем снаружи, а наружное обморожение не успело наступить. Возможно, это связано с тем, что Нивенна спала и на тебя свой зимний сон навеела, иначе ты бы не успел так быстро в кому от переохлаждения впасть.

– Ч-ч-что это было? – с трудом выговорил Андрей, едва ворочая языком.

– Это тебя надо спрашивать, что ты натворил! Зачем зимнюю стихию потревожил?! Она сейчас спит, поэтому не контролирует свои действия.

– Я не знал, – начал оправдываться Андрей, – язык его постепенно начинал слушаться, – мне почему-то немножко зимы захотелось... а с летней стихией, Лелем, я уже общался... я не думал, что сразу же так холодно будет, думал, это в основном на тонком плане будет происходить, Лель говорил, что погода в течении часа-двух меняется, а тут нескольких минут не прошло. А потом мне ее убрать не удалось, я думал, точку сборки в обычное восприятие поставлю, и она исчезнет, а она не исчезла, а потом вдруг так уютно и приятно сделалось, что я даже не сообразил, что надо из этой зоны убежать.

– Убаюкивание – это главное коварство Нивенны и Затлуна, – кивнула головой Аня, – я думаю, так быстро похолодало потому, что ты ограничивающий барьер поставил, иначе бы на значительной территории погода менялась значительно медленнее. Ну а по поводу того, как надо было стихию на место отправить, так ты, конечно, не правильно действовал, просто сдвинуть точку сборки недостаточно, это ведь только уровень восприятия, а для воздействия – тут акт нужен: либо магическое заклинание, либо шаманское камлание, либо непосредственный контакт. Ты как ее вызвал?

– Да стихотворение симпровизировал, появляется вдруг способность мгновенно стихотворение сочинить. Так я и с Лелем в контакт вступил, когда по саду прогуливался и тебя ждал. Я так понял, что эти стихи и есть заклинание.

– Очевидно да, – пожала плечами Аня, – у тебя это, видимо, в такой форме, поскольку ты по своей природе поэт. У меня это несколько по-другому. Ну, так вот, чтобы Нивенну назад оправить и экран убрать, чтобы холод рассеялся, нужно было бы настроиться, чтобы к тебе освобождающее стихотворение пришло, тогда бы все исчезло – а ты этого не сделал.

– Может, я бы и догадался, – смущенно пробормотал Андрей, – но на меня такая сонливость навалилась, и так вдруг хорошо сделалось, как в далеком-далеком детстве, что я уже не соображал, что просто замерзаю, как в степи ямщик. Но в любом случае ты спасла

мне жизнь! – вдруг дошло до Андрея очевидная истина, если бы не ты, я бы, наверное, уже в ледышку превратился!

– Ну, возможно, ты преувеличиваешь, – смущенно посмотрела на свои туфельки Аня, – все же, наверное, когда бы ты совсем отключился, Нивенна бы сама исчезла, ведь ее держал твой ментальный посыл! Тогда бы и температура постепенно повышаться начала.

– Вот именно, что постепенно, в этом цилиндре градусов 20 ниже нуля было, и я бы успел окочуриться, пока тут все нормализовалось бы.

– Да нет, думаю, не успел, ведь экран тоже бы исчез, а без него бы и холод быстро рассеялся. Тут все же небольшой объем.

– Ну ладно, хорошо, что хорошо кончается. Кстати, а как ты все это нейтрализовала? Заклинание какое-то?

– Не совсем, это скорее схоже с твоим недавно открывшимся даром. У меня рождается мелодия, которую можно спеть, а можно просто мысленно воспроизвести, значения не имеет, ведь тут задействованы тонкие энергии, связанные с природой мысли. Тебе ведь тоже не обязательно произносить стихотворение вслух.

– А, ну ясно, – кивнул головой Андрей, в твоей мелодии содержится определенный ментальный частотный код, который соответствует тому или иному магическому действию.

– Можно и так сказать, – пожалала плечами Аня, – это как ключ к замку...

– Как ты думаешь, – спросил Андрей, – почему мне с Нивенной контакт наладить не удалось, как с Лелем?

– Разве не понятно? Она же спала, а Лель бодрствовал. Ты же ее из собственного пространства в Энроф вытянул, а здесь лето. А летом она в Энрофе только спать может. Ну а природа ее такая, она что спит, что бодрствует, но только морозить может.

– Ну, это я понял... кстати, – спохватился Андрей, – а Варфуша-то где? Я думал, он как в прошлый раз явится в виде шмеля, а потом в человечка превратиться... – Андрей за эти два дня настолько привык к чудесам, что его скорее удивляло отсутствие домового, чем его наличие.

Аня развела руками:

– Пока что-либо говорить преждевременно, но он почему-то не отзывается. Вчера, вон, сам явился, когда его никто не звал, а сегодня не отзывается! Однажды уже так было, когда его одна нехорошая женщина похитила. Но тогда он был привязан к нашей комнате и постоянно совершал экскурсии из мира домовых Манику в Энроф. Теперь же он с Энрофом не связан, ему, после того как он вспомнил свою истинную суть посланника богов, удалось наладить контакт с плененной Навной, и я знаю, что он исполняет какие-то неведомые мне миссии, которые ему Навна передает.

– Навна... Навна... ах да, я знаю, кто это такая! – из чудесной внутренней энциклопедии в сознание Андрея тотчас хлынули соответствующие сведения. – Это соборная душа России, и она со времен смутного времени пленена. Ее русский демон великодержавия, Жругр, пленил, когда она с какой-то чрезвычайной миссией в преисподнюю спускалась. Она вместе со своим садом заблокирована под Антимосквой-Друккаргом с помощью особой демонической материальности и не может оттуда вырваться. Правда, в этой плите карроха имеется брешь, через которую Навна может посылать в мир свои отражения...

– Примерно о том же мне рассказывал Варфуша, – опустила глаза Аня, – со времен ее пленения русский этнос утратил свою объединяющую душу и растерял большую часть духовности. Если бы ни брешь в этом чудовищном саркофаге, которую сумел проделать Ярослав – demiург России, то русские вообще перестали бы быть русскими, и не существовало бы такого особого понятия, как русская душа, русская культура. Если бы Навна была в Небесном кремле все эти годы, история России оказалась бы совершенно иной. Возможно, тогда иной оказалась бы и история земли.

– Ну что ж, – сказал Андрей, который к тому времени знал о Навне примерно то, о чем мы упомянули во второй книге романа, – все это печально, но, по-моему, бесполезно думать о том, что могло быть, если бы. К чему рассуждать о богах и полубогах; их дела и задачи мы вряд ли до конца поймем. Но ты не дорассказала о своем домовом-бриллианте.

– Мне так и не удалось выйти с ним на контакт, – сказала Аня, – на мой зов, на мою метку он так и не явился, я попробую поискать его в других местах, но сейчас у меня вряд ли получится, я все же немало сил потратила на то, чтобы этот ледяной домик растопить. Да и расстроилась сильно, надо равновесие восстановить. Потом, здесь немного не та обстановка, а времени на собственный поиск нужно много – с полным отключением от физического тела. Возможно, придется разные астральные пространства посетить, а те пространства, в которых Варфуша в облике домового может находиться, они с энергиями ночи связаны, их ночью надо посещать.

– Послушай, – сказал Андрей, – а собственно, зачем тебе его так срочно разыскивать потребовалось? Мало ли где он может быть? Ты же не можешь весь Шаданакар обыскать, ты же сама говоришь, что у него сейчас много дел и задания от Навны, о которых ты ничего не знаешь. Если он на твой зов не откликнулся, значит, занят чем-то важным, и, возможно, его и не надо сейчас тревожить. Если он такой могущественный и мудрый дух, то он и сам тебя найдет, если почувствует, что ты должна спросить у него что-то важное. Кстати, я так и не знаю, что ты у него спросить задумала?

– Это касается нашей совместной миссии, которую, как мне кажется, мы получили уникальную возможность хотя бы частично исполнить. Я уже говорила, что не могу произносить суть ее вслух.

– Но почему мы должны ее исполнять? Кому мы что-то обязаны?!

– А ты разве сам не чувствуешь?

– Да нет же!

– Странно, – нахмурилась Аня, – мне казалось, ты должен... и потом, по некоторым фразам, которые ты не договорил до конца, по крайней мере, об одном аспекте этой миссии ты знаешь. Ты не любишь людей?

– Я? – смутился Андрей, – почему не люблю... хотя, честно говоря, я об этом еще не думал.

– Но ведь я же говорила тебе о том, какая альтернатива стоит сейчас перед людьми!

– А, ты об этом... – снова смутился Андрей, – да, конечно, но, мне кажется, ты несколько преувеличиваешь опасность...

– А если даже предположить, что я преувеличиваю, – в упор посмотрела на него Аня, – хотя эта истина открылась мне из источника, подобного твоему, и о том же мне говорил Варфуша, неужели, если бы ты имел уникальную возможность сделать человечество чуть лучше и счастливее, ты бы этим шансом не воспользовался? Пусть даже от тебя это потребует каких-то усилий?

– Я... да... нет..., да, конечно, а что, мы такую возможность имеем?

– Я уже тебе говорила, – терпеливо продолжала Аня, – сложилась уникальная ситуация, не могу тебе подробно описывать, какая именно, считай, что звезды так сошлись, что мы имеем такую возможность! Только учти, звезды занимают благоприятное положение недолго, мы можем и упустить свой шанс.

– Но ведь ты сама говорила, что теперь Андрея, того, взрослого разбудить не удастся. Речь ведь шла, как я понял, именно об этом.

– Возможно и это станет выполнимо... потом... но теперь я имею в виду иное... гораздо более трудное, чем пробуждение взрослого Андрея. Неужели в твоей всеведущей вставке ничего нет об этом? Еще недавно ты догадывался буквально обо всем, о чем я только ни затевала разговор.

– Нет, чего-то не получается, – развел руками Андрей через некоторое время, – пустота одна, словно эту информацию взяли, да стерли! Выходит, я все же не всеведущ.

– Это все осложняет, – озабоченно пробормотала Аня, – я ничего о миссии в целом сказать не могу, по причине тебе известной, придется тебя направлять, не разъяняя конечной цели. Кстати, об этом тоже Варфушу спросить надо... не нравится мне все это...

– Да, кстати, – попытался уйти Андрей от темы, доставлявшей ему все больший и больший дискомфорт, – когда ты пыталась Варфушу вызвать, я хотел посмотреть, что в этот момент с тобой происходило, сдвинул точку сборки, но тебя почему-то не увидел, то есть физический план исчез, а на тонком ты не появилась!

– Я не знаю, – пожала плечами Аня, – возможно, я превратилась в звучание мелодии, с помощью которой пыталась связаться с Варфушей, а ты был настроен на визуальное восприятие. Если бы ты настроился на музыку тонкого плана, ты бы меня воспринял.

– Нет, этого я пока не делал, – признался Андрей, – хотя, думаю, это не сложно в принципе...

– Ладно, – вдруг заторопилась Аня, глянув на часы, – мама ругается, когда я к обеду опаздываю!

– Ну вот, – усмехнулся Андрей, – мама ругаться будет! Детский сад, да и только! А говоришь еще о какой-то миссии по спасению человечества Бог знает от чего! Если ты и дальше так свою маму бояться будешь, то ничего хорошего человечество в перспективе не ожидает! Ладно, шучу, не обижайся, просто я теперь даже не представляю, что мы теперь делать должны... («Все же это игра какая-то, – мелькнула в голове Андрея надежда, – ну, не может быть, чтобы она это серьезно! Все же нелепо слышать все это от десятилетней девочки, которая боится на обед опоздать и которую мать заставляет каждое утро диктанты писать!»).

– ГЛАВНЫЕ СОБЫТИЯ ДОЛЖНЫ ПРОИЗОЙТИ НА ТРЕТИЙ ДЕНЬ, КАК В РУССКОЙ СКАЗКЕ, – загадочно посмотрела на него Аня, – Ну что, пошли?

– Я, честно говоря, хотел испытать себя в новом качестве, – сказал Андрей.

– Так ты и испытал, чуть в кусок льда не превратился, – усмехнулась Аня. – А что ты имеешь в виду? Проходить сквозь предметы? Летать в физическом теле? Через стены я не раз проходила, ничего в этом интересного нет; из-за этого непродуманного эксперимента, который я проделала просто со страху, я и вляпалась в историю с психогенератором. Хотя в следующий раз мне эта паранормальная способность помогла его уничтожить! А насчет полетов! Погоди, побереги силы, Господь не затем тебя сидхами наградил, чтобы ты всем этим свою гордыню тешил! Другое дело, использовать их во благо, на осуществление Провиденциального плана!

– А ты думаешь, – даже затрепетал Андрей, – я по-настоящему летать смогу? И через стенки проходить?

– А ты прислушайся к себе, – усмехнулась Аня.

Андрей прислушался к внутреннему голосу:

– Похоже, смогу, – сказал он с дрожью в голосе, – та же уверенность, что и перед моим экспериментом с пирокинезом и телекинезом! А ведь тогда все получилось!

– Думаю, что и это получится, – посмотрела ему Аня в глаза.

– Слушай, – возбужденно заговорил Андрей, – а ты-то сама летала? Ты так спокойно говоришь об этом!

– В физическом теле – нет. Но, думаю, когда в этом возникнет необходимость...

– А что, просто так нельзя? Как птица? Почему птицам можно, а нам нельзя?!

– У нас другая природа, – сказала Аня, – и пока все человечество не овладело этим свойством, нам позволительно пользоваться физическими сидхами только в исключительных случаях. Иначе способность исчезнет.

– Но почему?!

– Тот, кто эту способность дал, тот может ее и забрать обратно. В противном случае может нарушиться равновесие.

– И все равно, не верю, – отмахнулся Андрей от Аниных аргументов, – если ты тоже чувствуешь, что можешь полететь – не как в астрале, вчера, а по-настоящему, – неужели не попробовала бы?

– Может, и попробовала бы, – вздохнула Аня, – но обстоятельства сложились так, что обычной девочкой в восемь лет я снова стала до того, как попробовала, а здесь тоже как-то не до того было, все время на виду. Но завтра не исключено, что все наши силы и возможности потребуются! И это будет уже не развлечение.

– А я все-таки попробовал бы, – мечтательно пробормотал Андрей, прикрыв глаза. Он вдруг совершенно отчетливо понял, как ментально можно заблокировать гравитацию. На секунду он почувствовал, что теряет вес, и ноги его вот-вот оторвутся от земли. Однако этого не произошло, какая-то посторонняя сила заблокировала эту его ментальную матрицу физического явления, возникшую из чудесной вставки. Андрей открыл глаза: у него закружилась голова.

– Не надо, Андрюша, – Аня смотрела решительно и жестко, – ты можешь все сорвать своими непродуманными экспериментами и растерять силы до того, как они потребуются по-настоящему!

«А ведь это именно она не дала мне взлететь, – озадаченно подумал Андрей, – если бы не она, то все получилось бы! Почему она не хочет?! Зачем тогда все эти паранормальные возможности нужны, если ими нельзя пользоваться. Все твердит о какой-то миссии, а даже приблизительно не знаю, в чем она будет заключаться! Нет, но ментальная сила у нее будь здоров! Как легко она меня заблокировала!»

– Пойми, – ворвалась в его мысли Аня, – я не собираюсь надевать на тебя узду, но сейчас просто не время тратить свои силы попусту, ты и так уже потратился, зимнюю стихию вызвав! Твоя энергия не безгранична, и то, что так легко далось, может так же легко уйти, а мы должны еще так много сделать!

– Ну, убедила, убедила, – нехотя подчинился Андрей, – принимаю твои условия игры, хоть и не совсем понимаю, в чем эта игра заключается. Все-таки если бы ты здесь не появилась, то и в моей жизни, скорее всего, ничего необычного не произошло, а значит ты у нас за главного.

– Тогда так, – расслабилась Аня, – сейчас идем домой, и расходимся до завтрашнего утра. Отдыхаем, если мама потащит тебя пить Нафтусю, не отказывайся, и постарайся воздержаться от чудес. А завтра встречаемся и... в общем, завтра я скажу все, что можно сказать, чтобы не нарушить ткань будущего.

– Послушай, – снова стало не по себе Андрею, – но почему ты раньше ничего не говорила, что на завтрашний день что-то особенное задумала?

– А раньше я об этом и не знала, – улыбнулась Аня.

– А откуда сейчас узнала?

– Программа действий приходит ко мне поэтапно, считай, что и у меня есть некая вставка, только стратегическая программа проявляется не сразу. В общем, я и сама не понимаю, почему так происходит.

– Странно как-то, – проворчал Андрей, – мы же не марионетки какие-то, чтобы через нас кто-то свою программу проталкивал! Ты же сама о свободе воли и выбора говорила!

– А я и сделала выбор, – оценивающе посмотрела Аня на Андрея, – слушать волю тихого голоса своей души. Вот ты, похоже, его еще не сделал! Но я не виню тебя, ты ведь только что трансформировался, и твое новое информационное тело еще не пропитала до конца все твое существо, не проникло во все уголки твоего сознания. Возможно, тебе, пока, и не знаком тихий голос твоей души...

За разговором ребята подошли к дому, и Андрей, как ни закидывал удочки, так и не сумел узнать, что Аня задумала на завтра. Он даже пытался использовать свои паранормальные способности, чтобы прочитать Анины мысли, как читал мамины, однако задача оказалась ему не по зубам, Аня, очевидно, предвидела подобные действия и выставила ментальный защитный экран. Из этого Андрей сделал вывод, что рано поставил Аню на ступень ниже себя, и что, пожалуй, и теперь она остается для него загадкой. Прощаясь, Аня крепко пожалала Андрею руку и как-то чересчур сурово посмотрела ему в глаза, отчего тому еще больше стало не по себе.

«Ну вот, – думал он, проходя в свою комнату, – еще утром я чувствовал себя новоявленным Господом Богом и готов был визжать от восторга, а теперь снова какой-то пришибленный. Я все понимаю, тайны тайнами, но нельзя же так атмосферу нагнетать! И почему нельзя все начистоту рассказать? Мы теперь партнеры-сверхчеловеки, значит между нами не должно быть тайн, иначе возникает недоверие одного партнера к другому, и это, в конечном счете, может навредить этой самой таинственной миссии. По-моему, весьма здравая мысль, а эти тайны испанского двора все только портят. И что за сглаз такой! Сглаз и порча по-моему совсем из другой оперы. Похоже, она мудрит, чтобы себе значимость придать, поскольку я с ней сравнялся».

А впрочем, Андрей понимал, что эти мысли возникли от обиды, и Аня действительно нацелилась на нечто Андрею неведомое, хоть он и пытался неоднократно выудить эту информацию из своей универсальной вставки.

На всякий случай он выполнил пожелание Ани и не оживлял больше газовую плитку с помощью пирокинеза, поэтому обедать с мамой они ходили в местную диетическую столовую. На более дорогой ресторан в центре города она не могла раскошелиться, поскольку денег до конца отпуска осталось совсем немного, но Андрей, осознавая тот факт, что с сегодняшнего утра он уже перестал быть избалованным капризным ребенком, был на удивление покладист, несмотря на жалкий выбор блюд, и стойко выдержал кулинарное убожество диетического общепита. Мама была удивлена, но промолчала, только изредка бросая на Андрея подозрительные удивленные взгляды. После обеда он милостиво согласился погулять с мамой по местному парку, они сходили на источник с Нафтусей, и Андрей даже выпил пару стаканов, хотя еще вчера утверждал, что больше ее в рот не возьмет. Всю прогулку мама пыталась разговорить сына, заводя темы, которые, как ей казалось, должны быть интересны ему, однако Андрей был рассеян, отвечал нехотя и никакого душевного разговора, на который была настроена мама, не получилась. Вскоре она сама обиженно замолчала. Андрей же, как раз, и не собирался обижать родительницу, просто он был погружен в свои мысли по поводу последних событий, и боялся что, не подумав, ляпнет нечто не соответствующее статусу десятилетнего ребенка, каковым, с сегодняшнего утра, по сути дела уже не являлся.

«Интересно, – думал Андрей, – если в меня действительно переселилась душа взрослого Андрея, то тогда мое осознание себя в качестве взрослого сверхчеловека вполне объяснимо, но почему Аня стала взрослой, ведь, как я понял из ее рассказа, ее знающая половинка, которая позавчера к ней вернулась, была половинкой все той же десятилетней девочки? Да, видимо, чего-то мы не знаем».

Выйдя из парка и прогуливаясь по городу, Андрей с мамой забрели в небольшой, утопающий в поздних цветах скверик, в котором они были не раз, и не раз Андрей обращал внимание на старую православную церковь в центре скверика, правда, никогда раньше у него не возникало желание зайти внутрь. Сегодня же он, сам не зная почему, почувствовал непреодолимое желание зайти туда, о чем немедленно сообщил обиженно молчащей родительнице.

– С чего это ты вдруг, – подозрительно глянула на него мама, – я тебе сколько раз предлагала туда зайти, а ты все ни в какую, бабушки старые, видите ли, на тебя не так посмотрят! А, между прочим, в этой церкви старинные иконы висят, а сейчас во всем мире признали их,

как величайшую ценность. Слышал, наверное, про Андрея Рублева, Феофана Грека? Многие иностранные миллионеры готовы за них огромные деньги отдать, только все это не продается, это общенародное достояние.

– Ну да, – проворчал Андрей, сейчас это общенародное достояние, и все ими ходят и восхищаются, а как в двадцатые-тридцатые годы ими печки топили и вообще церкви по всей стране разрушали, так никто про их ценность не вспоминал.

– Тихо, – одернула его мама, тревожно оглядываясь по сторонам. Очевидно, инстинкт человека, родившегося и воспитанного в эпоху культа личности, как тогда выражались, настолько въелся в ее сознание, что кругом виделись стукачи, хотя на дворе не успела отзвонить Хрущевская оттепель.

– А чего ты так боишься, – презрительно скривил рот Андрей, – ты сама не раз говорила, что в нашей стране не все так радужно было и есть, как нам в школе вдолбить пытаются. Сама говорила, что дедушкиного брата в тридцать седьмом расстреляли, и что он сам чудом тюрьмы избежал.

– Прекрати! – зашипела мама, – надо же соображать, где такие вещи можно говорить, а где нельзя. Одно дело – дома, а другое – на улице!

– Ну, так, – саркастически хмыкнул Андрей, – как раз дома-то и проще установить один прослушивающий микрофон, чем под каждым кустом на улице.

– И откуда ты набрался всего! – возмущенно зашептала мама, – ты ребенок еще, и на эти темы тебе рассуждать рано. Пожил бы ты в тридцатые-сороковые в семье родственников репрессированного! Во мне до сих пор этот страх сидит, и никакими демократическими преобразованиями его из нашего поколения не выбить. Может я, конечно, и перестраховываюсь, но уж лучше перестраховываться и спать спокойно. Ладно, чего это я с тобой на эту тему, как с взрослым! Дай Бог, чтобы ты никогда не узнал того, чего наше поколение знало!

«С какой стати вдруг меня понесло, – подумал Андрей, – никогда меня политика не интересовала! Действительно, неуместная здесь дискуссия. И все-таки, почему я на эту церковь словно бы другими глазами смотрю? Словно узнал что-то. А что я мог узнать? Я ее уже сто раз видел раньше, чего же я в ней нового обнаружил? Наверное, надо внутрь зайти, может там что-то разъяснится».

Миновав ряд нищенок-старушек, Андрей с мамой зашли внутрь, при этом он, неожиданно для мамы и себя самого, осенил лоб крестным знамением. Тут Андрей понял, хоть и знал точно, что никогда сюда не заходил, что ему знакомо и убранство и внутренняя планировка этой церкви, что он хорошо помнит, где расположена та или иная икона, и, мало того, ему все время казалось, что он был в этой церкви с Аней, и она что-то интересное ему здесь показывала. Только что? Почему-то чудесная вставка на этот счет молчала. А, впрочем, все эти де-жавю Андрея теперь уже не особенно удивляли: после всего, что он пережил в течение этих двух дней, подобная неувязочка с памятью и здравым смыслом была уже в порядке вещей.

«Возможно, – подумал Андрей, – тот, взрослый, душа которого сейчас в меня вселилась, был здесь раньше, возможно даже с двойником Ани встречался, чего ж тут удивительного?»

Отойдя от мамы, он неспешно прогуливался по церкви. Вечерняя служба уже закончилась, народу было немного, и он уже без особого удивления отмечал, что вот эту икону он видел, а вон там должна быть такая-то икона – и она там и правда оказывалась. Тут его внимание привлек образ, с которым, как ему показалось, у него были связаны особо яркие впечатления. Впрочем, он не мог припомнить конкретных событий, он только знал, что к ним какое-то отношение имела Аня. Икона эта, как он сразу же вспомнил, называлась «Сошествие во ад», и Андрей с интересом начал вглядываться в известный евангельский сюжет, хотя, почему именно этот сюжет привлек его внимание, он сам не мог понять. Неожиданно ему показалось, что здесь что-то не так, хотя он точно знал, что не двигал свою точку сборки, смещение которой приводило к изменению восприятия мира. Тут он увидел, что фигура Христа, спускающегося

в преисподнюю внутри золотого эллипса, исчезла, а вместо нее возникла словно бы фотографическая карточка десятилетнего мальчика. Это был он сам, в ковбойке и шортиках, а вместо лукавого коричневого беса появилась темная фигура монаха с глухо опущенным на самое лицо капюшоном и с медальоном в виде железного куба поверх черного плаща до земли.

Дальше все произошло очень быстро: эллипс с копией Андрея и монах ожили на иконе, словно мультяшка, эллипс опустился вниз, к самому основанию росписи, черный монах подошел к нему, почтительно поклонился, а затем открыл невидимую раньше дверцу в эллипсе (в объеме он выглядел как золотое, но прозрачное яйцо на подставке из трех лучей). Оживший мальчик вышел наружу, с любопытством оглядываясь, а зловещий монах снял с себя медальон и одел на шею миниатюрному двойнику Андрея. В следующий момент что-то на поверхности иконы вспыхнуло, и оживший фрагмент сюжета исчез, оставив после себя прежнее изображение.

«Так-так, – подумал слегка опешивший Андрей, – еще один двойник объявился! Мне, честно говоря, это начинает уже надоедать. Жил себе, понимаешь, будучи убежден в своей уникальности, в смысле единичности, теперь же выясняется, что всяких там Андреев Даниловых в разных измерениях хоть пруд пруди! Обидно даже. Ладно, не ясно, что мне хотели этим сказать, но сегодня с утра мы и поинтереснее вещи видали. Хотя, этот монах! Он мне почему-то хорошо знаком. Ладно, пойду отсюда, а то что-нибудь опять привидится, надоело уже!»

Андрей подошел к маме и сказал, что все интересное уже посмотрел и вообще устал, и хочет домой. Выходя, он еще раз обернулся и, как ему показалось, столкнулся с тревожным взглядом Богородицы с иконы «Утоли мои печали», которая так же показалась ему странно знакомой. Домой они пришли затемно, Андрей, сославшись на усталость, ушел в свою комнату и тихонечко, чтобы мама не услышала и не заинтересовалась бы, с какой стати он стал закрываться, запер двери на шпингалет.

Из головы его все не шел этот странный феномен с иконой, поскольку никакого разъяснения из своей чудесной вставки на сей счет, он не получил.

«Все же, – думал Андрей, пристроившись поудобнее на диване, – выходит вставка эта моя не всеведуща. Да и притомился я основательно, ноги после нескольких часов ходьбы гудят как у обычного малотренированного мальчишки: выходит ни на роль рекордсмена по марафонским дистанциям, ни на роль чемпиона по штанге я не гожусь. Значит, трансформировался я не полностью, а лишь частично». – На всякий случай он попробовал приподнять старый платяной шкаф, однако даже не смог сдвинуть его с места.

«Значит, – констатировал Андрей, – супермен из меня получается недоделанный, и далеко не все я могу, как мне вначале казалось. Кстати, – припомнил он неожиданно, – Иисус Христос тоже не отличался какой-то сверхъестественной физической силой». – Андрей не читал Евангелия, однако, отметил, что хорошо знает его содержание, а заодно с ним и весь Ветхий завет. Мысли об Иисусе Христе снова вернули его к эпизоду в церкви, отсутствие объяснения на который так же свидетельствовало о его, Андрея неполном совершенстве.

«Что же мне хотели этим сказать, – думал Андрей, – что я, как Иисус Христос? Но тогда почему преобразование возникло именно на иконе „Сошествие во Ад“? Тем более я видел и другие изображения Христа, и нигде в другом месте он в мою фотокарточку не превращался. Может, это означает, что я в аду окажусь? И совсем скоро, ведь на фотографии мне было столько же лет, сколько сейчас? Неужели это намек на то, что я скоро умру?!»

Андрею стало не по себе, и он постарался сам же придумать доводы, которые опровергли бы сей горестный исход.

«Во-первых, – думал Андрей, – даже если я вдруг умру, то с какой это стати должен в аду очутиться? Я ничего такого греховного не совершал, разве что мать иногда капризами доводил, но ведь за это в ад не попадают. К тому же, те чудесные преобразования, которые со мной произошли, говорят о моей исключительности и избранности! Нет, это что-то дру-

гое, это означает, что меня уподобили Иисусу Христу! А что, не без основания, с какой это стати обычный человек, тем более ребенок, вдруг получил бы все эти способности. Ах, ну да, вспомнил, я же Меровинг, отдаленный потомок Спасителя, а значит и сопоставление правомерно и в этом причина появления моих чудесных возможностей и знаний. Наверное, Меровингу и положено в один прекрасный день их получить. Правда, непонятно, почему только сейчас и какое к этому отношение имеет душа моего взрослого двойника из другого измерения? Но Бог его знает, как другие потомки Иисуса Христа этот дар получают, может именно так, чего голову зря ломать! Однако все же фигурировал ад и монах. Так ведь это же не монах, это же черный магистр, Мефистофель, или, если уж совсем быть точным, демон Асиэль! Выходит, я и с Мефистофелем был знаком? Занятная история получается! А ведь он мне медальон на шею повесил, это что, намек на то, что я свой дар от него получил? Нет, не может быть, я еще ребенок, ни с каким Мефистофелем контракт не подписывал и ничего он мне на шею не вешал, я и не видел его никогда! Если же мой взрослый двойник с ним якшался, то я к этому отношения не имею и ответственности за это не несу! Это же не справедливо!» – Правда его тут же кольнула мысль, что тогда и чудесный свой дар паранормальных возможностей он получил несправедливо, но он тут же возмущенно отогнал ее, ведь если он Меровинг (а это не только вставка ему поведала, но и Аня подтвердила), то и получил он свой дар по праву, как потомок не кого-то там, а самого Иисуса Христа!

Так и не сумев, толком, разъяснить себе, что означала эта странная сценка на ожившей иконе (вернее, выбрав то объяснение, которое ему больше понравилось), Андрей решил больше не забивать себе голову разными мелочами, а полностью отдаться мыслям о собственном, не до конца осознанном величии.

«Значит так, – думал Андрей, – неутомимым силачом я вроде бы не стал, зато сегодня в поле точно осознал, что могу летать, и наверняка полетел, если бы Аня не вмешалась! В конце концов, мало ли что она мне, у меня своя голова на плечах, думаю, здесь мне никто не мешает. Попробую ка еще раз!»

Как только Андрей дал себе такое фантастическое задание, как в его сознании тут же возникла схем, каким образом этого можно добиться, причем схема касалась самой природы гравитации, объяснения которой, как знал Андрей, ученые пока не смогли найти. Объяснение носило следующий приблизительно порядок:

ГРАВИТАЦИЯ И ПРИНЦИП ЕЕ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ.

До момента Первичного Взрыва, когда начала разворачиваться физическая вселенная, все ее пространство было сжато в единой точке, и пространство это было как бы абсолютно искривлено. В момент Первичного взрыва пространство, став неким первичным полем, стало формировать трехмерный объем, который разворачивался с определенной скоростной константой, то есть непрерывно объемно расширялось, и постоянно уменьшало свою кривизну – от абсолютной кривизны точки, стремясь к абсолютной прямизне бесконечности. Скорость распрямления кривизны пространства была некой первичной константой, абсолютом, и на этот абсолют косвенно указал Эйнштейн, постулировав скорость света как предельную во вселенной, в действительности же, предельной скоростью была скорость распрямления кривизны пространства, а скорость света равнялась ей, поделенной на некий тормозной коэффициент, выводящийся из разницы частотности фотонного поля и собственной частотности пространства-эфира. Так что, о скорости распрямления кривизны пространства можно судить по скорости света и скорости разбега галактик. Можно иначе сказать, что скорость света – это скорость растягивания его расширяющимся пространством, а разбегание галактик это так же растягивание их расширяющимся пространством, и скорость такого разбега так же равна скорости распрямления кривизны пространства, поделенная уже на свой собственный тормоз-

ной коэффициент, выводимый из разницы собственной частотности пространственного поля и некой производной всех частотностей такого сложного объекта как галактика. Чем грубее объект, и чем большей массой он обладает, тем больше этот тормозной коэффициент и тем меньшую собственную предельную скорость передвижения по вселенной этот предмет может иметь. Энергия этого тормозного момента возникшего между собственной частотностью расширяющегося пространства и собственной частотностью объекта и есть гравитация.

Андрей сам поразился, как просто он сумел объяснить без всяких формул и высшей математики то, что до сих пор не могла объяснить ни одна светлая голова планеты.

«Если же, – продолжал размышлять Андрей, – создать некую смазку из ментальной энергии и как бы пропитать ею нужный объект, то можно управлять гравитацией, как вздумается, меняя этот самый тормозной момент, как резко уменьшается сила трения и, соответственно, энергия, при этом выделяемая между деталями, когда их смазать машинным маслом».

Как понял Андрей, мысленная или ментальная энергия – это такая категория, которая пребывает вне физического пространства, поэтому ее можно как бы вклинить между атомами объекта и первоэлементами-лептонами «чистого пространства-эфира». В этом случае возникает нечто вроде смазки, тормозной коэффициент снижается и гравитация уменьшается, вплоть до исчезновения. Все дело в степени ментальной силы, которая у обычных людей находится в зачаточном состоянии и не способна управлять гравитацией. Он же, Андрей, теперь такую возможность получил. Собственно, этой способностью он уже пользовался, когда мысленно передвигал ложку, принципиальной разницы между телекинезом и левитацией нет.

Получив, таким образом, теоретическую базу (при этой обойдясь без физических и математических формул), Андрей приступил к реализации теории на практике. Что он делал конкретно, он сам бы затруднился сказать, поскольку его трансформировавшийся разум позволял проделывать такие мысленные манипуляции, о которых он даже не смог бы раньше вообразить. Схематично это можно было описать, как пропитывание своего тела буфером между «чистым распрямляющимся пространством» и всеми структурными элементами субстанции, из которой состояло его тело. В тот момент, когда он почувствовал, что это ему удалось, Андрей потерял вес, и достаточно ему было мысленно оттолкнуться от дивана, то есть придать себе некий вектор движения, как он плавно всплыл под потолок.

Непередаваемое чувство восторга заполнило все его существо. Как страстно мечтал он об этом моменте, прекрасно сознавая, что ничего подобного в его жизни не будет. Но вот, все-таки свершилось, как ни трудно в это поверить! Андрей нежно погладил шероховатую поверхность потолка, это движение оттолкнуло его вниз, словно мячик, и он, несомненно, опустился бы на пол, если бы не уперся в него мысленным лучом (этого вполне хватило), и снова не взмыл к потолку.

«Тут надо осторожно, – подумал Андрей, – а то можно и башку раскроить о потолок: любое движение отбрасывает меня, как перышко, но масса-то прежняя остается, хоть и в невесомости».

К счастью все нюансы полета прекрасно управлялись с помощью мысленного отталкивания, и чем сильнее был мысленный паторн, тем больше возрастала скорость полета.

«Хотя, какой же это, блин, полет, – думал Андрей, совершая очередной пируэт под потолком, – что толку вот так болтаться по маленькой комнатенке! Комаров, разве что, бить, а то каждый вечер перед сном их по полчаса гоняешь. Да, достойное применение новому дару. Надо, конечно, на улицу выйти, уже поздно и темно, вряд ли кто увидит».

Андрей хотел вновь вернуть своему телу вес и сказать маме, что он пойдет, немного подышит воздухом в саду перед сном, но тут у него возникла новая идея: а почему бы ни попробовать еще одну свою вероятную способность, почему бы ни пройти сквозь стену или потолок? Да-да, именно потолок. И тут же у него сформулировалась схема-объяснение принципа прохождения сквозь стены.

ПРИНЦИП ПРОХОЖДЕНИЯ СКВОЗЬ ТВЕРДЫЕ МАТЕРИАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ.

В действительности, если бы не вышеописанный гравитационный момент торможения, все предметы легко проходили бы сквозь друг друга, поскольку расстояния между атомами по сравнению с собственными размерами ядра – огромны, и атомы одной субстанции легко проходили бы между атомами другой, если бы не силы, возникающие вследствие разницы тормозных коэффициентов, а у любых двух объектов, разделенных пространством, существует и разница в величине тормозных коэффициентов, а, следовательно, и некая сила, возникающая от этой разницы, которая не позволяет атомам одного вещества проникать между атомами другого без нарушения структуры. Если, опять же, ментально убрать эту разницу, то межатомного отталкивания не возникает, и один объект может проходить сквозь другой без потери исходной формы и свойств. Если сформулировать окончательно, то выровнять тормозные коэффициенты двух предметов это то же самое, что убрать между ними пространство, слить в один.

Андрей тут же «пропитал» ментальной смазкой небольшой участок потолка и без труда просочился сквозь него, как бесплотный призрак (он припомнил, что в «прежней жизни», в астрале делал это множество раз). Оказавшись на темном чердаке, Андрей взмыл уже под крышу, таким же образом прошил и ее, и свечой взмыл в темное августовское небо. Оказавшись на высоте метров сто над землей, он завис в воздухе, и огляделся вокруг. И домики, и садовые участки под ним выглядели как игрушечные, аккуратно разделенные на квадратики и прямоугольники, с редким вкрапление трапеций, либо каких-то неравносторонних фигур по краям садового товарищества. Город утопал в огнях, собственно это была главная характеристика простирающегося под ним ночного вида, и лишь большой, неосвещенный аморфный участок на окраине соответствовал лесопарку. А впрочем, наблюдать, как спуют там, ближе к центру маленькие игрушечные машинки и еще меньшие спичечки запоздалых прохожих, было не особенно интересно, это можно было бы сделать с любого многоэтажного дома: примерно такую же картину Андрей наблюдал с обзорной площадки Исаакиевского собора.

В этот момент до слуха Андрея донеслись отдаленные возгласы, и только сейчас он заметил, что на соседнем садовом участке, непосредственно прилегающем к хозяйскому саду, собралась небольшая группа взрослых и детей, при этом они явно устремили свои взоры в его сторону, для пущей убедительности показывая пальцами. О чем они переговаривались, Андрей с такой высоты не мог расслышать, однако ему показалось, что несколько раз прозвучало слово «человек».

«Вот, – подумал Андрей, – так рождаются легенды о летающих тарелках».

Первой его мыслью было улететь подальше, чтобы не смущать обалдевшую группу зевак, тем более, он увидел, что из дома к группе наблюдателей бежал мужчина, держа в руках что-то похожее на полевой бинокль, в который, как подумалось Андрею, на таком расстоянии можно вполне разглядеть, что высоко в воздухе неподвижно висит десятилетний мальчик, живущий со своей мамашей в соседнем домике. Хотя, с другой стороны, было темно, возможно они и не смогли бы его подробно разглядеть, тем более идентифицировать, но пока он размышлял, узнают его или нет, внизу зажегся мощный фонарь – похоже, это был автомобильный аккумуляторный прожектор, и конус света отчетливо выхватил фигуру Андрея из тьмы.

«Тьфу, ты, – выругался про себя Андрей, – похоже, всерьез засекли!» – и резко пошел вверх и в сторону, вынырнув из луча, который тут же начал метаться по небу, пытаясь вновь поймать его в фокус. Однако наш герой поднялся уже не меньше чем на полкилометра, да еще и ушел по касательной в бок, поэтому оказался в недостижимости луча. Андрей уже был над самым парком, и тут сообразил, что впопыхах потерял координаты своего участка – сверху они были такие одинаковые, – и постарался вновь отыскать его географическое местоположение. Какое-то время он нервно челночил ночное небо, но потом понял, что с такой высоты,

даже если бы он оказался над самым участком и домом, то вряд ли бы узнал его, поскольку это была типовая застройка в здешних краях. Спуститься же ниже – означало вновь привлечь к себе внимание еще нередких прохожих, и кто знает, какие злоещие слухи поползут завтра среди соседей о таинственном ночном летуне! А вдруг его все-таки узнали! Возможно, когда его поймали в луч прожектора, тот, с биноклем, успел навести на него окуляр и сумел разглядеть! Андрею тут же поползли в голову истории о том, как в прежние времена толпа неграмотных, темных крестьян с косами и вилами учиняла суд Линча над застигнутыми врасплох колдунами и ведьмами. Почему-то припомнилась Алесья Александра Куприна, повесть о которой он прочел совсем недавно, уже в Трускавце. Конечно, времена и нравы сейчас не те, но ведь это не означает, что какому-то десятилетнему пацану из Москаливщины позволено летать над городом и пугать честных граждан. Андрей вспомнил, что расправы над всякими колдунами и магами чаще всего происходили именно в Западной Украине, в Карпатах. Конечно, при всем его нынешнем могуществе он наверняка сможет что-нибудь противопоставить разъяренной толпе, хотя бы улететь, если в набор паранормальных сил, которые у него объявились, не входит гигантская сила и сверхбыстроходность. А вдруг со страха у него и улететь не получится? Ведь часто то, что человек может сделать в спокойной обстановке, не выходит при волнении и тем более стрессе!

Некоторое время полетав над городом на безопасной высоте, Андрей понял, что вряд ли найдет свой дом и подумал, что просто летать над городом туда-сюда, да еще на большой высоте, не так уж фантастически весело, как ему всегда казалось: воздух, что называется, был везде одинаковым, а гоняться за птицами ему не пришло в голову. Вид внизу так же начал надоедать, тем более с такой высоты ночью вообще мало, что можно было разглядеть, да, к тому же довольно скоро Андрей почувствовал, что замерзает. Он попытался отогреться, вообразив вокруг себя теплый кокон, как это делают гималайские йоги-респы, но на этот раз у него ничего не получилось, очевидно, вся имеющаяся в его резерве ментальная энергия расходовалась на преодоление гравитации, впрочем, и это осуществлять становилось ему все труднее и труднее.

«Что ж, – подумал Андрей, – еще раз убеждаемся, что резервы мои все же не безграничны. Нет, надо где-то приземляться, а то так можно и замерзнуть или свалиться. Я только утром чуть в ледышку не превратился, и вот снова, пожалуйста! Так, в городе садиться нельзя, заметят, слишком далеко от города – потом дороги не найдешь. Остается – парк: его я неплохо знаю, и виден он отсюда хорошо, а там я найду знакомую тропинку, и если приземлиться где-нибудь скраешку, то за час в хорошем темпе можно до дома добраться. Конечно, мама спохватится, если уже не спохватилась, придется врать, придумывать какое-то правдоподобное объяснение. Что ж, теперь уже ничего не сделаешь, как всегда, мне любой эксперимент боком выходит».

Андрей решил напоследок, прежде чем приземлится в зоне лесопарка, исполнить свое навязчивое желание раннего детства, посидеть на облаке. Как раз над головой его проплывали темные ночные облака, которые были вполне пригодны для этой цели, и Андрей, выдав мысленный посыл, пошел вверх. Как ему казалось, до ближайшего облака было не больше километра, и только крупная ночная птица, пролетавшая мимо, шарахнулась в сторону с испуганным криком.

«Ну вот, – подумал Андрей, – даже птица меня испугалась, что же о людях тогда говорить!»

Почувствовав, что стало еще холоднее и зуб на зуб не попадает (надо было потеплее одеться!), Андрей решил увеличить скорость подъема: идея фикс посидеть на краю облака, не давала ему прислушаться к здравому рассудку и закончить эксперимент, к которому он недостаточно подготовился.

«Сейчас, – думал наш герой, – быстро до облака доберусь, посижу с краешку секундочку, осмотрюсь с этой высоты и сразу обратно».

Он выдал весь ментальный посыл, на который был способен, и тут случилось непредвиденное: то ли сосуды его мозга не справились со слишком быстрым ускорением, то ли он обесточился в плане энергетики, вложив весь ментальный потенциал в мысленный толчок. У Андрея возникла резкая дурнота, головокружение, в глазах потемнело на фоне неприятного ощущения, что он проваливается, но только не вниз, а вверх. В следующий момент он, очевидно, потерял сознание, к счастью, на краткий миг, иначе в этом месте можно было бы заканчивать наше повествование.

Когда Андрей пришел в себя, то увидел, что огни города стремительно несутся ему навстречу, и понял, что в момент потери сознания утратил контроль над гравитацией и с ускорением эм-же-квадрат-пополам падает вниз. Страх ледящей рукой стиснул горло Андрея, он вновь судорожно начал формировать антигравитационную мыслеформу, но то ли страх отнял его силы, то ли нарушилось что-то в самом механизме левитации, только к своему величайшему ужасу Андрей понял, что антигравитационная пропитка получается лишь частично, и что хоть скорость падения несколько замедлилась, однако она вполне достаточна, чтобы разбиться в лепешку. Только тут до Андрея дошла закономерная мысль парашютиста, у которого не раскрылся парашют, что это конец. Еще буквально полчаса назад он чувствовал себя властелином мира – и вот тебе, умереть такой нелепой смертью! Но ведь это же невозможно! Ведь некие Высшие силы, неожиданно одарившие его удивительными паранормальными возможностями, наверное, собирались возложить на него какую-то чрезвычайно важную миссию! Неужели они позволят ему так нелепо погибнуть?! Можно сказать, на пике триумфа, когда он осваивал искусство, которым в истории человечества владели всего лишь единицы, ну там Будда, Миларайпа, Роджер Бэкон! И теперь из-за нелепой случайности все пойдет прахом! Нет, ОНИ не могут позволить ему погибнуть?! Во всем, конечно, виновата его гордыня, но если бы Бог дал ему шанс, он бы исправился, непременно исправился! О., неужели этот чудесный дар был всего лишь ловушкой, непреодолимым соблазном, чтобы погубить его?! Его, такого умного, красивого, юного, доброго?! Почему он не послушался Аню, ведь она предупреждала его, чтобы он поберег силы и не занимался самоэкспериментаторством. О, Аня, Анечка, больше он ее никогда не увидит! Неожиданно Андрей понял, что совершенно не по-детски и вообще как-то не по-человечески, со всей космической силой любит эту девочку, которую встретил всего два дня назад, но которая перевернула всю его жизнь. Увы, теперь этой жизни осталось меньше минуты, и самым страшным ему казалось уже не то, что его сейчас не будет, а то, что он уже никогда не увидит эту удивительную девочку, которую, как ему на мгновение показалось, он знает не два дня с небольшим, а сотни, возможно даже тысячи лет. И тут уже совсем неуместным за несколько секунд до гибели прозвучали строки стихотворения, которые он слышал у моря Вечности и которые, как оказалось, сочинил он сам в некой другой ипостаси:

Не обо мне ли
В детской мольбе:
«Та, что подарит
Крылья тебе?»

И вдруг, словно ответ на эти заветные строки, Андрей действительно ощутил щекочущее прикосновение перьев, затем резкий толчок, словно над ним раскрылся невидимый парашют, падение его замедлилось в десятки раз, а вместе с этим исчезла паника, и Андрей понял, что снова может контролировать гравитацию. Произошло это уже около самой земли, и после всего того, что с ним произошло, сама мысль о полете отозвалась в сердце ужасом, поэтому Андрей не взлетел снова, а медленно приземлился на чей-то приусадебный участок, угодив

прямо в грядку с кабачками, при этом не удержался на ногах (он не успел на сто процентов погасить инерцию), и повалился на бок, раздавив, при этом, несколько весьма крупных и ядреных плодов.

Не успел он толком очухаться от падения, чтобы сообразить, куда он упал, видели ли его кто-то из людей и что теперь делать, как неподалеку раздалось угрожающее рычание, и на него стала надвигаться темная масса с поблескивающими глазами. Андрей понял, что, судя по размерам и лохматости, это огромная кавказская овчарка, которая, очевидно, решила не лаять попусту, и если уж злоумышленник оказался в зоне досягаемости, то с ним надо расправиться быстро, решительно и без лишнего лая. Тут только мальчик сообразил, что угодил из огня да в полымя и бросился бежать, на ходу соображая, что забор, окружающий приусадебный участок, очень высок, и если он и успеет добежать до него, раньше громадного пса, то взобраться уж точно не успеет. В памяти Андрея всплыли жуткие рассказы о детях, забравшихся в соседские огороды, и разорванных на части сторожевыми собаками, и понял, что приближающийся к нему пес относится как раз к подобным людоедам, специально натравленным на детей, разоряющих огороды куркулями-хозяевами. Неизвестно, насколько его страхи были оправданы, но когда громадный пес уже дышал ему в спину, Андрей вдруг вспомнил, что он, вообще-то, летающий человек, и способность контролировать гравитацию вернулась к нему около минуты назад. Не оборачиваясь, Андрей сделал гигантский прыжок, описав дугу не менее десяти метров, и с большим запасом перелетел через более чем двухметровый частокол, вызвав удивленный яростный лай пса, в мгновение лишившегося своей, казалось бы, уже обреченной добычи. Не успел Андрей приземлиться на плохо освещенную грунтовую улицу в двух метрах от забора, как ему на глаза попался свидетель его фантастического прыжка, – явно подгулявший мужичок в соломенной шляпе и в мятом кургузом пиджачке. Мужчина в ужасе вытупился на Андрея, прислонившись к тому самому забору, через который Андрей только что совершил свой гигантский прыжок, и часто-часто крестился, что-то невнятное бормоча, очевидно припоминая молитвы, уберегающие от нечистой силы, затем, очевидно испытывая пьяное вдохновение, размашисто перекрестил растерявшегося Андрея и громогласно объявил: «Сгинь, сатана!»

В этот момент в доселе темном ближайшем доме зажегся свет, хлопнуло окошко, и мальчик понял, что, если он сейчас отсюда не сгинет, следуя пожеланию пьянчуги, то количество свидетелей может значительно возрасти. Тогда Андрей, словно бы повинувшись требованию хмельного борца с нечистой силой, вновь взвился в воздух, пролетел несколько десятков метров в сторону неосвещенной части улицы, где подряд не горело несколько фонарей, очевидно выведенных из строя чьей-то меткой рогаткой, и приземлился в новом месте, потеряв из вида припавшего к ограде мужичка и не попав на глаза новым свидетелям. Далее Андрей ринулся бежать, куда глаза глядят, а когда сердце его готово было выскочить из груди, перешел на шаг и начал оглядываться. К счастью, улица, на которой он очутился, оказалась ему знакомой, и он сообразил, что находится минутах в 15—20 ходьбы от дома, и, слегка поплутав, без дополнительных приключений благополучно добрался до дома. Правда, у дома его ждал новый сюрприз: на улице, недалеко от калитки он столкнулся со своей взволнованной мамой.

– Сынок, куда же ты запропастился?! Да еще дышишь так тяжело, бежал что ли? – проговорила она с надрывом. – Я тебя уже искать отправилась, посмотри, сколько времени! Ты никогда так поздно с участка на улицу не уходил, кругом же пьяные и хулиганы, тем более, ты же знаешь, что местные не любят приезжих, особенно из Москвы и Ленинграда!

Андрей глянул на свои дешевенькие юношеские часы: было уже около одиннадцати, время, в которое ему было положено укладываться спать.

– Ну, мам, у меня что, на лице написано, что я приезжий? – начал тянуть резину Андрей, пытаясь сообразить, что бы такое соврать поправдоподобнее.

– Может, и не написано, но местные все здесь друг друга знают, к тому же у тебя вид интеллигентного ребенка, а это как красная тряпка для местных хулиганов. Так зачем ты на ночь глядя на улицу пошел? Да, и еще один вопрос мне небезынтересен: как ты выйти ухитрился, что я не заметила, я все время на кухне была, ты бы в любом случае мимо меня по коридору прошел! Но если ты даже так проскользнул, что я тебя не услышала, почему не сказал, что прогуляться решил?

– Да, так, не хотел тебя тревожить и тихонько на цыпочках вышел, – забормотал Андрей, – чего-то мне в нашем саду надоело расхаживать, к тому же я давно собирался перед сном бегать начать.

– Кто же это ночью бегают! – Возмутилась мама, – тем более, как я говорила, вечером здесь не безопасно. В следующий раз, если уж тебе так приспичит спортом заниматься, делай это, пожалуйста, с утра и предупреждай, чтобы я знала, где ты и что с тобой. Ладно, пошли в дом. Чай пить будешь?

«Похоже, она меня только недавно спохватилась, – думал Андрей, попив чай с бутербродами (после всего пережитого на него напал несвоевременный голод) и возвращаясь в свою комнату. – Я ведь, как выяснилось, часа полтора отсутствовал, за это время она бы успела панику поднять. Ладно, хорошо, что хорошо кончается!»

Только сейчас Андрей со всей полнотой ощутил, что впервые был буквально на волосок от гибели, возможно даже дважды, поскольку намерения пса были вполне очевидны. Теперь, когда все казалось позади, Андрей впервые задумался над тем, чья именно помощь спасла ему жизнь, поскольку, после того как в его готовящемся к смерти сознании вспыхнули заветные строки, он ощутил, что помощь пришла именно извне, это не была его собственная антигравитационная мыслеформа, которую удалось включить несколько позже, когда его жизни уже ничего не угрожало. Так что же это было? Рука Господа? Почему-то Андрей был уверен, что Господь Бог – это не всемогущий дедушка с бородой на облаке, и никогда никому не помогает сам, непосредственно, всегда есть проводник его Воли и Помощи. Кто же был этим проводником? Получается так, что Аня Ромашова, ведь эти стихи были посвящены им обоим! Да, именно она, больше некому, она один раз уже спасла его, отправив Нивенну в свое измерение, и вот теперь вторично, причем вдали от него, не имея возможности увидеть, что с ним происходит. Может, она наблюдала за ним с помощью ясновидения? Вряд ли, чего это ради, он же не наблюдал за ней, хоть и мог! Это и утомительно, и неэтично, все равно, что в замочную скважину подглядывать. Андрей почему-то был уверен, что Аня очень щепетильна в подобных вопросах; нездоровое любопытство, скорее, по его части, он еще не наигрался с новообретенным чудесным даром. И, тем не менее, она пришла ему на помощь: по-видимому, она услышала отчаянный мысленный вскрик Андрея, независимо от того, была ли она в состоянии ментальной восприимчивости или нет. Наверное, строки эти имеют какую-то особую силу! Но ведь и этого мало! Она ведь сумела послать на значительное расстояние, не глядя, такой ментальный импульс, который спас ему жизнь!

Андрей прислушался к своему источнику информации, смог ли бы он проделать то же самое, и почувствовал что не смог бы... по крайней мере, в нынешнем своем статусе. Да и вообще, похоже, внезапно открывшийся дар касался лишь его самого, и было пока не ясно, можно ли использовать его для помощи другим людям. Тут наш герой вспомнил о всепоглощающем чувстве любви к Ане, которое охватило его за минуту до предполагаемой гибели. Подобного чувства он не испытывал никогда в жизни!

«Откуда во мне такое, – думал Андрей, сам себя не узнавая, – телесно ведь я еще ребенок, хотя, разумеется, мой внешний облик не соответствует внутреннему содержанию, это ведь как-то должно определенным гормональным фоном обуславливаться! Разумеется, я с самого начала ею восхищался, и детская влюбленность, несомненно, присутствовала. Да и как же иначе, она вся, до кончиков пальцев являла собой тайну, но все, что я чувствовал к ней до того

момента, было совсем не то. Тем более странно: ты в полной уверенности, что жить осталось не больше минуты, и вдруг такое сильнейшее чувство охватывает, по сравнению с которым, любовь Ромео и Джульетты – так, мелкая страстишка! Словно мы друг с другом жизнями готовы были поменяться, и – куда угодно, но вместе: хоть на алтарь, хоть на эшафот, словно мы каким-то образом в смерти были обручены: вокруг рушится мир, а мы, обнявшись, на последнем островке стоим. Последние люди, последняя любовь на земле! Удивительно, никогда не думал, что любовь может быть такой пронзительной, мне вообще казалось, что все это не для меня. Хотя, возможно именно в момент ожидания смерти такая любовь и возможна! Я ведь никогда раньше не падал с облака на землю, кто знает, может перед смертью у всех так, только те, кто подобное испытал, никому уже о своих предсмертных чувствах рассказать не может. Кстати, о смерти. Собственно, почему я так ужасно ее испугался? И потом, что это за дурацкие мысли, будто еще несколько секунд – и все, меня уже не будет? Такие мысли позволительно было бы иметь мне 2—3 дня назад, но не теперь, теперь-то я прекрасно знаю, что со смертью ничего не заканчивается, просто переход в иное фазовое состояние, возможно, это даже куда более полноценное бытие, чем физическая жизнь!»

Андрею стало стыдно за свое малодушие, хотя, казалось бы, чего же стыдного в том, что он испугался, казалось бы неотвратимой смерти? Андрей словно забыл, что всегда ее боялся, хоть ни разу в его жизни не было ситуации доселе, когда он эту жизнь мог неминуемо потерять.

«А ведь меня икона предупреждала, – продолжал размышлять Андрей, укладываясь в постель, – скорее всего, так моя смерть изображалась и то, что после смерти произойдет. Тем не менее, я не погиб, а значит, даже иконы не всегда правду изображают»...

И все же он летал сегодня! Не во сне, не в астрале, а совершенно натуральным образом, даже натуральнее, чем птица, поскольку полет птица трудоемок и несовершенен, к тому же он выяснил, что может проходить сквозь стены, как он об этом забыл! Это же не меньшее чудо, чем полет! Тут Андрею забралась в голову горделивая мысль о том, как были бы потрясены его школьные друзья, да и преподаватели тоже, если бы узнали, что в их школе учится самый настоящий чародей, о подобных которому они могли разве что в сказках прочитать! Очевидно, мысль эта была остаточной, некий островок сознания Андрея-ребенка, которого в его десятилетнем теле уже почти не осталось. Тут наш герой презрительно закончил мысль, что утруждать себя таким дешевым трюкачеством, как демонстрация в школе всяких фокусов, он, разумеется, не будет: еще неизвестно, как после этого будут относиться к нему бывшие приятели! А преподаватели? Очень возможен вариант, что они постараются упрятать его в сумасшедший дом, как это было с Аней. Нет, пока что время его не пришло, пока что о своем чудесном даре нельзя никому говорить, нужно во всем как следует разобраться...

Мысли Андрея стали путаться, и он заснул, утомленный чудесами, обрушившимися на него в этот удивительный день, а потом ему приснился удивительный сон и странен он был не своей необычностью, а как раз наоборот. Все словно бы происходило в реальной жизни, и это была не фантастическая реальность астрального выхода, когда эффект реальности достигается за счет нехарактерной для обычного сна ясности сознания, нет, тут все было иначе. Андрею приснилось, что он отправился в экспедицию за самоцветными камнями на Алтай, при этом он был взрослым, и люди, его окружающие так же были взрослыми. Казалось, они были ему хорошо знакомы, хотя он знал, что никогда прежде их не видел. Хотя нет, вот эту спортивную, мальчишкоподобного вида девушку с короткой стрижкой он когда-то видел, только вот, когда? Тем не менее, во сне все это странным ему не казалось, реальность похода просто пугал чудовищной правдоподобностью. Андрей видел лишь короткий фрагмент этого похода, где он на протяжении нескольких часов (бывают же такие затянувшиеся сны) шел вдоль живописной быстрой речушки с чистыми водами и пологим берегом, сплошь усыпанным галькой, и с переменным успехом разыскивал среди этой гальки самоцветные камни. При этом Андрей (во сне) хорошо помнил, какие события предшествовали этой экспедиции (правда, когда он проснулся,

то забыл о них), и то, что вокруг него происходило, сном ему не казалось. Да и не удивительно, поскольку и эта тайга, и каменистый берег, и речка, и синее небо, и горы у горизонта были настолько реальны, что даже в голову не могла закрасться мысль, что это сон. Вскоре Андрея утомило собирание камней (и притупление внимания, и физическая усталость так же были совершенно натуральными), и Андрей подошел к той самой девушке, которая неподалеку так же занималась поиском камней для производства ювелирных аксессуаров. Между ними начался разговор, который, когда Андрей проснулся, он запомнил плохо, и единственное, что осталось в его памяти, это то, что в разговоре фигурировал Владимир Высоцкий. Впрочем, возможно, разговор запомнился бы лучше, если бы не был прерван на полуслове.

Выяснилось, что Андрей проснулся, за окном стояло солнечное августовское утро, и весь этот до ужаса реалистический сбор камней вдоль речки ничто иное, как обычный сон.

«Господи, – подумал Андрей, – что же это такое! Мне после всех этих чудесных событий все время теперь такие сны будут сниться?! Такие, что и не поймешь, сон это, или взаправду! Теперь даже не определить, что в действительности реальность: то, что во сне привиделось или то, что сейчас происходит, после того, как я проснулся. Если к здравому смыслу прислушаться, то получается парадокс: во сне все самое обыденное и правдоподобное происходит – хожу по тайге, камешки для ювелирной артели собираю, а днем – летаю, прохожу сквозь стены и общаюсь с духами природы. Так, где же здесь, правда, а где иллюзия? Да, сколько еще сюрпризов в ближайшее время мне предстоит испытать – неведомо!»

Андрей встал, застелил постель, оделся и собрался, было, идти в сад умываться, как вдруг вспомнил (трудно сказать, почему он об этом не думал перед сном), что сегодня им с Аней предстоит исполнение какой-то загадочной миссии, содержание которой она не может ему раскрыть, поскольку тогда может произойти какой-то загадочный сглаз. Сам он, при этом, никак не мог докопаться до сути этой чрезвычайно важной миссии, хотя ответы на другие, куда более сложные вопросы со вчерашнего дня приходили к нему сами собой из «чудесной вставки», даже не требуя размышлений и других привычных напряжений разума. Взять хотя бы его блистательное обоснование природы кривизны пространства и сути гравитации, а так же способа практического управления последним!

Почему-то от мысли о какой-то грядущей миссии Андрею стало не по себе, и чувство это, пожалуй, можно было назвать страхом. Хотя, казалось бы, чего ему бояться после того, что он пережил?

«В конце концов, – начал успокаивать себя наш герой, – никто ничего меня насильно делать не заставит, да и вообще, с чего она взяла, что я что-то там для гипотетического спасения абстрактного человечества делать обязан? С другой, стороны, с чего я взял, что это опасно? Ну, а если даже опасно, разве не о том я мечтал всю свою скучную, серенькую жизнь? Об удивительных мирах, об удивительных приключениях... так вот они, приключения! Что же, теперь, в кусты только потому, что непонятно, откуда эта тревога и страх поперли? И зачем тогда некие неведомые благодетели меня чудесными возможностями наградили? Разве не для того, чтобы я что-то важное совершил, возможно, даже в масштабах человечества! Или буду незаметно сквозь стены проходить и летать от облака к облаку в темное время, чтобы никто не дай бог не увидел? А разве не я клял себя недавно за то, что Аню не послушался? Нет уж, если она меня дважды чудесным образом спасла, значит, я просто обязан быть рядом с ней, какое бы рискованное предприятие она не задумала!» – И отбросив остатки малодушия, Андрей вышел в сад, как ему тогда показалось, навстречу неведомому.

ГЛАВА 3. Таинственная миссия

Итак, Андрей решительно вышел во двор (снова, как и вчера, он поднялся ни свет, ни заря) и проделал утренние гигиенические манипуляции, вдыхая полной грудью утренний, свежий воздух, правда, чуть-чуть пахнущий сероводородом Нафтуси. Погода, установившаяся около недели, и сегодня обещала быть отменной, сухой и не особенно жаркой, с приятным свежим ветерком и пушистыми кучевыми облаками на небе, обычно принимающими форму диковинных зверей. Затем Андрей десяток раз подтянулся на турнике, прилаженном между сараем и старой березой, на мгновение сдвинул точку сборки и вежливо поприветствовал умную старую грушу, молодых хвастливых яблонь и патриарха-булыжника. Правда, тут же вернул ее обратно в физическое восприятие, поскольку понял, что в противном случае ему снова придется выслушивать исповедь изголодавшихся по общению с человеком представителей растительного и минерального царств. Затем Андрей сел на крыльцо в позу лотоса (хотя раньше он так никогда не делал, но ему, почему-то, показалось, что это положение тела будет наиболее удобным), и стал ждать Аню, зная, что сегодня должно произойти что-то чрезвычайно важное (а разве то, что случилось вчера было не важным?). И еще, он твердо знал, что пойдет с ней хоть на край света, какие бы коварные и пугливые мыслишки не лезли в его, со вчерашнего дня, суперсовершенную голову. В конце концов, узнать, в чем заключается их миссия, можно было, только приняв в этой миссии участие.

Аня не заставила себя долго ждать, она появилась на крыльце уже умытая, причесанная, свежая, без налета сонливости, очевидно, воспользовавшись хозяйской ванной комнатой. В первый момент, когда она появилась в дверях, в лице ее угадывалось напряжение и тревога, но чувства эти мгновенно угасли, как только она увидела Андрея в лотосе, на крыльце своего дома. Андрей же, поддавшись внезапно нахлынувшему чувству, вскочил, подбежал к крыльцу и изящно поцеловал Анину руку, словно галантно ухаживать за дамами, было для него хорошо знакомым делом.

– Да, что ты, не надо, – смутилась Аня, вновь на секунду сделавшись застенчивой пятиклассницей, быстро приближающейся к рубежу гормональных изменений в организме, – с тобой все нормально? А то мне было тревожно.

– А ты как считаешь? – Андрей сверлил ее глазами, но не успел продолжить начатую фразу, Аня его опередила.

– Знаешь, мне сон приснился, что с тобой беда чуть не приключилась... вернее, приключилась, но, в конечном счете, все хорошо закончилось, я эту беду немного подправила. И все же страх держался.

– Сон приснился? – удивленно посмотрел на нее Андрей, – а разве... а что за сон?

– Мне приснилось, что ты решил исполнить свою давнюю мечту, посидеть на туче, ну и исполнил ее, взлетел, а туча тебя не выдержала, ты провалился с огромной высоты и разбился в лепешку. Мне тогда пришлось идти в Тридевятое царство, добывать мертвую и живую воду из двух источников, собирать тебя на части и сращивать с помощью мертвой воды, а затем оживлять с помощью живой, ну, как в сказке про Иван-царевича и Серого волка. Сон был длинным-длинным, никак не кончался, во всех подробностях его рассказывать, мне дня не хватит. В общем, во сне мне тебя восстановить и воскресить удалось, но неприятный осадок после того, как я проснулась, оставался, вот я так тревожно на тебя и посмотрела.

– Разбился, говоришь, – растеряно пробормотал Андрей, машинально держа Аню за руку, пока она спускалась с крыльца после своей тирады, – а когда ты спать легла?

– Да, совсем рано, в полдесятого. Я после того, как Варфушу не обнаружила, уже дома разные манипуляции проделывала, кое-что выяснила, но после этого устала и быстро отключилась. А почему ты спросил?

– Ты за мной не подглядывала? – сверлил ее глазами Андрей.

– В каком смысле?

– На ментале, с помощью ясновидения.

– Да, нет, я варфушиной проблемой занималась, мне не до тебя было. А что?

– А то, – торжественно объявил Андрей, – судя по всему, ты мне жизнь спасла, правда я думал, что ты это осознанно сделала, но теперь выяснилось, что во сне, хотя не совсем понятно, какой энергетический механизм был при этом задействован. Дело в том, что как раз в то время, когда ты спала, я действительно свалился с облака... но не разбился. – И Андрей рассказал Ане о том, что случилось с ним как раз между десятью и одиннадцатью вечера. – Значит, – подытожил он свой рассказ, – в твоём сне я все же разбился, и только потом ты меня собрала и оживила! Странно, почему, если уж ты увидела во сне то, что в действительности произошло в самом начале, то в конце все было как в русской народной сказке? Мне кажется, что вещий сон, да еще с таким мощным внедрением в реальность (я даже не подозревал, что такое возможно), должен до конца все, как есть, показать.

– Не послушал все-таки, – покачала головой Аня, – а ведь я просила! А впрочем, чего удивляться, было бы странно, если бы ты не попробовал, ты настолько поглощен этими новыми игрушками. Что же касается моей помощи, она действительно осуществилась, минуя мой дневной рассудок. У меня есть предположение, что я тебе гораздо эффективней могу во время сна или астрального выхода помогать, минуя рассудочное «я». Я, ведь, и Нивенну вчера в свое измерение отослала, когда в трансе находилась, пытаюсь Варфушу вызвать. Я потом уж к тебе подошла, когда все закончилось.

– Странно, – сказал Андрей, – а почему так?

– Пока не могу сказать, это догадка, и, если, я ее произнесу, то могу спугнуть птицу. Судьбе было угодно распорядиться так, что я в гораздо большей степени, чем другие люди, отвечаю за то, что произношу. Кстати, ты – тоже, и должен это серьезно осознать: слово – не воробей, и вначале было Слово!

– Это мне, пока, не совсем понятно, – передернул плечами Андрей, – и еще, что мне не понятно, – почему в твоём сне я сначала разбился, потом ты полночи живую и мертвую воду искала, затем меня склеивала, затем – оживляла, а в реальности эта помощь мгновенно осуществилась?

– Возможно, – развела руками Аня, – во сне мне удалось стусить время. Возможно, удалось даже немного вернуть его вспять... скорее всего так.

Да, – задумчиво разглядывал свой туфель Андрей, – выходит, ты, и сама не понимаешь, как это произошло. Вернее, предполагаешь, но точно не знаешь. Я думал у тебя все это более осознанно происходит...

– Есть еще одна Аня, – загадочно произнесла девочка, – и она смотрит в колодец души...

– Что ты имеешь в виду?

– Не знаю...

– Ясно, – пробормотал Андрей, – что ничего не ясно. А в моем случае еще один Андрей тоже смотрит? Не слишком ли их много?

– Может, даже больше, чем мы думаем...

– Ах, да, – вспомнил мальчик, – он же во мне сидит... а почему, тогда, через колодец?

– Не могу сказать.

– Ну, хорошо, – сказал Андрей, – оставим эту тему. Ты мне вчера загадочно сообщила, что мы сегодня должны приступить к какой-то там сверхважной миссии, которую на нас Господь Бог возложил. Вчера мне эта загадочность не понравилась, и я даже хотел от всего отказаться. Не знаю, почему, но страшно сделалось! Теперь же я чувствую, что готов принять твое предложение, не спрашивая подробных разъяснений, надеюсь, по мере осуществления этой неведомой миссии по спасению человечества, все как-то само по полочкам разложится. Ты,

наверное, будешь надо мной смеяться, но я вчера, падая с высоты более километра и готовясь к смерти, буквально на несколько мгновений осознал, что люблю тебя так, как никто никого не любил! И не смейся, это уже не ребенок тебе говорит! В общем, в дальнейшем острота этого чувства прошла, но все равно, теперь я знаю, что должен быть рядом, особенно, если ты и вправду затеяла эту историю с нашей провиденциальной миссией. Да кстати, если нам придется куда-то там идти и надолго, как с матушками нашими будем вопрос решать?

– Боюсь, – покачала Аня головой, – нам придется их заморозить...

– Что?! – вытаращил на нее глаза Андрей, – в каком это смысле?! «Сумасшедшая, – вновь, после долгого перерыва, прозвучала в сознании Андрея уже не раз посещавшая его мысль, – к тому же опасная сумасшедшая! Хотя, я-то, тогда, кто в таком случае...»

– Похоже, – сказала Аня голосом взрослой женщины, – нам придется покинуть эти места на долгое время. Вчера вечером мне кое-что удалось выяснить, правда, не до конца. Если все так, то, чтобы исполнить то, что на нас возложено, отправляться надо немедленно. Я уже говорила тебе, что некоторые провиденциальные мистерии осуществимы лишь в строго определенном периоде, когда на данном мистериальном событии и на его участниках сходятся все лучи альтернативных потоков, сфокусированных некой многомерной линзой. Имеет значение так же уникальное расположение звезд, которое может не повториться в обозримом будущем. И никого не интересует, что телесно мы дети, и что наши мамы сойдут с ума, если мы исчезнем из дома. И все же есть некий гуманный выход, который так тебя напугал. Разумеется, я имела в виду «заморозить» не в прямом смысле, просто нам с тобой дано право запустить механизм рассинхронизации временных потоков! Время, в котором останутся наши мамы, настолько замедлится, что мы успеем смотаться куда угодно, переделать кучу дел и вернуться, а они даже не заметят нашего отсутствия. Конечно, если нам удастся вернуться! Милый! – в неожиданном порыве Аня закинула Андрею руки за плечи. – Спасибо, что ты дал согласие, решился! Одна бы я не справилась, эта миссия рассчитана на двоих! Я бы тоже сказала тебе, что люблю, как это ни странно звучит из уст десятилетней девочки, но пока я только знаю, что твое признание было не твоим! Вернее – не совсем твоим. И то же касается меня. Пока это тайна, но не будем к этому возвращаться, иначе вся сила, вся энергия уйдет на пустые разговоры. Нам ведь так много ее потребуется!

– Ты знаешь, – Андрей почувствовал, что вновь начинает вспоминать события, которые явно не могли произойти в этой его десятилетней жизни, – мне кажется, в какой-то другой жизни, которая фрагментами прорывается в мое сознание из «вставки», я уже видел картину остановленного мира. Помню поляну в лесу, костер, который совершенно неподвижен, и какая-то незнакомая девушка, которую я в той жизни хорошо знаю, сидит около костра, застыв, как статуя. А я хожу вокруг в растерянности и не знаю, что делать. Правда, дальнейшие события не всплывают, вернулся мир в обычное состояние или нет, – не ясно. Кстати, эту девушку я сегодня во сне видел. Представляешь, дурацкий сон, будто я совсем взрослый, и в экспедиции участвую...» – и Андрей рассказал Ане про свой сон, особо подчеркнув его противоестественную реалистичность.

Аня слушала Андрея очень серьезно, правда отказалась что-либо объяснять, хотя, возможно, не знала и сама, а может, не хотела делиться версией, в которой не была уверена, тем не менее, задала вопрос, который, вроде бы, свидетельствовал о последнем:

– А ты только камешки собирал? Больше ничего не попадалось?

– Да, нет, вроде ничего, – стал припоминать подробности Андрей, – хотя, подожди...

Тут перед его мысленным взором всплыла сценка: он идет в сторону каких-то кустов на границе каменистой прибрежной полосы, резко нагибается и поднимает маленький блестящий предмет. Оказывается это золотой самородок, размером с желудь, формой чрезвычайно напоминающий корону. Как будто эту маленькую коронетку специально отлили, а затем она по какой-то причине оказалась на сотни лет в естественной среде, и вода с ветром сильно

потрудились над ней, стерев признаки естественного происхождения. Картинка была настолько яркой и полной деталей, что Андрею показалось, будто это вовсе не воспоминание, а фрагмент сегодняшнего, чрезвычайно реалистичного сна.

– Ты что-то увидел? – с интересом посмотрела на него Аня.

– Знаешь, – с трудом отключился от своего видения Андрей, – сейчас словно кино перед глазами прокрутилось. Ты права, помимо всяких яшм и лазуритов, я нашел там золотой самородок в форме маленькой короны...

– Что ты говоришь! – Аня, похоже, получила подтверждение своим неведомым теориям. Но ведь это же... – тут она замолчала, словно с ее уст чуть не сорвались слова, которые нельзя было произносить. Затем забормотала:

– Пошла синхронизация... это где-то рядом... он должен вспомнить, иначе, как иголка в стоге сена...

– Да что ты бормочешь, как старая бабка, – недоумевал Андрей, – объясни толком! Ну, сон приснился, ну, непривычный несколько. Но за эти дни столько непривычного произошло! По-моему, то, что сейчас днем происходит, куда удивительней. Кстати, об этом самородке я, когда проснулся, совсем забыл, только сейчас вспомнил.

– Знаешь, Андрюша, – как-то виновато улыбнулась Аня, – ты уж извини, что я туман нагоняю, но, похоже, отсчет пошел! Честно говоря, до сего момента я имела весьма приблизительную схему действий. Вернее, несколько схем, и больше рассчитывала на удачу и авось. Теперь, что-то прояснилось. Дело в том, что нам необходимо найти одно место... очень далеко отсюда, и, похоже, именно ты, в глубине своего сознания, знаешь туда дорогу. Больше ничего не могу сказать. Прости, Андрюша, но это действительно очень важно, чтобы я тебе ничего не объясняла, в противном случае все может рухнуть.

– Ну, не можешь, так не можешь, я уже привык, – пожал плечами Андрей (на самом деле он был не очень доволен таким положением вещей, где его держат не за равноправного партнера, а за какого-то статиста), – а что, этот самородок что-то важное означает? Кстати, сон мой, наверняка, вещим был! Хотя, Бог его знает, может теперь, после получения этой чудесной «вставки», мне всегда теперь вещие сны сниться будут.

– Я очень на это рассчитываю, продолжала играть Аня в загадки, она дает нам шанс на успех. Что же касается самородка... странно, что тебе не пришло объяснение, что это такое. Я, по известной причине, не могу тебе говорить, это очень важный предмет Силы.

– Но ведь это же сон!

– Тем не менее, этот самородок существует в реальности.

– Ну, существует, так существует, мало ли в природе золотых самородков по всяким золотоносным речкам разбросано.

– Неужели ты не чувствуешь, что это не обычный самородок?

– Ах, да, – вдруг осенило Андрея, – это же корона Меровингов! Но, какая же это корона? Это брелок, скорее, медальон.

– Ты сказал, – повторила Аня любимый оборот Христа, – но прошу, ни слова больше!

А Андрей, тем временем, мысленно листал страницы возникновения золотой коронки, которые раскрывала перед ним его чудесная «вставка-энциклопедия». В мгновение перед ним пронеслась история появления 888 золотых коронок, которую мы подробно описали во второй книге романа. Правда, так и не удалось узнать, какое отношение к его сну они имеют, и каким образом этот кусочек, несущий в себе крупицу материальности Ориона, оказался на берегу безвестной алтайской речушки, если, конечно, она и правда там протекает: все же это был сон, хоть и неправдоподобно реальный.

– Я теперь знаю историю этого самородка, – сказал Андрей, прервав молчание, – хотя, непонятно, какое отношение к моему сну все это имеет.

– Надеюсь, – улыбнулась Аня, – мы знаем одну и ту же историю. Что же касается того, почему ты увидел коронетку именно там, так мне это самой пока непонятно.

– Кстати, – решил оставить эту тему Андрей, – ты говорила, что еще раз пыталась связаться с Варфушей, и тебе удалось что-то о нем узнать. Я, честно говоря, когда ты мне идею нашей особой миссии начала внушать, думал, что он, как твой учитель, будет нам помогать, ну если не фактически, то хоть советом. Мне кажется, он бы мог присоединиться к нам...

– Я не знаю, что конкретно произошло, – опустила глаза Аня, – мне так и не удалось его разыскать, хотя дома я предприняла астральный поиск. Не буду описывать всех подробностей, но поиск ничего не дал. Неожиданно от него пришла весточка в том самом сне, где я отправилась на поиски живой и мертвой воды, опять же, не буду вдаваться в подробности, но, поскольку я оказалась в сказочном пространстве, то и весточка была получена соответствующим образом. Когда я оказалась в степи, напротив легендарного камня-указателя, то сбоку, помимо всем известных «направо пойдешь – коня потеряешь, – налево пойдешь – сам пропадешь», химическим карандашом оказалось приписано небольшое послание. Оно было кем-то наполовину стерто, я подозреваю, как раз та часть, где Варфуша сообщал, что с ним случилось и где он находится, но вторая половина надписи сохранилась, и там были конкретные указания, куда мы должны отправиться и что делать. Мои предчувствия оправдались: отправляться надо немедленно, иначе мы потеряем шанс, а так же Варфуша подтвердил, что именно ты должен найти дорогу к тому месту, о котором сведения у меня самые приблизительные. Детальнее, к сожалению, не могу сказать. Так что я не зря ходила в тридцатое царство, по крайней мере, что-то прояснилось.

– Да, конечно, – шутливо обиделся Андрей, – а то, что ты меня воскресила, уже не важно. Если бы все это только сном ограничивалось, тогда конечно, тогда не важно, но ведь так вышло, что именно твой сон в реальности спас мою жизнь.

– Понимаешь, Андрюша, – пожалала плечами Аня, – но ты и так не мог погибнуть, и помощь в любом случае бы пришла.

– Почему это? – удивился Андрей, – я разве бессмертный?

– Нет, но ты не можешь умереть, пока длится история...

– Какая еще история?

– Как и о многом другом, я не могу тебе этого сказать, но думаю, что ответ придет к тебе, как и многое другое, как история появления коронетки, наконец. А то, что я не могу тебе всего рассказать, так считай, что я так запрограммирована некими силами, ты уже сталкивался в астрале с чем-то похожим.

– Ах, да, встречался, – Андрей неожиданно припомнил несколько историй из «вставки», а, следовательно, из другой жизни, что действительно, не раз, при общении с разными астральными сущностями и душами сталкивался с подобного рода запрограммированностью, – так то были всякие духи и души умерших, но ты-то земная, из плоти и крови!

– Кто знает, кто знает, – снова загадочно улыбнулась Аня, – возможно физическая кровь и плоть – еще большая иллюзия, чем астральные эйдосы.

– Ну, не знаю, – передернул плечом Андрей, – так можно договориться до того, что вокруг вообще сплошная иллюзия...

– Ты сказал, – уже во второй раз произнесла Аня известный оборот Христа, – ладно, Андрюша, мы с тобой уже час беседуем, а время идет, и нам пора в путь.

– Так прямо сейчас? – по спине Андрея побежали мурашки. – Но ведь надо же собраться, нам что, никакие вещи не потребуются? Ты же сама сказала, что мы надолго! И потом, надо же вопрос с мамами нашими решить. Ты же сказала, что мы можем временные потоки рассинхронизировать... кстати, я, кажется, знаю, как это сделать!

– Вот видишь, – улыбнулась Аня, – так потихонечку ты узнаешь обо всем остальном. Что же касается вещей, боюсь, они нам не потребуются, ну, разве что по паре бутербродов

и чего-нибудь запить. Там, куда мы с тобой отправляемся, в настоящее время должно быть тепло и комфортно, как здесь, так что теплые вещи не нужны.

– Ну а потом? Ты же сама сказала, что не знаешь, как долго мы там пробудем.

– Дело в том, Андрюша, что ни вещей, ни денег, ни еды нам в дальнейшем не потребуется, похоже, главные события будут разворачиваться не в физической реальности. Хотя, то место, которое нам необходимо разыскать, находится именно в физической реальности, и попасть туда нам надо в физических телах. Но боюсь, что вскоре их придется оставить.

– А, – протянул Андрей, – опять астральные выходы...

– По-видимому, основная работа будет происходить в астрале.

– По-видимому... значит, сама точно не знаешь! А вдруг не в астрале? И что мы без еды и теплых вещей делать будем? И потом, как мы туда доберемся, на каком транспорте? Мне пока все это абсолютно не ясно!

– Знаешь, – сказала Аня, – честно говоря, я обо всей этой материальной части как-то не задумывалась! Мне странно слышать такое от человека, который может летать и проходить сквозь стены. Но, наверное, в какой-то степени ты прав, чтобы было спокойнее, давай соберем кое-какие вещи, еду, и встретимся через полчаса. Тебе хватит времени?

– А деньги? – не унимался Андрей, до которого все явственнее доходила серьезность затеи. Возможно, раньше он так легкомысленно принимал все Анины заявления, поскольку в глубине души считал, что это какая-то особенная игра. – Как далеко нам придется ехать?

– Точно не знаю, – задумалась Аня, – у меня с географией всегда было средненько. Может, пять тысяч километров, может семь.

– Ты серьезно? – вытаращил на нее глаза Андрей. – Я думал, ты имеешь в виду какой-нибудь пригород! А ты знаешь, сколько будет стоить билет, что на поезд, что, на самолет на такое расстояние? Это же получается – Сибирь! По крайней мере, только на восток столько километров может уложиться в границах страны. Или ты за границу имеешь в виду? Но это же полный абсурд! Во-первых, где взять такие деньги? У родителей украсть? По-моему красть нельзя даже ради благого дела: цель оправдывает средства – это что-то из фашистской идеологии. К тому же я точно знаю, что у мамы денег совсем немного осталось до отъезда и на такой дальний поезд, не говоря уж о самолете, точно не хватит! Так что, ограбим сберкассу или магазин?! И потом, мы с тобой, по крайней мере, внешне, несовершеннолетние, нам билет никто не продаст, а если продаст – то без родителей ни в поезд, ни в самолет не пустит! А питание? Ты говоришь, два-три бутерброда и запить! Хорошо, допустим твою загадочную миссию мы будем исполнять в астрале, в других измерениях, как прошлой ночью. Но ведь до того места, ты сама говорила, нам нужно в плотных телах добраться! А даже в скором поезде – это несколько дней, по-моему, около недели, а самолеты, насколько я знаю, только от Львова летают. Ну, и как мы питаться все это время будем, даже если допустить, что нас в поезд или самолет пустят? Ты знаешь, Аня, мне кажется, твоя затея чем-то напоминает мои сборы в кругосветное путешествие, после того, как я лет в восемь «Дети капитана Гранта» прочитал.

– Наверное, – улыбнулась Аня, – ты говоришь сейчас, как говорила бы моя мама или папа, если бы я им что-то о готовящемся путешествии выложила. Хотя, скорее всего, они бы вообще ничего не объясняли, а решили, что я чокнулась или придуриваюсь, наказали бы и заперли. Разумеется, разговор с любым здравомыслящим человеком на эту тему, вызвал бы реакцию, подобную твоей, а если бы я открыла то, ради чего все затеяно, то психбольница обеспечена. Но если бы ты, допустим, рассказал своей маме, что разговаривал с садовыми деревьями или камнями, чуть не замерз насмерть среди лета, потому что неосторожно вызвал зимнюю стихию, или упал с облака, потому что чего-то там не рассчитал при полете, как бы мама отнеслась к твоему рассказу? В лучшем случае восприняла его, как игру. Нет, Андрюша, ты, похоже, еще не осознал, что теперь находишься совсем в другой реальности, в которой находился еще три дня назад, и все твои аргументы именно из той, прошлой реальности. А в этой, новой, можно

делать то, о чем ты не предполагал всего три дня назад: летать по небу, сидеть на облачке, беседовать с деревьями, и многое, многое такое, чего ты пока еще не успел испытать. Что касается месячного запаса еды, то, во-первых, это очень тяжело, а во вторых, не думаю, что в твоём холодильнике и на полках найдется хотя бы недельный запас еды. Да и протухнет все это скоро. Что же касается денег, то, разумеется, никакую кражу я не имела в виду: отправляясь в это... скажем, путешествие, мы не должны быть, запятыны ничем. Место, куда мы отправимся, находится, по-видимому, в сотнях километрах от населенных пунктов и магазинов, и в этих условиях деньги становятся никому не нужными бумажками. Так что наш разговор на эту тему должен быть разговором летающего человека с летающим человеком.

– Ты имеешь в виду, что мы туда своим ходом полетим? – все не хотел смириться с неизбежным Андрей. – Кстати, ты сама говорила, что летать, еще не пробовала. Что же касается меня, то я попробовал и понял, что за один «залет» осилю только несколько десятков километров, вряд ли больше. Энергия контроля над гравитацией напрямую зависит от ментальной энергии, а она довольно быстро истощается. Сколько нужно времени на восстановление, я еще не разобрался, но точно не менее 12 часов. Увеличивать же скорость до бесконечности, похоже, невозможно, я в результате потерял сознание и чуть не разбился. Это, что касается чисто физического перемещения, об остальном уж и не говорю. Но, может, ты задумала что-то вроде тоннеля нуль-транспортировки, как у Стругацких?

– К сожалению, – сказала Аня, – тоннель нуль-транспортировки ни я, ни ты пока что выстроить не сумеем. Он возможен лишь из того места, которое мы с тобой должны отыскать. Похоже, что для путешествия нам придется вызвать одного моего должника.

– И что это за должник такой, – усмехнулся Андрей, – как я понимаю, некто потусторонний? Какой-нибудь джин из лампы Аладьины?

– Почти, – сказала Аня, – когда-то я пожалела ящерицу, душа которой была реинкарнированной душой динозавра, если быть точнее – диплодока. И этот динозавр меня жестоко обманул, он не учел в своей тупой самонадеянности, что потусторонние законы и обязательства – не пустая формальность, и существо, нарушившее баланс кармы становится должником. Пока я не трогала его, но теперь вправе потребовать, а он не вправе отказать, иначе получит понижение.

– Ты серьезно? – удивленно посмотрел на нее Андрей. – Фантастика какая-то!

– Не меньшая фантастика, чем левитировать и разговаривать с деревьями, – пожала плечами Аня.

– И то верно, – смутился Андрей, – ну и что, ты собираешься динозавра этого вызвать? И где он, по твоим расчетам должен находиться? Ведь не в физическом же теле он существует, если конечно, это не несси какой-нибудь! Он что, нас на своем горбу понесет? Вот уж не предполагал, что когда-нибудь динозавра увижу!

– Не совсем так, хотя, похоже, – усмехнулась Аня, – дело в том, что после того, как я выпустила его душу (кстати, и немало других) из преисподней (они находились в зоне горячих магм), им всем пришлось претерпеть некоторые трансформы: природа, естественно, имеет различные способы защиты от тех, кто угрожает ее гармонии и сбалансированности. Души этих динозавров трансформировались в бурные стихии, в частности в стихию Ирудрану, которая проявляет свою активность во время физической грозы. Так что придется моему коварному знакомцу немного на нас поработать: перенести нас в грозовой туче туда, куда необходимо.

– Ну да, вспомнил Андрей, – кажется, в прошлой жизни я на ладье из облака уже летал. Правда, по-моему, это было в астрале. Ладно, раз все это неотвратимо, то пойду собираться. Только не знаю, мама, возможно уже проснулась, если она войдет в мою комнату и увидит, что я вещи собираю, что я ей скажу? Или можно сначала временные потоки рассинхронизи-

ровать, а потом собираться? Ах, да, нельзя, после того, как мы проведем рассинхронизацию, уже ничего оттуда взять будет нельзя...

– Не знаю, что скажешь, думай сам, я, честно говоря, сама плохо представляю, что скажу, а мы, между прочим, с мамой в одной комнате живем. Надеюсь, что она еще спит, – Аня посмотрела на часы. – Семь-тридцать, да, наверное, еще спит. Правда, как собираться, чтобы не разбудить ее, плохо себе представляю. Наверное, все же придется малость согрешить и воздействовать на нее, слегка углубить ее сон. Хоть и зарекалась на маму воздействовать, но, вижу, другого выхода нет.

– Ах да, – спохватился Андрей, – точно, я ведь тоже могу свою слегка усыпить, оказывается я тоже умею. Кстати, а этого динозавра грозового ты прямо здесь из его пространственного слоя вызывать будешь?

– Наверное, да, – сказала Аня, – после того как мы рвассинхронизируем временные потоки и ускорим наш поток, нас уже ни одно живое существо в этом городе заметить не сможет, и нашего перевозчика тоже. Ладно, расходимся и, как только соберемся, встречаемся здесь.

Ребята разошлись по своим домам, и Андрей, прежде чем пойти к себе, приоткрыл дверь маминой комнаты и посмотрел в щелку. Мама спала, но, как показалось Андрею, была тревожна: ворочалась, тяжело дышала, и он послал ей мысленный импульс глубокого, умиротворяющего сна, после чего мама успокоилась и затихла, полуоткрыв рот.

– До свидания, мамочка... а, может, и прощай, прости за все, – тихо прошептал Андрей, – даже не знаю, когда теперь увидимся, и увидимся ли вообще.

Сердце его сжала острая боль близкой разлуки с самым дорогим человеком, и только сейчас до него дошло окончательно, что все это не игра, и действительно может стать так, что он ее никогда больше не увидит. На мгновение ему захотелось от всего отказаться, пойти к Ане и сказать, что он не может, что все это какая-то чудовищная мистификация, в которой он отказывается принимать участие. Или все это сон? Сейчас он ущипнет себя по сильнее и проснется в своей кровати, и выяснится, что он самый обычный десятилетний мальчик, не умеющий левитировать и разговаривать с деревьями и камнями, и нет никакой Ани Ромашовой! Андрей зажмурился и со всей силы ущипнул себя за бедро. Увы, он так и не проснулся, а, следовательно, все было правдой, и надо было делать окончательный выбор. Андрей его сделал... молча перекрестил спящую маму, тихонько прикрыл дверь, и пошел в свою комнату собирать вещи.

Времени на это ушло немного, Андрей быстро собрал теплую одежду в свой маленький детский рюкзачок, затем тихонько сходил на кухню и вытащил из холодильника и с полки все немного, что там было: консервы, колбасу, сыр, хлеб, печенье. О том, как на это может отреагировать мама, он не думал, твердо решив, что если не удастся рассинхронизировать временные потоки, то он никуда не полетит. Но, как, с точки зрения здравого смысла, ни казалось абсурдным все то, что они с Аней затеяли, Андрей с непонятной уверенностью знал, как именно эти потоки возможно рассинхронизировать. Точно такая же уверенность в нем жила, когда он понял, что сможет без газа создать огонь на конфорке и взлететь в небо. Точно так же он знал, что и рассинхронизация получится. А значит, есть надежда, что и мама не успеет проснуться прежде, чем он обернется туда и обратно. А если не вернется, то какая разница, заметит она то, что он выгреб все продукты или не заметит, если родной сын пропал неведомо куда и отыскать его нет никакой надежды.

Андрей вернулся в свою комнату, уложил продукты в рюкзак. Можно было идти, но он все медлил, словно ожидал, что это наваждение развеется (куда делась вся его радость и торжество по поводу неожиданно появившегося чудесного дара и первых минут полета). Затем решил посидеть, как это принято, перед дальней дорогой... неведомо куда. Неожиданно, когда он присел на краешке кровати, у него возникло странное чувство, что он что-то очень важное

здесь оставляет, настолько важное, что вся их затея не удастся, если это нечто здесь оставить. Андрей удивленно огляделся: вроде бы ничего такого ценного у него в Трускавце не было, а все свои личные вещи он собрал в рюкзак, даже свою любимую на данный момент книгу «Солярис» Станислава Лема, хотя совершенно не понятно, где и когда он там будет читать.

Тут он почувствовал что-то вроде зуда, но как-то странно, на некотором расстоянии от тела, и скоро этот зуд сменился едва слышным звоном, словно в воздухе рассыпались миллионы маленьких колокольчиков; и звон этот имел свой источник: прежде, чем рассыпаться по комнате, он явно исходил из-под подушки. Андрей недоуменно приподнял подушку и установился на изголовье кровати: на простыне лежал небольшой блестящий предмет размером с наперсток. Это был тот самый золотой самородок в форме коронетки-медальона.

«Вот так...», – только и сумел пробормотать Андрей: что это был именно этот самородок из сна, у него не было никакого сомнения, картина стояла перед его глазами как живая, и вот новая неожиданность: коронетка немислимым образом из сна перешла в реальность... он даже не слышал о таком! А впрочем, не удивительней всего остального, Аня сказала, что прежняя реальность закончилась, и в этой новой реальности люди летают, разговаривают с деревьями и, как теперь выяснилось, получают материальные послания из сновидений. Разумеется, это добрый знак, ведь перед ним уменьшенная копия короны Меровингов, потомков главного носителя света на земле, и очень важно, что он, Андрей, не оставил ее здесь, ведь нет случайно ему послала этот талисман. А впрочем, получается, что он сам себе его послал из собственного сна.

Андрей протянул руку, чтобы взять удивительный предмет... пальцы захватили пустоту, оказалось, что столь натурально выглядящий самородок – всего лишь бесплотный образ, голограмма.

«А чего удивляться, – сам себе сказал Андрей, – мой ментальный образ запечатлелся в пространстве и стал видимым. Вот если бы он превратился в настоящий кусочек золота, – вот это было бы удивительно, а так – обычный эйдос, проявленный моей сверхмощной ментальной энергией. Не удивлюсь, если после очередного сна, да еще такого реалистичного, как сегодняшний, в воздухе будут плавать всякие образы из эктоплазмы. Наверняка, этот подарок из сна не случайно напомнил о себе, иначе я бы просто ушел, так и не узнав, что под подушкой у меня лежит кусочек иного измерения. Сомнения нет, он для чего-то необходим нам в предстоящем путешествии. Что же с ним делать, он явно намекает на то, чтобы я взял его с собой, а пальцами захватить его невозможно».

Тут у Андрея мелькнула еще одна картинка: его взрослый двойник продевает через дырочку в самородке кожаный шнурок и вешает себе на шею. В тот же момент самородок-голограмма на мгновение исчез, а затем Андрей ощутил невесомое прикосновение к груди и, расстегнув ворот ковбойки, увидел, что коронетка так же обзавелась голографическим шнурком и висит у него на шее, таким образом, решив вопрос своей дальнейшей транспортировки.

«Значит так надо, – удовлетворенно подумал Андрей, – значит, я получил благословение от самого Логоса Шаданакара, – (многие термины из „Розы Мира“ стали естественной частью его лексикона, хоть этот, тогда никому не известный труд Даниила Андреева он никогда и в глаза не видел)), – а значит, я должен, не раздумывая, отправляться на исполнение той, пока непонятной миссии, которая на меня возложена. Вернее, на нас с Аней, – мысленно поправился Андрей, вспомнив, что вообще-то это не его инициатива. – Теперь все должно пройти успешно, по-видимому, я должен отработать дар, который чудесным образом получил, мне же его не за красивые глаза вручили, а для того, чтобы я что-то архиважное совершил. Вот только, почему Аня знает, куда мы направляемся и зачем, а я не знаю? Спасение человечества – это слишком расплывчато, непонятно, в чем это спасение состоит, и что для этого необходимо предпринять! Ладно, не буду себя накручивать, скоро все должно разъясниться, и первый добрый знак на пути уже получен!»

Приободрившийся Андрей, чувствуя, что энтузиазм, появившийся с момента обнаружения удивительного талисмана, просто переполняет его душу, взвалил рюкзак на плечи и вышел из комнаты, затем снова приоткрыл дверь в мамину коморку, убедился, что мама спокойно и глубоко спит, как-то даже слишком спокойно для утреннего сна, и подумал, что, пожалуй, не будет дожидаться, когда Аня даст ему необходимый сигнал, чтобы вместе запустить загадочный процесс рассинхронизации временных потоков. А, собственно, почему «загадочный»? Андрей обратился к чудесной «вставке» и отчетливо увидел, как это возможно сделать. Тут же в голове его возникли необходимые теоретические предпосылки.

ОБОСНОВАНИЕ ПРИНЦИПА ФРАКТАЛЬНЫХ КОРИДОРОВ. «МАШИНА ВРЕМЕНИ».

В момент Большого Взрыва, когда возникла физическая вселенная, был запущен феномен времени, как такового (что было «до» этого – сказать невозможно), и если говорить о его природе, то это нечто, в основе чего лежит энергия частотности, причинности и событийности – духовная кармическая энергия. Время вместе и неразрывно с Пространством ваяло вселенную, пребывало в основе всего сущего, и как все сущее, так же имело свой первичный элемент, некий строительный кирпичик, первичный кармический цикл, основную частотность, через принцип фрактальности воспроизводящее все и вся. В начале времен распределение этой пространственно-временной первичной частотности – ПЕРВИЧНОГО ФРАКТАЛА – было равномерным, затем начали возникать сгустки, вихри, протуберанцы и флуктуации первого, второго, третьего и далее порядков этой самой пространственно-временной Прадханы. Из этой первичной неравномерности и начала формироваться современная вселенная со своими звездами, планетами и полевыми структурами, и в основе этой мировой неравномерности лежит разная степень кармической насыщенности каждого объекта, то есть, возникая и формируясь во вселенной, любой объект проживает свою индивидуальную судьбу, свою карму, неразрывно связанную со временем, каждый имеет строго свое, определенное число первичных, вторичных – и так далее – циклов, то есть имеет свое ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ТВАРНОЕ ЧИСЛО, по сути, – СВОЕ СОБСТВЕННОЕ ВРЕМЯ, как бы законсервированное в данном объекте. В масштабе Мега-мира вселенной эта временная неравномерность и дискретность действительно заметна, но в масштабах земного Макромира все объекты тесно переплетены, нет ничего, что не состояло бы в тесной либо второстепенной взаимосвязи с чем-то другим, поэтому кажется, что земное время и пространство одно на всех. Это отчасти действительно так, поскольку каждый земной объект является элементом, частью земного целого, и носит на себе печать этого обобщения, охвачен некой объединяющей силой (в буддизме она называется «Пратитья Самутпада»), которая по сути дела и есть одно из цементирующих качеств пространства-времени. Но в действительности это иллюзия, каждый элемент-фрактал теоретически можно выделить из окружающего, и если это удастся сделать, то его существование будет осуществляться в потоке его собственного времени, основанного на его индивидуальной причинностной насыщенности, на его индивидуальном ТВАРНОМ ЧИСЛЕ. Значит необходимо отделить один фрактал от другого, и сделать это можно с помощью все той же универсальной ментальной или мысленной энергии, если же, конечно, она достигла определенной мощности, поскольку мысль – единственная категория, существующая вне пространства и времени. Если очертить вокруг нужного фрактала определенный экран из ментальной энергии, то фрактал будет существовать в изоляции, как бы в своем времени, отделенного от общего. Но и это не все. Чтобы ускорить или замедлить индивидуальное время фрактала, нужно использовать принцип относительности: если придать ментальному экрану определенное качество, допустим качество Черной дыры (из ментальной энергии можно сформировать любое качество), то тогда с категорией времени можно делать все, что угодно, окружающий мир для гипотетического существа, находящегося внутри этого экрана-тоннеля, как бы остановится. Как оста-

новлено время внутри черной дыры для наблюдателя извне, так и для наблюдателя изнутри черной дыры, время во внешнем мире остановится. Это означает, что наблюдатель, находясь внутри черной дыры, может заниматься чем угодно, переделать массу дел, прожить большую жизнь, но в мире за границей этого экрана ДЛЯ НЕГО не пройдет и мгновения. Из этих экранов можно выстраивать коридоры, и преспокойно перемещаться по этому остановленному миру, для которого все, что находится внутри экрана перестает существовать. Таким образом, попутно реализуется феномен человека-невидимки.

Вся эта хитрая концепция, достойная старины Эйнштейна, мгновенно пронеслась в сознании Андрея, было даже обидно, насколько легко рождались в его разуме эти бесценные идеи, способные перевернуть фундаментальные представления человечества, но он знал, что, увы, ни с кем поделиться своими озарениями он не вправе, и, скорее всего в обозримом будущем у него не будет такой возможности. Мало того, помимо теоретической предпосылки, ОН ЗНАЛ, и как сделать этот фрактальный экран и фрактальный коридор: нужно только перевести свою чудесную точку сборки в диапазон частотности первичных временных фракталов, и создать некий мыслеобраз, и поможет ему в этом его дар сакрально-стихотворной импровизации.

Андрей сместил точку сборки в зону необходимых параметров и почувствовал, что сознание его погружается во времена первичного вселенского бытия, когда еще не было ничего, кроме пространства, времени и мысли... БОЖЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ. Это невозможно было передать никакими словами и понятиями, Андрею казалось, что он словно бы внедрил своим существом в структуру вечности, но одновременно, неведомым образом, сохранил кусочек сознающего разума, способного воспроизводить человеческие мысли и слова, и из этих мыслей и слов стало формироваться стихотворное заклинание.

Иступление истекает,
Угасает последний бит.
Все стихает... стихает... стихает...
Город спит... город спит... город спит....

Уж предвестники вечного утра
Задремали на мраморе плит,
Стынет башня в величие мудром,
Город спит... город спит... город спит...

Все! Чудовище черного солнца
Проступает сквозь неба гранит,
Только легкий дымок из оконца.
Время спит... время спит... время спит...

С последними строчками этого стихотворного заговора обычное мировосприятие вернулось к Андрею: казалось, ничего не изменилось в комнате мамы, в которую он смотрел через полуприкрытую дверь. Господи, – подумал Андрей, – такой трагически-торжественный момент, а все вокруг так по-будничному!»

Хотя нет, общий фон стал какой-то другой, словно это и не утренний свет, пробивающийся через окно, проявляет предметы, а какая-то их собственная опалесценция – и их и воздуха. Андрей припомнил, что примерно так выглядит мир в астральном пространстве: словно бы и сумерки, но все отчетливо и контрастно.

«Ах да, – подумал Андрей, – физический свет для меня теперь чудовищно замедлен, значит, я вижу мир в каком-то ином, не солнечном освещении, это, скорее всего, какой-то астральный, первичный протосвет, фрактальность которого я не затрагивал, поскольку останавливал только физический мир. Вот, значит, что такое кастанедовский принцип остановки мира. Кстати, а кто такой Кастанеда? Ну, конечно, я же увлекался его книгами в другой жизни! Однако, хорошо, что есть этот протосвет, а иначе бы мир для меня погрузился в абсолютную тьму!»

Андрей уже без особого интереса посмотрел на ходики с кукушкой, маятник которых застыл в неестественно отклоненном положении. На часах остановилось время – без пяти восемь – и Андрей подумал, что, вернись он сюда через сто лет, на них останется почти то же самое время, и здоровенная синяя муха, застывшая в воздухе посреди комнаты, ни на сантиметр не изменит своего положения, и мамина полуулыбка во сне – очевидно ей что-то приятное приснилась – так и останется для него неизменной и через сто, и через двести, и через тысячу лет, в ее же времени не пройдет и мгновения.

Андрей, с рюкзаком за плечами, вошел в комнату, он знал, что теперь можно и топать, и шуметь, мама не проснется, даже если он начнет внутри своего фрактального коридора палить из пушки, и щелкнул по зависшей в воздухе мухе – он не хотел, чтобы та своим противным жужжанием разбудила маму – в ее мире и в ее времени – тем самым, сделав ей последний маленький подарок – лишние полчаса сна (нормально спать, когда по комнате летает эта синяя навозная гадость, да еще пытается сесть на лицо, невозможно), но из его затеи ничего не вышло: палец прошел сквозь муху, не причинив ей никакого вреда.

«Ах да, – подумал Андрей, – чего ж тут удивляться, я же фактически не только для здешнего времени, но и для здешнего пространства не существую, я здесь и пылинки с места сдвинуть не смогу», – и это было тем более странно, поскольку, ощупав себя, он почувствовал вполне обычную свою материальность и плотность. Повинуясь внезапной догадке, Андрей расстегнул ворот рубахи и дотронулся до золотой коронетки на груди; теперь он ощутил холодную плотность гладкого металла, хотя еще недавно этот импровизированный медальон был для него бесплотной голограммой.

«Что ж, и это понятно, – подумал Андрей, – очевидно, теперь мы с ним в едином фрактальном звене, а значит, он стал восприниматься мною на сто процентов».

Зная, что ни разбудить, ни потревожить маму он теперь не сможет, даже если захочет, Андрей подошел к кровати и коснулся маминого лба. Увы, прикосновения не получилось, губы легко прошли сквозь ее чело, и Андрей понял, что прощального поцелуя не получится. Это ведь теперь для него не живая, теплая мама, а бесплотный призрак, обитающий в своем пространстве-времени, хотя, с ее точки зрения, если бы она могла сейчас видеть и размышлять, призраком был бы именно он, хотя, даже не призраком – просто ничем.

С тяжелым сердцем, словно бы он только что целый живой мир превратил в холодный памятник... даже не памятник, голограмму этого памятника, Андрей покинул мамину комнату. Последний раз он окинул взглядом полутемный, но отчетливо видимый коридор, и прямо сквозь закрытую входную дверь вышел на крыльцо: он понимал, что открыть дверь своего дома теперь не сможет, зато легко сможет пройти сквозь любую преграду. Сад, как и комната, был погружен в контрастный астральный полумрак. В воздухе разноцветными кляксами то там, то здесь неподвижно висели пчелы, бабочки и шмели; Андрей обратил внимание на то, что цветовая гамма, в которой он еще совсем недавно наблюдал мир, сильно изменилась, словно бы сдвинулась в фиолетовую часть спектра, и когда машинально он посмотрел на небо, то с удивлением обнаружил, что солнце стало черным, словно дырка на фоне неестественного серо-фиолетового неба. Все было, как в его импровизации-заклинании: черное солнце, неба гранит, – только дымка из оконца не видно, да и башни тоже, наверное, это так, для красного словца...

Итак, мир был остановлен, тем не менее, на фоне этой безрадостной статической картины, прекрасно воспринимались подвижные и даже резвые стихии, элементарии, фейеры и прочие эктоплазматические сущности, на динамике которых остановка мира никак не сказывалась. К тому же раньше Андрей их отчетливо видел только, когда сдвигал точку сборки в соответствующий режим, теряя восприятие предметов физического мира, теперь же он видел оба пласта реальности.

«Интересно, – подумал Андрей, – вроде бы они параллельно физическому миру в реальном времени существовали, и в этом реальном времени взаимодействовали, тем не менее, физический мир остановлен, а они движутся, как ни в чем не бывало. Похоже, что они параллельно в двух временных потоках существуют! Что ж, вполне возможно, может именно этим определяется их свойство быть одновременно как бы и здесь, и как бы и не здесь...»

Вновь вступать в контакт со стихиями и душами деревьев у него желания не было, Андрей присел на траву, ожидая Аню, но она все не шла и не шла, и мальчик забеспокоился:

«Чего она там так долго, – тревожно думал Андрей, – сама же хотела налегке ехать, или ее что-то задержало? Может, мама ее проснулась, и она теперь никак выйти с вещами не может?»

Андрей прождал ее еще минут пятнадцать (в своем временном исчислении: часы его отсчитывали время внутри фрактального коридора), затем решительно двинулся к хозяйскому дому, где жила Аня со своей мамой. Поднявшись на крыльцо (он мог бы увязнуть в нем по пояс, но машинально распространил на ступеньки фрактальный коридор), и тут же сообразил, что, используя этот прием, мог бы и поцеловать маму на прощание, правда, в этом случае, оказавшись во времени Андрея, она могла проснуться. Андрей хотел, было постучать, но сообразил, что в этом нет необходимости, и прошел сквозь дверь в темную прихожую. Ани там не оказалось, и Андрей начал разыскивать ее комнату, благо теперь это стало совсем безопасно. Для смеха он даже, оказавшись на кухне, прошел сквозь хозяйку, дородную хохлушку, которая замерла с вилок напротив плиты с застывшим пламенем конфорки, и неподвижным облачком пара над кастрюлей, с так же неподвижно кипящей картошкой. Когда он, наконец, нашел Анину комнату и вошел, естественно сквозь дверь, не спросившись и не постучавшись, то ситуация стала ему понятной. Анина мама, словно спящая принцесса, застыла на кровати, а Аня, одетая по-походному, неподвижно застыла над уже собранной дорожной сумкой, очевидно застигнутая рассинхронизацией в тот самый момент, когда собиралась поднять ее с пола.

«Вот идиот! – хлопнул себя по лбу Андрей, – Аня-то из другого теста что ли? Временные потоки надо было вместе рассинхронизировать, а ты думал, что если вы сейчас в одной упряжке, и Аня такой же маг, как и ты, то на нее твое заклинание не подействует? Впрочем, беда поправима».

Андрей тут же распространил свой невидимый экран рассинхронизации на Аню, и она тут же ожила, словно на экране вновь запустили остановленную киноленту. Аня закончила движение, во время которого ее застигла остановка мира, то есть, подняла дорожную сумку, и тут увидела Андрея.

– Андрюша? – удивленно посмотрела она на него, – как ты здесь очутился? Дверь же закрыта!

– А ты ничего не заметила? – смущенно почесал нос Андрей.

– Что я должна была заметить?

– Ясно, – сказал Андрей, – значит, процесс рассинхронизации временных потоков происходит незаметно для внешнего наблюдателя. Дело в том, что я только что мир остановил, не сообразил, что ты с той стороны экрана осталась. Сначала ждал тебя в саду, а ты все не шла, так решил, пользуясь своим новым состоянием, зайти и поторопить тебя. Ну, а закрытые двери, сама понимаешь, для меня в таком состоянии не преграда!

– Ах, вот что! – покачала головой Аня, – опять самодеятельность! Не сомневалась, что это у тебя получится, но ведь мы договорились вместе! К тому же ты и энергии в два раза больше потратил, а она тебе в дальнейшем еще очень нужна будет!

– Да я и не чувствую, что слишком много ее потратил, – смутился Андрей, – самочувствие обычное.

– А это не та энергия, которую можно ощутить по состоянию самочувствия. Однажды она кончается в самый неподходящий момент, и хорошо, если в этот момент ты не будешь парить над облаками. Да, что я говорю, ты уже испытал это на себе.

– А ведь и, правда, – смутился Андрей, – ну, и что теперь делать?

– Да, ничего, энергию, потраченную, назад не вернуть, и дважды остановить мир невозможно, так что, считай, что я твоими услугами воспользовалась. Ладно, пойдем, нам здесь делать больше нечего.

Ребята просочились сквозь ставшую проницаемой дверь и вновь оказались в остановленном саду.

– Теперь, сказал Андрей, – дело за тобой. Когда полетим? Где твой грозовой динозавр? – После остановки мира с помощью всего лишь одного коротенького стихотворения, появление в саду ручного динозавра его уже нисколько не удивляло, скорее, его удивило бы, если бы у них ничего не получилось. – Кстати, ты ничего не напутала насчет диплодока? Диплодоки же не летали, по-моему, для этих целей лучше бы птеродон подошел, у него размах крыльев двадцати метров достигал.

– Птеродона предложить не могу, – улыбнулась Аня, – должок у меня именно к диплодоку имеется, и он теперь прекрасно летает, ведь он превратился в грозовую стихию Ирудрану, поэтому он нынче, наоборот, по земле передвигаться совершенно не способен.

– Да, кстати, – спохватился Андрей, – должник твой, как я понимаю, не имеет плотного тела, так как же он нас понесет? Мы-то с тобой во плоти находимся, это для внешнего мира мы бесплотны, но диплодок-то нас должен в нашем времени, в нашем фрактальном тоннеле переносить! – Для убедительности Андрей ущипнул себя за руку, как бы демонстрируя, что он, по крайней мере, не какой-то там бесплотный дух.

– Я, толком, не знаю, – смутилась Аня, – думаю, особых проблем не будет, я ведь один раз на нем уже летала перед тем, как свою знающую половинку потерять, и тогда также в физическом теле находилась, а он – в астральном, его физическим телом на тот момент ящерица была, и он это тело оставил. Правда, скорее всего, мое тело находилось в ином агрегатном состоянии, ведь я в нем, каким-то образом, до горячих магм изнанки сумела добраться, у меня ведь тогда в руках Перунов цвет был... но это отдельная история, я тебе ее потом расскажу.

– Скорее всего, – сказал Андрей весомо, – ты тогда для остального мира была, как мы сейчас, после рассинхронизации, мы ведь сейчас тоже сквозь плотные предметы проходить можем.

– Наверное, – сказала Аня, – правда я тогда специально мир не останавливала, да и не умела еще, скорее всего это Перунов цвет устроил.

– Что ж, – сказал Андрей, – думаю, с этим проблем не возникнет. Будем вызывать твоего динозавра? Я так понимаю, придется опять каким-то заклинанием воспользоваться?

– Знаешь, – сказала Аня, – я тут подумала, наверное, сюда его все же не стоит вызывать. Во-первых, околосемный слой – не его вотчина, ему здесь будет сложно проявиться и сформироваться, а потом, если у него даже и получится, то он может сильно навредить хрупким околосемным стихиям, – у них другой масштаб, другая энергия, а, значит, и сад этот, и окружающая природа могут пострадать. В мире же все четко разграничено, что с чем может пересекаться, а что – нет.

– Так что же, тогда, делать будем? – недоуменно посмотрел на нее Андрей, – эти стихии – повсюду здесь, куда бы мы ни пошли. Они везде пострадают.

– Я думаю, нам надо взлететь километра на полтора над землей, где гроздовая облачность формируется. Там он будет в своей стихии, и никому вреда не причинит.

– Ты же говорила, что раньше не летала никогда в физическом теле!

– Думаю, теперь у меня это получится, – сказала Аня, посмотрев в небо. – Я многого раньше не делала, но, за время изолированного существования моей знающей половинки на изнанке земли, значительно нарастила свою личную силу. Это ведь, как отшельничество, – за время изоляции происходит накопление энергии. Давай, на счет три – взлетаем до ближайших облаков, только, чур, не теряться! – и на счет «три» ребята взмыли в серо-фиолетовое небо.

На этот раз Андрей постарался не торопиться, памятуя, как от резкого ускорения потерял сознание и чуть не погиб. Аня, очевидно, также учитывала этот фактор и не рвалась вверх, умело и медленно наращивая скорость, словно полеты были для нее привычным делом. Тем не менее, на всякий случай, Андрей приблизился к ней и взял за руку. Подъем был неспешный, приятный, рюкзак за плечами Андрея перестал ощущаться сразу после того, как он «обезвесил» свое тело, и мальчик подумал, что мог бы без труда поднять в воздух гораздо большее количество вещей. Он смотрел вниз на медленно уменьшающиеся в размерах два дома, в которых проживали они с Аней, огороженный частokoлом прямоугольный участок с фруктовым садом и огородом, соседние улицы, превратившиеся в тоненькие ленты, и думал о том, удастся ли ему увидеть еще эти края, где обычный летний отдых превратился в невообразимое приключение, которое еще Бог знает, куда заведет. Но идти на попятную уже поздно. Андрей не боялся, что в этот раз их кто-то заметит, – город превратился в спящее королевство, которое, для пущей убедительности, было погружено в слабо опалесцирующий астральный полумрак. Вчера, во время полета, город, хоть и казался с такой высоты игрушечным, но продолжал жить своей жизнью: по улицам резво сновали игрушки-машины и медленно ползали игрушки-люди, а до слуха доносились отдельные звуки, то теперь подъем происходил в полной тишине, и город разворачивался внизу, как огромная картина с застывшими автомобилями и пешеходами. Отличие состояло и еще в одном: например, с подъемом вверх не становилось ощутимо холоднее, как в прошлый раз, очевидно, Андрей захватил с собой тот микроклимат, который оказался внутри фрактального коридора. Застывшие в воздухе случайные птицы на этот раз не шарахались от удивительных летунов, они были в иных пространствах и временах, и только прозрачная, напоминающая весело колышущееся на ветру покрывало, стихия летних ветров Вайита, обитающая в самых нижних, околосемных слоях атмосферы, какое-то время поднималась вместе с ними, кружась в нескончаемом вальсе. Она, наверное, была весьма удивлена тому, что неуклюжие существа физического слоя оказались способны преодолеть земное тяготение. Среди кладок и волн ее струистой материи время от времени возникало удивленное личико, и в сознании Андрея произвольно стали складываться строки, которые в случае необходимости могли бы дать ему ключ к управлению этой стихией.

Мы духи Вайиты,
Ласкаем ланиты,
Ерошим холмы
И качаем ракиты,
Сгущаем дымы
Луговых ароматов
И носим эскадры
Косматых фрегатов.
Мы те, кто не знает
Размера и формы,
Но нам животворные

Ветры покорны,
Не ищут покоя
От вечной ловитвы
Прозрачные, быстрые
Духи Вайиты.
Пернатым не чужды
Воздушные музы:
Заоблачной дружбы
Им ведомы узы,
Прислушайтесь: В щебете,
Чеканье,
Клике
Вершится симфония
Нашей музыки —
Летит над землею
То – в вихре,
То – плавно,
Так благослови ж нас,
Пресветлая Навна.

«Опять Навна, – подумал Андрей, словно не он сам только что сочинил это стихотворение, – почему в этих стихах-заклинаниях постоянно Навна присутствует?»

Размышления он не закончил, поскольку услышал голос, словно бы проступающий сквозь порывы ветра:

– Привет, далеко летим?

– Привет, – в один голос ответили Аня и Андрей, и смущенно посмотрели друг на друга; тогда Андрей замолчал, вежливо предоставив возможность отвечать даме.

– Да, вот, к приятелю одному в гости слетать решили, – сказала Аня от имени обоих, – ты, наверное, с ним знакома. Хотя, если судить по имени, это, скорее, «она», Ирудрана.

– Как же, как же, – зашелестела, словно простыня на ветру, Вайита, – мы, в какой-то степени, дальние родственники. Хотя, честно говоря, я к подобным родственникам стараюсь не приближаться, она всех в свое жерло поглотить норовит! А, в общем, без нее тоже нельзя, что за лето без грозы! Ну, а как вы этого своего приятеля, вернее приятельницу, вызвать задумали?

– Да, есть у нас для этого дела заветное заклинание, наша общая песенка, – включился в разговор Андрей, чувствующий себя главным докой по части извлечения стихий из их пространственных локусов.

– А, ну тогда, вопросов нет, – уважительно прошелестела Вайита, – но только вам же, наверное, пообщаться захочется, а с этим дело будет труднее обстоять, в этом месте пространства Ирудрана спать будет, и если вам ее все же удастся разбудить, то она, спронеся, может перепугаться и бед всяких натворить.

– Это еще, каких бед? – недоверчиво спросила Аня. – Мы для того на высоту облаков и поднялись, чтобы она бед не натворила.

– Так, что ей эта высота? Она и с этой высоты в сердцах так может молнией шандарахнуть, что и этот садик, и эти домики враз сгорят! Нет, братцы, лучше бы летели вы в те края, где гроза собирается, вот там ваше общение будет на сто процентов продуктивным.

– А где ближайшая гроза собирается? – спросила Аня, растерянно оглядывая горизонт, который, как назло, не предвещал никаких перемен в погоде, и на небе фигурировали только безобидные кучевые облака.

– Тут, буквально в двух шагах, километрах в трехстах к северо-востоку гроза начинается, но сюда не доберется, растеряет весь кураж по дороге. К сожалению, не смогу вас туда доставить, мне сейчас положено в другую сторону лететь, да и, честно признаться, нет у меня особого желания с дальней родственницей встречаться.

– Да ладно, – сказал Андрей, – чего уж тебя утруждать, мы уж, как-нибудь своим ходом. Триста километров, конечно, по нашим меркам, не так мало, не в двух шагах, но мы еще не достигли предела своей скорости, надеюсь, успеем вовремя.

– Успеете, успеете, там гроза серьезная затевается, часа через два-три как раз в самом разгаре будет. Ладно, вы что-то уж больно высоко забрались, мне в этих слоях атмосферы весьма комфортно, здесь Зунгуф властвует, так что счастливо оставаться... вернее, пролететься! – С этими словами Вайита сделала лихой пируэт, встряхнув всеми своими фалдами, и улетела в сторону ставшего совсем игрушечным городка.

– Ну что, полетим? – вопросительно посмотрел на Аню Андрей, – или все же решимся вызвать сюда? Кстати, гроза эта во внешнем мире никогда не разразится в нашем восприятии, так что мы можем лететь туда хоть год. С другой стороны, эта Вайита так ничего в окружающем и не поняла: молния – опять же, для нашего временного коридора – от туч до земли несколько столетий лететь будет.

– Я не берусь так самоуверенно этими категориями распоряжаться, – покачала головой Аня, – в их-то времени она, так или иначе, ударит, если сам ее факт свершиться. Давай лучше судьбу не испытывать, полетим, куда Вайита указала. Тем более такого точного попадания и не нужно, мы с такой высоты то место, где гроза собирается, за несколько десятков километров увидим.

– Ну, тогда полетели, – махнул рукой Андрей, – судя по расположению солнца, северо-восток там. Думаю, высоту мы достаточную набрали, давай-ка, попробуем скорость прибавить, только не сразу, как я понял, для головы опасно именно ускорение, а не сама скорость!

– Тут семи пядей во лбу не надо иметь, – пожал плечами Аня, – это в любом учебнике физики прочесть можно. Фишка не в этом, а в том, чтобы раньше времени энергии антигравитации не израсходовать!

– Раз так, то, догоняй! – задорно крикнул Андрей, сделал обратную бочку, и полетел на северо-восток, где далеко за городом, в сизой дымке маячили отроги Карпатских гор.

Какое-то время они играли в догонялки, не забывая главную задачу и не сбиваясь с курса. В искусстве полета они были примерно равны, поэтому догонялки получились напряженными. Андрей весь отдался наслаждению полета, не испытывая тех помех, которые омрачали его первый эксперимент, он то и дело срывался на фигуры высшего пилотажа, и с удовольствием отметил, что организм его начал привыкать к перегрузкам ускорения и смены положения тела, и он уже не рискует потерять сознания от слишком резкой свечи, и даже от умеренного вертикального штопора. Тем не менее, были моменты, когда Андрей ощущал, что подступает к пределу прочности, который лучше не переступать, и осаживал свой пыл. Аня летела более осторожно и менее рискованно, очевидно она больше думала о лимите антигравитационной энергии, однако то и дело догоняла Андрея, полет которого явно замедляли фигуры высшего пилотажа.

– Что у тебя на шее, – неожиданно спросила она, в очередной раз догнав Андрея, – у тебя что-то в ворота рубашки мелькает, а я никак разглядеть не могу.

– Совсем забыл тебе рассказать! – хлопнул себе по лбу Андрей, – эта вещь тебе должна быть знакома! Надо же, со всеми этими чудесами, о таком важном эпизоде забыл рассказать! – и Андрей, несколько замедлив скорость, чтобы было удобнее разговаривать, рассказал Ане о своей недавней находке под подушкой. – Так что, – закончил он свой рассказ, теперь я стал владельцем короны Меровингов. Хотя, в действительности, это, конечно, не корона, а брелок. Я из своей чудесной «вставки» узнал, что эти медальоны изготовил сам внук Иисуса Хри-

ста, и они содержат в себе материальность созвездия Ориона. Правда, из этой информации не совсем ясно, для какой цели они служат, кроме того, что являются символом принадлежности к роду Меровингов. И что означает тот факт, что эта коронетка пришла ко мне из сна, так же не понятен. Я тебе уже говорил, что информация, приходящая ко мне из вставки, часто бывает неполной. Но, как бы то ни было, это очень добрый знак, получив который, я окончательно утвердился в решении следовать за тобой. Честно признаюсь, меня сильно раздражает тот факт, что ты ничего не рассказываешь о сути нашей экспедиции...

– Я очень признательна тебе за это, Андрюша, – сказала Аня, – я понимаю, что тебя постоянно преследует подозрение, будто ты купил кота в мешке, да и меня в сумасшедшие записал, пока с тобой то же самое не произошло. Что же касается короны Меровингов, то тут я так же мало нового тебе сказать могу, знаю только, что коронетка содержит в себе принцип раздемонизированной материи и является ключом к управлению пространством, правда каким образом, мне неизвестно. Что же касается фрагментарности поступающей к тебе информации, то тут объяснение, мне кажется, в следующем: дозированность ее корректируется Провиденциальными силами, и та информация, которая грозит нарушить ткань будущего, отсекается. Так что, обижайся, не обижайся, но знать абсолютно все о нашей миссии нам не только не нужно, но и опасно, хотя, механизм для получения информации у нас с тобой гораздо эффективней, чем у обычного человека. С другой стороны и ответственность за каждое действие и даже мысль у нас обоих возрастает непомерно. Кстати, похоже, мы подлетаем к нужному месту.

И действительно, за разговором Андрей не заметил, что погода явно изменилась, и у горизонта, как раз над ближайшими, пока еще невысокими отрогами Карпатских гор явно собиралась гроза: темная свинцовая туча надвигалась на путешественников, и было не понятно, она ли движется им на встречу, или это они ее догоняют. Минут через десять ребята оказались рядом с тучей, и стало ясно, что она, конечно, никуда не движется, а застыла совершенно неподвижно, как и все предметы в этом остановленном мире. Ничто в ней не шевелилось, и только неясное свечение в глубине темного зловещего марева свидетельствовало о том, что рассинхронизация временных потоков застигло тучу как раз в тот момент, когда в ее глубинах возник могучий электрический разряд, который так и не успел превратиться в молнию.

– Надо же, – сказал Андрей, любуясь грандиозным зрелищем, – наверняка к подобной «не остановленной» туче было бы не так безопасно подлетать. Да, кстати, а время-то не на сто процентов остановлено, гляди ка!

И действительно, оказалось, что формирующаяся из чудовищного разряда молния, не застыла абсолютно: через несколько минут ее сияющий хобот появился из-под края тучи и медленно, словно гусеница зубной пасты, выдавленной из чудовищного тюбика, начал медленно двигаться к земле. Хотя нет, не гусеница, а гигантская огненная капля, которая за тысячные доли секунды своего существования воспринимается глазом как извилистый, огненный зигзаг молнии.

– Надо же, – сказал Андрей, – глядишь, за пару дней она и до земли долетит, а не за столетие, как я считал. Значит, время здесь все же движется.

– Конечно, движется, – пожал плечами Аня, – иначе все в этом мире просто бы исчезло. Ладно, давай Ирудрану вызывать, ничего особенного в этой туче мы уже не увидим.

Ребята зависли в воздухе, словно встали на невидимую плоскость, Аня закрыла глаза и начала какие-то только ей ведомые ментальные операции, Андрей же непроизвольно начал очередную импровизацию, посвященную грозовой стихии Ирудране.

Когда половодье иссякнет, в привычные русла
Вернутся озера и реки, насытив угоды,
Настанет пора для иного природы искусства,

Пора поднебесных баталий и туч половодья.

Варуна, Перун, Индра, Зевс – всех имен не означить,
Нам люди присвоили титул богов-громовержцев.
Но мы только духи, у духов иные задачи,
Мы просто играем, не правим, не бьем иноверцев.

Не зря нас боятся, шутя, мы сжигаем дубраву,
И все же, порою, нас ждут, как небесную манну:
У почвы иссохшей снискали мы добрую славу,
Нам травы и люди возносят земную Осанну.

Мы вместе с Зунгуфом бросаемся в шумную битву,
Мы топим суда, мы свергаем с небес цеппелины,
Мы недра трясем, но средь грохота слышим молитвы
Ожившей ветлы и расправившей ветви калины.

Но силы иссякли, и солнечный луч запредельный
Приносит посланье о мире, любви, обновенье,
О Навне пресветлой, ее чистоте акварельной,
О вечности Духа, сокрытой в прекрасном мгновенье.

Ответная реакция со стороны тучи не заставила себя долго ждать, и Андрея это и не особенно удивило, он уже привык повелевать стихиями, и скорее удивился, если бы этой реакции не последовало. Во время произнесения этих строк-заклинаний он чувствовал, как меняется окружающее пространство, словно возникает нечто вроде сообщающихся сосудов между тем и этим измерениями с различными энергетическими уровнями, и что из ближайшего пространства стихий начинается некий спиновый переход. В центре огромной черной тучи возникло какое-то смерчеобразное движение, затем смерч втянул в себя всю грозовую тучу, и медленно поплыл навстречу зависшим в воздухе ребятам, постепенно приобретая зооморфные черты и превращаясь в громадного колеблющегося дымчатого динозавра. С большой натяжкой его можно было принять за диплодока, но форму он держал неважно, его шея, туловище и хвост постоянно то удлинялись, то укорачивались так, что время от времени он больше походил то на бронтозавра, то на брахиозавра, то даже на прямоходящего игуанодона, либо на еще какого-нибудь зауропода.

А впрочем, прежде всего это было некое живое, наполненное энергией облако, поэтому все происходящие с ним превращения казались совершенно естественными.

– Ну вот, – обернулся к Ане Андрей, – не заставил себя долго ждать. Кстати, я бы не сказал, что это именно диплодок, его за какого угодно динозавра принять можно.

– Да, какая разница, – пожала плечами Аня, – он уже давно трансформирован в нечто иное, и память его, в какой-то мере определяющая форму, тоже, очевидно, угасает. Наверное, он и сам уже плохо помнит, кем был.

Тем временем облако-зауропод подплыло к ребятам и остановилось на некотором расстоянии, и хотя его переднюю выступающую часть чисто условно можно было назвать мордой, и глаз Андрей не смог разглядеть, тем не менее, создавалось впечатление, что облако внимательно смотрит на наших героев.

– Эй, ящерица! – Неожиданно сурово произнесла Аня, – ты узнаешь меня?

Андрею показалось, хотя о какой-либо мимике говорить было сложно, что облако весьма смущено, затем раздалось что-то вроде шумного вздоха-покашливания, словно оно пыталось

скрыть смущение, затем прозвучал виноватый голос, напоминающий управляемые порывы ветра:

– Не зови меня так, не тереби душу, кто старое помянет, тому глаз вон.

– Ну, почему же, – Андрею показалось, что в голосе Ани звучали злорадные нотки, которых раньше он никогда у нее не слышал, – кое-кому не грех напомнить о старых долгах, кое-кого сострадание только развращает и провоцирует на дурные поступки. Хорошо, я, в конце концов, не издеваться над тобой сюда явилась, а в чем-то даже облегчить твою душу: долг за тобой, и тебе, я знаю, он не давал покоя все это время, омрачая твоё нынешнее весьма привольное состояние. Как-никак, если бы не совесть, то тебе, наверное, грех было бы жаловаться на нынешний статус: свободы и способов разрядки у тебя теперь хоть отбавляй!

– Что да, то да, – почему-то невесело прогудел бывший динозавр, – хоть все получилось не совсем так, как мне хотелось бы, быть грозовой стихией не так уж и плохо! По крайней мере, куража, которого так не хватало там, среди магм, хоть отбавляй. В конце концов, то, что когда-то имел большое плотное тело, можно было бы и забыть, – скорее всего, это обычная, присущая нашему роду ностальгия, все же пару сотен миллионов лет со счетов не сбросишь. Но это все лирика, и эту легкую грусть не сравнить с той тоской, которая буквально изводила там, в магмах, теперь другое, чего я раньше и в помине не знал... ты сказала, эта штука называется совесть? Она появилась у меня буквально сразу после того, как я тебя около порога оставил. Такое впечатление, что я именно из-за этой совести в Ирудрану и трансформировался, – все время плакать хотелось, и хороший ливень вполне этому способствовал.

– По-моему, – сказала Аня, – постоянное желание плакать не совсем соответствует природе грозовой стихии. Вот, осенняя стихия, Истая, та – да, у той глаза все время на мокром месте, и сентиментальность – ее природная черта.

– Ты не дослушала, – продолжала Ирудрана свой рассказ, – с одной стороны плакать хочется от чувства, что я что-то нехорошее сделал, а с другой стороны, другую мою половину, это чувство просто бесит! Сам от себя все время приходишь в бешенство, и начинаешь все вокруг крушить – подстать тем далеким временам, когда я еще диплодоком был. Кстати, что-то с памятью случилось: раньше я об этом только и думал... или думала... даже не знаю, как правильнее, а теперь все реже и реже, все больше совесть скребет. О чем это я? Ах, да, ну так вот, проревешься, пару сотен молний выпустишь, спалишь там пару-другую деревьев, – честно говоря, редко серьезные разрушения получаются, – глядишь, слегка полегчало. Только ведь, какой парадокс получается, через какое-то время начинаешь терзаться по поводу этих двух-трех деревьев, или – не дай Бог, что не часто случается, – какого-нибудь пожара и непредвиденных человеческих жертв. И снова, так тяжело на душе становится, что хоть вой! А чем жалость сильнее, тем и ярость по этому поводу крепче! И все по новой, с очередными разрушительными последствиями. В общем, – вечный круговорот и никакого выхода не видно, того и гляди, руки на себя наложишь! Хотя, какая чушь, разве может грозовая стихия на себя руки наложить?! Это во мне какие-то человеческие понятия бродят, хотя, откуда им взяться? Я не только никогда человеком не был, но и общался-то накоротке с вашим братом всего один раз, это с тобой, разумеется... и так нехорошо поступил! Это за то добро, которое ты для меня и нескольких десятков моих безмозглых братьев сделала! Ху-фу, Ху-фу, – туча-динозавр захлопала несуществующим носом, и стала тихонько подвывать, затем, словно спохватившись, начала яростно извиваться, крутиться волчком, бить себя лапами по голове и сыпать искрами, словно гигантская петарда.

– Да ладно тебе, – смягчилась Аня, – видишь же, со мной все в порядке, – и хоть моя знающая половинка по твоей милости два года (естественно, в земном времени) пробыла в заточении на уровне земной мантии, я в чем-то даже тебе благодарна: это вынужденное отшельничество позволило мне значительно увеличить мою личную силу.

– Да уж, – пробормотал (или пробормотала Ирудрана), – твой кокон нынче как здоровенная шаровая молния, а энергии в нем – на сотню-другую обычных молний хватит.

– Кстати, – спохватилась Аня, – забыла тебе представить, это Андрей, человек, который вытащил из плена мою знающую половинку, которая туда по твоей милости угодила. Он так же принимал участие в извлечении тебя из твоего слоя.

– Да вижу, вижу я, у него допуск. И особая метка на нем, кстати.

– Это какой еще допуск, какая еще метка? – подозрительно посмотрел на бывшего динозавра Андрей.

Какая, какая! Я чувствую только, но объяснить ничего не могу, каким-то образом это с древней клятвой связано, и с кодом особым...

А, – дошло до Андрея, – наверное, это связано с этой вот коронеткой, – Андрей показал свой медальон. Это корона Меровингов, она, наверняка, имеет какие-то чудесные свойства, правда, я сам пока не знаю, какие. Туда сам внук Иисуса Христа материальность Ориона заключил. Правда, науке об этом ничего не известно.

– Не знаю, не знаю, по мне – что Орион, что Большая медведица! Что я сказал, то и сказал, больше ничего об этой штуке не знаю, знаю только, что не только в ней дело, и твоя сила двояка.

– Что значит «двояка»?

– То и значит, это как в молнии плюс и минус. Больше ничего сказать не могу, а если бы даже и знал что, то нам по рангу объяснять не положено, у нас, стихиялей, другая задача.

– А у Ани, – не унимался Андрей, – какая-то другая сила?

– Другая – не другая, не знаю я, – почему-то нервно забормотал бывший динозавр, – что вы меня мучаете, подобные вопросы создают энергию, которую я совершенно не переношу! Не мое это дело, если надо что, то так и скажите, а не мучайте всякими...

– Чего это он? – удивленно посмотрел Андрей на Аню, – я, вроде бы, ничего такого не говорил ему!

– Да кто ж его знает, – пожала плечами девочка, – он, наверное, запрограммирован на определенную информоэнергию, а все, что из рамок выходит, возможно, ему беспокойство доставляет. А впрочем, мне его реакция тоже не совсем понятна. Ладно, успокойся, – обратилась она к Ирудране, – никто тебя мучить не собирается, у нас к тебе конкретное дело. Кстати, выполнив его, ты тем самым развяжешь тот кармический узел по отношению ко мне, который ты по собственной дури завязал, и твои муки совести должны в значительной степени ослабеть.

– Правда? – оживилось облако. – То-то я, как тебя увидел, сразу лучше себя чувствовать стал! Было бы совсем здорово, если бы вы лишних вопросов не задавали!

– А кто знает, какие, – лишние, какие, – не лишние, – пожала плечами Аня. – Если вообще вопросов не задавать, то и общаться затруднительно. Ну, так вот, задание у нас к тебе следующего рода: надо нам с Андреем слетать в одно место. Это – в нескольких тысячах километров отсюда, где-то на Алтае, точнее сказать не могу, сама не знаю, будем уже на месте конкретную точку разыскивать. Астрального присутствия нам не достаточно, нужно, чтобы мы там в физических телах оказались. Лететь туда самим в такой форме очень долго придется, а нам нужно силы беречь для одного важного дела. Так вот, нужно, чтобы ты нас на Алтай доставил, да как можно быстрее, ну а конкретное место мы, так и быть, сами найдем. Кстати, Андрей волновался, что ты из другой материальности состоишь, и наши физические тела передвигать не сможешь, но мне кажется, если ты активизируешь облачный фронт, то сможешь нас вместе с обычными грозowymi облаками двигать.

– Физические тела, говоришь, – как-то странно посмотрела на Аню с Андреем Ирудрана, – они не совсем физические, можно сказать, относительные... так что с этим проблем не будет.

– Что значит, «не совсем физические и относительные»?

– Ничего не знаю, что из меня вылетело, то и сказала... или сказал... все не могу понять, какого я рода. Ох, не мучьте меня, у меня от этого вопроса опять голова пухнуть начала!

– По-моему, – недовольно проворчала Аня, – твоя голова может пухнуть сколько угодно, и ей ничего не угрожает. Хоть все тело в голову перелетится!

– Он, наверное, имеет в виду, что в нашем фрактальном коридоре мы в особом агрегатном состоянии находимся, – легонько толкнул Андрей Аню, – да не задавай ты ему вопросы, а то он капризничать начнет!

– Вот именно, – занял бывший дипломат, – я, конечно, вашу просьбу исполню, куда мне теперь деваться, только ведь загвоздка в том, что я в определенной метеорологической зоне активен (или «активна», тьфу, ты), в зависимости от давления, влажности и воздушных течений, поэтому, как только из благоприятной зоны вылечу, то сразу же и засну, а там уж, в какую сторону меня понесет – одному Богу известно!

– Ты хочешь сказать, что отказываешься?! – насупилась Аня.

– Нет, нет, ни в коей мере, я же сам заинтересован! Нужно, чтобы вы еще стихияль небесных воздушных течений вызвали, Зунгуфа. ОН, если его сильно попросить, может мне определенный воздушный коридор создать в нужном направлении, в котором я могу вас до места, не отключаясь, доставить. К тому же, он еще и на скорость передвижения способен заметно воздействовать, вам, ведь, как я понял, поскорее нужно? Кстати, что вы там, на Алтае, потеряли? Могли бы и на самолете слетать, не намного дольше.

– Что потеряли – не важно, – сурово сказала Аня, – как и ты, я так же далеко не на все вопросы отвечать могу. А насчет самолета – если не можем, значит, на то резоны имеются! А вот по поводу Зунгуфа, – это ты правильную мысль подсказал, как я сама не додумалась?! Давай, Андрюша, вызывай, у тебя, с твоими импровизациями, лучше получается.

– Зунгуфа, говоришь, – почесал Андрей затылок, – ладно, давай попробую.

Он настроился на новую стихияль, и тут же из него полились следующие строки:

От утренних рос до вечерних туманов
Мы строим небесные рати,
Пасем караваны слонов и джейранов
И вдоволь даем поиграть им.

Глядишь, через час наши чудо питомцы
Уже не слоны, а сирены,
И дымчатый замок раскинул под солнцем
Свои живописные стены.

Слагаем сюжеты картин-приключений
Принцесс, королей и злодеев
Из облачных масс и воздушных течений,
(Порой их и вовсе развеяв).

И если в чарующих красках заката
Нахлынет души половодье
Не где-то близь снежных вершин Химавата,
А в наших российских угодьях,

И если все это удастся запомнить
Пред тем, как захлопнутся двери, —
Поверьте, мы очень старались исполнить

Одну из миллионов мистерий!

Ее мы узнали недавно,
Она о тебе, дева-Навна!

После уже знакомых Андрею ощущений невидимых сообщающихся сосудов, в окружающем пространстве откуда-то сзади, где все еще голубело чистое небо, потянулись туманные треки, словно от истребителя, летящего в верхних слоях атмосферы. Затем эти треки начали завихриваться, и вскоре из светлой туманной облачности (в отличие от темного облака-динозавра) сформировалась человекоподобная фигура, которая напомнила Андрею пастуха, по крайней мере на голове фигурировала пастушья шляпа, на боку – котомка, а один из тонких облачных треков, который болтался за спиной мог вполне сойти за длинный пастуший кнут.

– Ба, старый знакомый, – пропел пастух, переводя, как показалось Андрею, невидимый взгляд то на облако-динозавра, то на наших героев, которые, на фоне облачных гигантов, казались едва заметными крошками, и уж совсем невероятным могло показаться то, что подобные крошки способны были этими гигантами повелевать. – И какие предложения возникли у честной компании? – добавил он через некоторое время, остановив свой взгляд все же на Ане с Андреем, правильно оценив их, как главных фигурантов.

– Вот, – сказала Аня, – этот наш знакомый утверждает, что без тебя не сможет нам помочь, а у него есть один кармический должок, и отказываться нет никакого резона...

– Все точно, – прошелестел Ирудрана, – надо этих шаманов в одно место доставить, а ты же сам знаешь, за двести-триста километров отсюда я просто засну, нужно, чтобы ты воздушные течения на северо-восток выстроил, в район Алтая. А там, они говорят, сами нужное место разыскивать будут. Ну а мы с тобой позже за услугу рассчитаемся.

– Почему он нас шаманами назвал, – тихо спросил Андрей у Ани, – мы же с тобой, скорее, маги, чем шаманы, да и не похожи совсем.

– Наверное, шаманы чаще всего проблемами ветра и дождя занимались, – шепнула Аня, – так исторически сложилось.

– Что ж, надо, так надо, – пропел пастух, – всегда рад боевому товарищу помочь, к тому же лица с допуском вправе кое-что у меня попросить, разумеется, в пределах здравого смысла. Эх, спутаем мы, нынче, карты всем здешним метеорологам...

– И этого делать не придется, – вступил в разговор Андрей, – я временные потоки рассинхронизировал, и мы только внутри нашего фрактального тоннеля передвигаться будем, так что для здешних метеорологов (разумеется, по отношению к нам) время, можно сказать, остановлено.

– Ну, так тем лучше, – ничуть не удивился заявлению Андрея Зунгуф, – мне, как скажете, внутри тоннеля, так – внутри тоннеля. Честно говоря, если бы даже и не внутри тоннеля, мне на этих метеорологов глубоко наплевать, я частенько, вопреки их прогнозам, моих подопечных перегоняю совсем не туда, куда они предписывают, специально, чтобы им служба сахаром не казалась. Ладно, чего время тянуть, в дорогу, так в дорогу! Вам куда? В равнинный Алтай или в горный?

– В горный, – быстро сказала Аня.

– А точнее можно?

– В район Белокурихи! – неожиданно выпалил Андрей, и тут же сам удивился своему заявлению: откуда у него взялась такая уверенность, он сам не мог объяснить, тем более, что там они собираются искать, он понятия не имел, но точно знал, что именно туда, а так же то, что еще пару минут назад понятия не имел, куда именно они должны лететь.

– Ты точно уверен? – удивленно посмотрела на него Аня. – Я в своем вещем сне, о котором тебе рассказывала, на том камне, где мне Варфуша инструкцию оставил, прочитала, что ты откуда-то знаешь дорогу, но мне в это с трудом верилось. А точнее можешь сказать?

– Точнее не могу, – развел руками Андрей, – вдруг кусочек моего сегодняшнего сна, из которого эта коронетка пришла, вспомнился, и там я ясно увидел горную местность и здание с названием «Санаторий Белокуриха», и туда на автобусе компания, вместе со мной, взрослым, приезжает. Думаю, что это – подсказка, правда чувство такое, что этим наше путешествие не закончится. Словно бы надо тем маршрутом пройти, который я во сне видел. Правда, что там, в конце, не ясно.

– Это уж точно, – кивнула Аня, – так просто, без сучка и задоринки, не бывает.

Тем временем, Зунгуф, очевидно получив все необходимые сведения, – уже пропал из вида, превратился в дымные треки, протянувшиеся к горизонту туда, за Карпатские горы. Одновременно почувствовался все усиливавшийся свежий ветер, который до сей поры, не ощущался, а дымчатый динозавр стал отплывать от ребят, очевидно подчиняясь этому новому импульсу.

ГЛАВА 4. Верхом на облаке

Эй, там, в небе, садитесь, располагайтесь, – донесся до слуха ребят удаляющийся голос, – а то я в ближайшие минуты такую крейсерскую скорость наберу, что вам, с вашей левитацией затруднительно меня догнать будет.

Аня с Андреем спохватились и отправились вдогонку, и, зависнув над условной спиной динозавроподобной тучи, с удивлением обнаружили два облачных выступа в форме кресел.

– Давайте, присаживайтесь, – услышали они издалека, (голова облачного динозавра располагалась не менее чем в километре от этих сидений), – дорога дальняя, в креслах вашему брату удобнее будет.

– Спасибо, ты очень любезен, – крикнула Аня, – как думаешь, за сколько долетим?

– Не знаю, многое от Зунгуфа зависит, – долетело из головной части, – и то, как он будет ветра нагонять, тоже многие факторы определяют, мы ведь, по большому счету, не самостоятельны, можем только тенденцию задавать.

– Ребята расположились в туманных, излишне просторных креслах, и Андрей с удивлением почувствовал под собой нечто вроде мягкого упора, и это было странно, поскольку он, хоть никогда и не прикасался к облаку, но резонно считал его обычным густым туманом, до которого дотронуться в принципе невозможно. Он поделился своим недоумением с Аней.

– Не знаю, – пожал плечами девочка, – меня это тоже удивляет, наверное, внутри фрактального коридора вещи обретают какие-то другие свойства. К тому же, это ведь и не облако, как таковое, это стихияль в виде облака. Наверное, не все можно объяснить, руководствуясь старым опытом и понятиями. Эй, слушай, – крикнула она, уже обращаясь к Ирудране, – а нельзя ли эти кресла как-нибудь к краю сместить, а то не видно ничего, кроме твоей спины, а хочется посмотреть, что там под нами происходит.

– Пожалуйста, смотрите, – донеслось до слуха, но дымные кресла никуда не сместились, а перед Аней и Андреем облако начало рассеиваться, и вскоре образовалось что-то вроде двух неправильной формы иллюминаторов, сквозь которые была хорошо видна земля. Ребята с интересом стали рассматривать особенности ландшафта, тем более полет происходил на высоте километр-полтора, и все детали, вплоть до маленьких машинок, можно было неплохо разглядеть. Впрочем, застывшие машины попадались редко, поскольку путешественники оставили Трускавец далеко позади, впереди же расстилались только леса и маленькие деревни, а холмы, постепенно переходящие в горные массивы, становились все выше и выше, так что создавалось впечатление, что их транспортное средство постепенно снижается. Под брюхом тучи медленно вырастали Карпатские горы, и Ирудрана, помня о своих пассажирах, вынужден был постепенно набрать высоту.

Однако вскоре хорошая видимость начала портиться, откуда-то стали напозать клочья тумана, который все больше и больше перекрывал землю, и было неясно, откуда он взялся, поскольку еще недавно горизонт прослеживался отчетливо, без всякой дымки, и только отдельные мелкие кучевые облачка, словно куски ваты на плоскости бескрайнего стекла, висели над землей справа, слева и спереди.

– Слушай, – крикнула в сторону головной части облака Аня, – может, ты как-нибудь разгонишь этот туман, или Зунгуфа попросишь, а то тут только самая красота начала открываться!

– Щас организуем! – беспечно крикнул Ирудрана, и в ту же минуту Андрей почувствовал, что у него слегка заложило уши, как бывает в самолете, особенно при наборе высоты и спуске, по всему было видно, что Ирудрана меняет атмосферное давление, что по идее должно было привести к рассасыванию тумана. Однако ни через пять, ни через двадцать минут туман не исчез, мало того, он значительно сгустился, и земля полностью скрылась из виду, словно они летели в сплошном молоке.

– Ты кнопки не перепутал? – крикнула Аня через полчаса. – Сейчас уже вообще земли не видно!

– Ничего не могу понять, – пробормотал Ирудрана, – это какой-то неправильный туман, он совершенно не подчиняется законам физики! По идее его тут уже не должно быть... это что-то сверхъестественное!

– Ну конечно! По-моему тут и так все, что происходит – сверхъестественно, начиная с нашего полета. Как только выявляется какая-то некомпетентность, так сразу виновато сверхъестественное.

– Нет, но ведь действительно что-то непонятное, – начал оправдываться Ирудрана, – этот туман – не атмосферное явление, а нечто извне! Мало этого, если оставить в покое обычное зрение и включить астральный сканер, то возникает картина, что под нами вообще ничего нет. Но это же нонсенс!

– Что бы это значило? – удивленно посмотрела на Андрея Аня.

– Что-то связанное с необычным туманом в моей вставке имеется, – сказал Андрей, – но при каких обстоятельствах я там, в другой жизни с ним сталкивался, и что это такое, информации не поступает, как и на многие другие вопросы. Слушай, а может туман самый обычный, а все дело в остановке мира? Мы же движемся как бы внутри фрактального коридора, который я создал, а вокруг остановленный мир. Так чего же удивляться? Ирудрана и не может из него на внешний мир воздействовать, этого не понимает и продолжает действовать по старинке.

– Наверное, ты прав, – вздохнула Аня, – все дело в этом. Странно, что диплодок этого не понял. А впрочем, возможно, он так же с этим явлением впервые столкнулся. Наверное, все же туман естественного происхождения, в горах туман вообще часто бывает. Да, но тогда почему же он говорит, что его астральный сканер вообще ничего под нами не улавливает?

– Ну, возможно он тоже не работает изнутри фрактального коридора. Мало ли что еще, ты же сама правильно сказала, что все наше путешествие сверхъестественно! Приди мне такая картинка в голову, как два пассажира летят на облаке еще неделю назад, я бы это принял за иллюстрацию к какой-нибудь сказке. А ты хочешь все рационально объяснить.

– Да, не во мне дело, – пожала плечами Аня, – тут Ирудрана ничего понять не может, и это кажется мне странным. Ладно, в конце концов, я могу обойтись и без созерцания панорамы под нами. Эй, Ирудрана, что-нибудь там прояснилось?

– Глухо, как в танке, – пробормотал Ирудрана не совсем уместную банальность, – словно бы в пустоте, заполненной каким-то инородным туманом, летим. Хотя, нет, вроде что-то прощупываться начинает.

– Что именно? – встрепнулась Аня, – туман, как был, так и есть.

– Вроде бы пустота закончилась, снова какая-то твердь там, внизу появилась... но как-то странно, островками... ну да, а они постепенно в какую-то целостность сливаются. Так, вот теперь и земля из тумана начинает появляться! Город какой-то! Непонятно, откуда здесь город взялся! При нынешней крейсерской скорости, мы еще над горами должны пролетать, я в этом направлении бесчисленное количество раз пролетал, и хорошо знаю, когда что должно появиться!

Ребята прильнули к импровизированным иллюминаторам: и действительно, туман очень быстро рассеивался, и под ними все отчетливее проступали кварталы большого промышленного центра.

– Вот, – сказала Аня, – ничего сверхъестественного, туман рассеялся. Самый обычный туман, и нечего огород городить! Эй, – крикнула она Ирудране, – ты, наверное, просто в тумане с курса сбился, и потом, хочу напомнить, что мы летим внутри фрактального коридора, и всех свойств его пока не знаем, Андрей сегодня впервые мир остановил. Возможно, поэтому и твой сканер не сработал, и время полета как-то изменилось, и мы проскочили Карпатские горы раньше, чем ты ожидал!

– Ой, не знаю, не знаю, не спрашивайте ни о чем, мне ничего здесь не понятно, я с подобными вещами впервые сталкиваюсь, а всего непонятого пугаюсь!

– Эх ты, – мягко упрекнула его Аня, – такой большой, а пугаешься! Просто не смог с туманом справиться, и сам начал туман нагонять! Кстати, ты тут постоянно путешествуешь, что это за город такой? Нам-то с высоты это внове наблюдать!

– Кстати, – вмешался Андрей, – ты посмотри вокруг, Карпат и в помине нет, да и туман словно корова языком слизала!

И действительно, от горизонта до горизонта под ними простиралась равнина, разделенная на аккуратные квадратики пахотной земли, непосредственно под ними дымил своими трубами крупный город, а от сплошной пелены тумана не осталось и следа. То тут то там в черте города возвышались странные черные пирамидальные холмы-насыпи явно искусственного происхождения, рядом с некоторыми, из которых возвышались металлические конструкции-вышки.

– Это не Львов! – вдруг услышали ребята растерянный голос Ирудраны.

– Чего ты там? – оторвалась Аня от «иллюминатора».

– А то! Первым крупным промышленным центром после Трускавца у нас на пути должен быть Львов. А это, извиняюсь, совсем другое, это...

– Это Донецк, – вдруг подал голос Андрей, – ну конечно, где еще может быть такое количество тереконков, а некоторые места, мне кажется, я узнаю. Вон череда ставков, вон речка Кальмиус, вон филармония, вон площадь Артема!

– Чего, чего? – не поняла Аня.

– Да жил я в этом городе до семи лет, – объяснил Андрей, – в Ленинград мы только три года назад переехали. Конечно, с высоты я могу и перепутать, но у меня твердое ощущение, что это именно Донецк. Помню, когда я был совсем маленький, мы с бабушкой ездили в Ростов к родственникам, и я был очень удивлен, что, оказывается, есть города без тереконков, а она мне сказала, что тереконки, как раз, только в Донецке и стоят, и ничего в этом хорошего, от них только угольная пыль по всему городу, и от этого разнообразные легочные заболевания.

– Донецк и есть, – вмешался Ирудрана, – мне ли его не знать! Вся фишка в том, что мы вообще другим маршрутом должны были лететь, и как из горной Западной Украины сразу в степную Восточную переместились – совершенно не понятно, Донецк вообще в стороне должен был оказаться.

– Смотрите, смотрите, – Андрей с удивлением рассматривал город под собой, – машины движутся! Но ведь этого же не должно быть!

– Что, не должно быть? – Удивленно посмотрела на него Аня.

– Как что? Я же рассинхронизировал временные потоки, – весь мир относительно нашего фрактального тоннеля должен оставаться неподвижным! А тут машинки, фигурки людей движутся. Выходит, фрактальный тоннель исчез? Но почему, я не планировал его исчезновения!

Город под ними (летели они на высоте около километра) действительно отнюдь не казался спящим королевством: по улице довольно резво сновали машины, перемещались фигурки людей, а дым над трубами ТЭЦ и какими-то другими промышленными комплексами отнюдь не застыл в остановленном кадре, а, напротив, весело клубился над городом, ухудшая и без того безрадостную окружающую экологию.

Андрей недоуменно посмотрел на Аню:

– Но ведь этого не должно быть, из «вставки» я получил точные сведения, как останавливать мир и держать фрактальные экраны. Тем не менее, это перестало действовать, почему же вначале так легко все получилось?! А теперь, что ж выходит? Выходит, наши мамы проснулись и хватились нас, и, скорее всего, разыскивают по городу! Господи, они же теперь с ума сойдут! Надо возвращаться, не знаю, как твоя, а моя точно не перенесет, если я исчезну!

– Ты, главное, успокойся, – положила Аня руку на плечо Андрея, тем не менее, в глазах ее также была заметна тревога, – я внимательно за всем эти следила: до того, как мы вошли в туман, мир был остановлен и синхронизировался буквально несколько минут назад, когда мы вышли из тумана.

– Это еще не факт, – продолжал паниковать Андрей, – может, он синхронизировался сразу, как только мы в туман вышли, там это было невозможно проверить, а в тумане мы не меньше получаса летели!

– Не могу больше! – вдруг донеслось до их слуха со стороны головной части облака-динозавра, – срочно требуется отлить и разрядиться, иначе я перегреюсь... а, может, переохлажусь, не знаю, как правильно, у меня в такие минуты крыша едет!

– А что ж ты раньше... – укоризненно крикнула Аня, – и потом, о таких вещах заранее предупреждать надо!

– А раньше я бы рассинхронизирован с внешней средой, вы меня в самый, так сказать, интимный момент из Энрофа выдернули, хотя я, разумеется, как все нормальные стихии сразу в двух временах могу пребывать. Тем не менее, акцент был смещен.

– Наверное, – сказал Андрей, – то, что ему вдруг приспичило, тоже результат исчезновения фрактального тоннеля. До этого он от внешней среды был изолирован, а теперь на него вновь атмосферные физические законы стали действовать...

– Вы взлетите повыше и подождите, пока я разряджусь и лишнюю влагу сброшу, – продолжал Ирудрана, – а то все это в Энрофе будет происходить, как бы мне вас, ненароком, не шандарахнуть!

– Ну вот, то понос, то золотуха! – плаксивым голосом пожаловался Андрей, – только что выяснилась история с неожиданной синхронизацией, так еще и этот паршивец начинает из-под контроля выходить! А потом он скажет, что у него обстоятельства изменились, и ему вообще – в другую сторону.

– Надо, – сказала Аня, – снова срочно рассинхронизацию восстанавливать. В конце концов, даже у тебя одного это получилось, и все было в порядке, пока мы в этот туман не вляпались. Думаю, и теперь все получится. Ну, и если мамы наши, в самом худшем случае, нас минут сорок отыскать не могли, это еще не трагедия. Мы снова время для них остановим и, если все удачно сложится (по крайней мере, хотелось бы), то мы сможем вернуться еще до того, как они серьезный шум поднимут. Да и вообще, ты, вот, паникуешь, и даже не сообразил, что они эти сорок минут могли продолжать спать, тем более, мне кажется, что речь идет не о сорока минутах, а о последних нескольких, с того момента, как мы из тумана вышли...

– Кия!!! – вдруг услышали они громогласный оглушительный рык Ирудраны, и кресла под ребятами заходили ходуном, а в окошко «иллюминатора» было хорошо видно, как в стальную трубу какого-то завода с грохотом ударила молния, к счастью, не причинившая ей, как хорошему проводнику, никакого вреда. Ребята поняли, что дальнейшее пребывание на спине буйной стихии, объединившейся со своим гигантским водоносным телом, небезопасно, и резко взлетели вверх метров на пятьсот, затем, не сговариваясь, застыли в воздухе и уже совместными усилиями начали восстанавливать фрактальный коридор, рассинхронизированный во времени с остальным миром. Андрей вновь воспроизвел свое заклинание о спящем городе, Аня же начала ему вторить, и в этот момент в воздухе сами собой золотыми буквами стали вычерчиваться строки этого стихотворного заговора.

– Как ты это делаешь, – удивился Андрей, когда стихотворение отзвучало, а буквы остались висеть в воздухе, – у меня ничего подобного не происходило!

– У нас разная специфика, – сказала Аня, – у тебя акцент на времени, а у меня на пространстве, отсюда и зримые буквы. В конце концов, какая разница, главное, чтобы эффект был.

Эффект действительно не заставил себя долго ждать. Картина в виде тучи и города под ними зависла в неподвижности, затем Андрей, согласно со своей методикой, полученной

из чудесной «вставки», распространил коридор на тучу, и та ожила, вновь превратившись в динозаврообразную стихиаль Ирудрану, которая, как выяснилась, могла существовать одновременно в двух пространствах и временах.

– С вами все в порядке? – любезно осведомилась стихиаль, как ни в чем не бывало.

– С нами все О. кей, а вот с тобой как? – ответил Андрей, успокаиваясь, – больше не будешь фокусов выкидывать?

– Какие еще фокусы?! – фыркнул Ирудрана, – я всего лишь поступаю, согласно своей природе! Как только я синхронизируюсь с одним из своих физических тел, то бишь, с этой самой тучей, я думаю и поступаю, согласно ее природе, а как только вы акцент моего я перевели в иную плоскость, этих проблем для меня больше не существует. Так что, братцы мои, сами следите за ходом своей магии, я в данном случае существо подневольное.

– Ладно, объяснились, – успокоился Андрей, – с тем, что тебе вдруг приспичило, понятно, ты объясни, как мы вдруг сразу над Донецком оказались?

– Ой, не спрашивай! – вдруг взвыл динозавр, словно Андрей наступил ему на любимую мозоль, – ничего не знаю, ни о чем не ведаю! Вы тут всякие пространственно-временные протуберанцы устраиваете, а я – отвечай! Нет, уж, сами разбирайтесь, не моего ума это дело.

– Ладно, ладно, успокойся, – вступила в разговор Аня, видя, что Ирудрана вновь начинает впадать в истерику, вызванную какими-то запрещенными вопросами Андрея, – мы не знали, что этот вопрос тебе тоже нельзя задавать. Ты, лучше, скажи, мы летим или как?

– Конечно, летим, – сразу успокоился бывший динозавр, – я тебе обещал и мое слово твердое, надо только маршрут откорректировать.

Ирудрана что-то забормотал, затем произошел краткий разговор с кем-то невидимым.

– Все в порядке, Зунгуф в курсе, – сообщил он после этого, – летим на Алтай, вектор – на Белокуруху откорректирован, все под контролем.

– Ребята спустились на кресла, вновь возникшие перед любезно предоставленными иллюминаторами, и путешествие возобновилось. Вскоре центр донецкого угольного бассейна, неподвижно застывший после магических манипуляций Ани и Андрея исчез за кормой воздушного судна. Вновь под ними проплывали разлинованные геодезическими линиями просторы, где в царство правильных геометрических фигур некоторое разнообразие вносили причудливые изогнутые ленты рек, которых в тех местах было немного. Около получаса они молча летели над однообразным равнинным ландшафтом, и Андрея стало клонить в сон, после всех этих чудес и переживаний последних суток, столь радикальным образом перевернувших его жизнь. Затихла и Аня, очевидно и ее напряженное возбуждение начало сменяться сонливым ступором: в конце концов, даже чудеса, если их приходится слишком много на единицу времени, приедаются и начинают казаться обыденностью.

«Кажется, я засыпаю, – подумал Андрей, – никогда не думал, что так быстро привыкну к тому, что здесь происходит. Лечу на облаке... ну, не важно, что это не совсем облако, а стихиаль, можно сказать, живое существо, и мне это даже начинает немного наскучивать. Сейчас засну, а когда проснусь, то выяснится, что никуда я не лечу, никакое это не облако, а моя кровать, и нет никакой Ани Ромашовой, и, соответственно нет никаких моих чудесных способностей. И не надо лететь, исполнять какую-то неведомую миссию по спасению человечества от неведомо чего. Все это так похоже на сон. Вот только, не загрызет ли меня потом тоска? Не постигнет ли жесточайшее разочарование, что чудо оказалось всего лишь чрезвычайно ярким и правдоподобным сновидением. Хотя, не помню, чтобы во сне на меня дрема наваливалась и я засыпал... засыпал...»

Андрей отключился и ему приснился сон, точно такой же правдоподобный и реалистичный, что и в прошлую ночь. Ему снилось, что он, совсем взрослый, летит на самолете (при этом знает, что летит на Алтай), на кресле рядом с ним похрапывает толстый красномордый дядька, а он, Андрей с отсутствующим видом смотрит в иллюминатор. Под ним постирается та же кар-

тина, которую он только что наблюдал через отверстие в живом облаке. Нет, не совсем такая же, во сне он летел гораздо выше и кучевые облака стелились где-то совсем далеко, у самой земли, и разноцветные прямоугольнички, и ленты рек, и зеркала озер были гораздо мельче, и в голове его рождались строки: «ромбики, квадратики, спичечные ёлочки». Нет, с самолета, конечно, никаких спичечных ёлочек уже не видно, это он так, для красного словца придумал, а вот с облака эти спичечные ёлочки можно было бы неплохо разглядеть. Ну и хорошо, что все ребята там, в другом салоне, по крайней мере, не на пустые разговоры время уходит, вон какое любопытное стихотворение вырисовывается...

В этот момент Андрей проснулся от сильного толчка, он открыл глаза, еще не понимая, где он – ему показалось, что самолет ухнул в большую воздушную яму – и выяснилось, что он по-прежнему сидит в огромном кресле, сооруженном из густого пара, рядом с ним тревожно оглядывается Аня, а до слуха доносятся ругательства Ирудраны.

– Ты чего, – крикнула Аня, очевидно очухавшаяся раньше Андрея, – опять что-то не так?

– А сама не видишь? Опять в тот же самый туман без дна вляпались! И откуда он в этих краях взялся! Сколько в этих краях ни путешествовал, никогда этой дряни здесь не было. Обычный, земной туман, – пожалуйста, а этот, он даже не из пара состоит, это словно бы результат распада материи. Смотрите ка, опять при сканировании под нами только туман, а земля, и все, что на ней, словно растворились!

Андрей попробовал сдвинуть точку сборки, что позволяло ему видеть окружающее на разных уровнях реальности, не используя при этом физическое зрение. Как ни странно, это не дало абсолютно ничего: ни под собой, ни над собой он ничего не увидел, кроме тумана, – ни физического, ни астрального мира, казалось, больше не существовало, только Аня поблизости, грозовая стихия под ногами, и ничего больше, ни земли, ни неба, ни солнца, ни звезд.

Андрей попытался проанализировать природу этого тумана с помощью своей чудесной вставки, которая, как вначале ему казалось, являлась генератором всезнания, – увы, и эта вставка не сумела дать ответ, возникло только впечатление, что раньше туман этот являлся чем-то иным, правда неясно, чем именно, а теперь все это полностью расформировалось, деструктировалось, лишилось самих понятий бытия и пространства. После первоначальной встряски, стало даже не ясно, летят они или стоят на месте, – ощущение движения полностью исчезло.

– Странно, – сказал Андрей, – такое чувство, что все вокруг – полное ничто. Как будто выхватили кусок обычного активного мира, перемололи в муку, вместе с пространством и временем, и так и оставили. Тем не менее, и ты, и я, и наш верный конь целы и невредимы, но такое впечатление, что, кроме нас, вокруг нет ничего: ни людей, ни земли, ни неба. Может, ты сможешь объяснить, что это такое?

– Аня, которая, очевидно, как и Андрей, всячески пыталась запустить свои паранормальные возможности, медленно покачала головой.

– Ничего не понимаю, одно представление в голову приходит: туман, который одновременно и «Ничто». По-моему наш фрактальный коридор здесь не причем, он нас только изолирует. Словно бы пространство и время лишь внутри нашего фрактального коридора, а вокруг – ничего.

– Эй, Ирудрана, – крикнула Аня, – что там по курсу?

– То же, что и везде, полное ничто, – отозвался Ирудрана.

– А как этот туман снова возник? Мы задремали, и не видели, как все произошло.

– Все, как в первый раз: появились какие-то клочья, которые и землю под брюхом, и небо над головой словно бы постепенно слизывать начали, не застилать, а именно слизывать, материю вокруг словно бы пропадать стала. Затем хорошо потрянуло, словно невидимую границу перешли, – и совсем все исчезло, один туман вокруг. Мне ли не знать туманов? Земные туманы живые, там есть и жизнь, и активность, не говоря о том, что они лишь ухудшают видимость,

а здесь – ничего: протоматерия, протей, антимир какой-то. Такое впечатление, что, если бы ни ваш фрактальный коридор, мы бы здесь сами растворились до состояния ничто, причем не только вы, но и я! Ох, не нравится мне все это, все больше и больше не нравится!

На некоторое время воцарилось тревожное молчание.

– Так, слава Богу, что-то снова появляться начинает, – донеслось до ребят.

И действительно, сначала слегка изменилась освещенность, а затем парное молоко тумана вновь пошло клочьями, и сквозь эти клочья проступила земля внизу и небо вверху. Под ними от горизонта до горизонта простирался огромный город, а от тумана не осталось даже воспоминаний: хоть они и вышли из него только-только, он исчез, словно дурной сон, словно быстро забывшееся воспоминание. А может, он возник только на короткое время? Андрей окинул взглядом развернувшуюся панораму, и сердце его вновь кольнуло острейшее узнавание: город перечерчивала почти пополам широкая лента полноводной реки с многочисленными лентами притоков, впадавшая в синюю, сильно изрезанную губу, переходящую в морскую гладь до самого горизонта к северо-западу. Сами кварталы города, особенно центральная его часть, казались знакомыми ему даже лучше, чем кварталы совсем недавно оставленного за бортом города его раннего детства, Донецка, – это, несомненно, был Ленинград. Ничем иным он просто не мог быть: вот Исаакий, вот стрелка Невского с полумесяцем Казанского собора, вот огромный комплекс Зимнего дворца... вот Медный всадник... вот Спас на крови... вот Михайловский дворец... вот Летний сад. Почему-то в сознании Андрея тут же появилась уверенность, что он видел и какой-то другой Летний сад, какой-то неправдоподобно-большой, и по нему он долгое время скакал на белом коне и кого-то преследовал. Откуда это? Он и на коне-то ни разу не сидел, не то, что галопом скакать! Опять – чужая память! В довершение описания, как и в загадочной истории с Донецком, город этот отнюдь не походил на спящее королевство: машины ездили, парходики плыли, фигурки людей двигались, думы из труб ТЭЦ и заводов поднимались к небу, либо стелились над городом, в общем, совместные усилия ребят дали тот же результат, что и индивидуальная магия Андрея: фрактальный коридор рассинхронизации вновь прекратил свое существование то ли в тумане, то ли при выходе из него. Наученные прежним опытом, ребята, не дожидаясь, когда Ирудрана выкажет желание избавиться от лишней влаги и электрических зарядов в своем физическом теле – грозовой туче, которая возникала, как только переставал действовать фрактальный коридор, – начали восстанавливать неподвижность окружающего мира, затем, когда он поменял свой цвет и освещенность, переглянулись.

– Ну, и как это понимать? – посмотрел Андрей на Аню, – снова загадочный туман, и снова мы оказались совсем не там, где должны были оказаться, согласно маршруту. Ну ладно, Донецк как-то еще можно объяснить, допустив, что сбились с пути в тумане, все же там не так далеко, хотя, по логике должны были быть сначала Львов и Киев, но Ленинград – это уже совсем из ряда вон! Мы же после Донецка, дай бог, всего полчаса летели, и если даже допустить, что с курса в тумане сбились, то в Питере при такой скорости никак не могли очутиться! Тем более, это такой зигзаг!

– Я думаю, – сказала Аня, – что-то с миром произошло! Не случайно возникла срочная необходимость в нашей особой миссии. Я ведь не выдумала ничего, и тут вовсе не моя блажь, как ты, по-видимому, до сих пор считаешь. Это прямое указание... ну, скажем, из Центра... или из Космоса... или от Господа Бога. Похоже, дело действительно не терпит отлагательства. Мне кажется, зоны тумана – это зоны какой-то деструкции материи, вплоть до исчезновения или искажения пространства-времени. В результате в зоне тумана мы как бы выскакиваем из мира, а затем вновь в него возвращаемся, но совсем не в то место, где мы должны, согласно маршруту, оказаться. Пространство словно бы съедается, и мы сразу перескакиваем. Кажется, физики называют это явление (до сего момента чисто теоретическое) «кротовыми дырами». Вот, правда, почему сначала Донецк, а потом Ленинград – пока не ясно.

– Так что же получается, – Андрей в страхе огляделся вокруг, – значит огромные участки планеты, вместе с лесами, полями, городами и людьми взяли и исчезли?!

– Можно и так себе это представить, но интуиция подсказывает мне (разумеется, без объяснений), что, к счастью, это не совсем так. Словно бы эти зоны исчезновения пространства-времени только для нас с тобой реальны, возможно, и еще для кого-то продвинутого, но в дальнейшем в эту картину будет вовлекаться все большее и большее количество людей, пока, после перехода некой критической массы, это не станет всеобщей реальностью...

– Ты хочешь сказать, – задумчиво произнес Андрей, – что люди, оказавшиеся в зоне тумана ничего необычного не видят и не чувствуют? Но ведь мы-то вполне реально ощутили эффект этого «поглощения», мы же действительно перепрыгнули Бог знает куда!

– Не знаю, как это объяснить понятнее, это мне сейчас надиктовывают оттуда, – показала Аня пальцем наверх, – и я сама не анализирую информацию. На основе того мировоззрения, с которым ты проснулся два дня назад, тебе должно быть известно, что мир, в том виде, в котором все его знают и ощущают, реален не абсолютно, это как бы ДОГОВОР сознаний всего человечества, и если условия договора изменятся, то изменится и реальность. А как она будет выглядеть в этом случае, никто не знает. Но дело в том, что на первом этапе изменения ДОГОВОРА и, соответственно, изменения картины реальности, новый образ мира может стать реальным лишь для небольшого круга сознаний, которые не только будут видеть его иначе, но и станут существовать по новым законам, в то время, когда остальные будут воспринимать его еще по-старому. Но, как только количество этих, воспринимающих по-другому людей дорастет до критической массы, то новая реальность станет реальностью для всех. Это можно сравнить с эффектом перенасыщенного раствора: в такой-то момент достаточно маленькой крупницы, чтобы началось массовое выпадение кристаллов.

– Или эффект сотой обезьяны, – усмехнулся Андрей. – Я знаю об одном эксперименте японцев (похоже, эта информация также пришла из «вставки»), что как только сто обезьян на небольшом острове научилась мыть сладкий батат, как сразу все обезьяны этого острова также начали это делать, хотя им никто ничего не показывал. Ну, ясно, о чем-то подобном и Кастанеда писал. Значит, ты все же думаешь, что с точки зрения всего человечества глобальной катастрофы не произошло?

– Мне передают, что пока нет, но может произойти... если мы не сделаем того, ради чего летим на Алтай. И еще, я сейчас ощутила, что в Провиденциальном плане намечилось что-то вроде бифуркации, хотя в мире это еще не проявилось, и сейчас именно от нас, двух потомков Меровингов, зависит то, по какому пути будет разворачиваться сценарий: по пути Светлых или по пути Темных... ты знаешь, мне диктуют, что есть еще какая-то третья сила, хотя совершенно не понятно, что это такое...

– Ладно, – сказал Андрей, – не будем ломать голову, думаю, со временем придут ответы и на эти вопросы. Меня сейчас больше мучает другой вопрос, почему именно на нас с тобой возложили такую миссию, неужели более достойных претендентов не нашлось? Ты скажешь, именно для этого какие-то Высшие сущности наделили нас столь необычайными способностями. Но почему именно нас?

– Ты знаешь, – сказала Аня, мне кажется объяснение такое: если в сплошной толпе подбросить камень, то он обязательно упадет на чью-то голову, и почему именно на Иванова, а не на Сидорова, никто не знает. Образ идет такой: почему-то именно мы с тобой стали тем конкретным ключом, который может открыть именно ту, конкретную дверь. Если бы была другая дверь, был бы и другой ключ. Ничего более конкретного сказать не могу, так на данный момент выпали карты судьбы.

– Все ясно, – вздохнул Андрей, – не ясно только, что это за дверь такая, и как этот ключ поворачивать, если уж другие ключи не подходят. А впрочем, я не настаиваю, если не можешь сказать, то не говори. По крайней мере, я убедился, что действительно в мире происходит что-

то зловещее, и это мне все больше и больше не нравится. Но ты мне скажи, что теперь делать, если нас занесло в район Ленинграда?

– Думаю, Ирудрана с Зунгуфом вновь откорректируют маршрут, и мы полетим дальше.

– Ну и что, они уже один раз корректировали, и в результате мы очутились над Питером. А если в следующий раз мы окажемся над Нью-Йорком или над Токио? Или вообще над Северным полюсом? Если мы оказываемся там, где, согласно маршруту и времени полета, мы вообще не должны оказаться, то где гарантия, что мы вообще долетим когда-нибудь до этой Белокурихи? Если мы по идее все время должны лететь на юго-восток, а оказываемся то на юге, то на севере?

– Конечно, гарантий никаких, – вздохнула Аня, – но думаю, Силы Света, которые и сподвигли нас на выполнение Миссии, не допустят такого развития сценария.

– Сценарий, сценарий, – пробормотал Андрей, – где-то это слово повторяли постоянно, и оно носило какой-то иной смысл. Но это тоже из другой жизни. Ладно, что нам Ирудрана скажет, может он вообще откажется лететь, если каждый раз не ясно, куда мы летим, и долетим ли. Может, Алтай теперь вообще на карте нет! А вдруг в этом месте такой же, аннигилирующий пространство и время, туман, пусть даже только в нашем восприятии, если верно то, что ты говоришь!

– Дело в том, – сказала Аня, – что именно это место останется в неприкосновенности даже в том случае, если туман поглотит весь земной шар. А почему, как и многое другое, сказать не могу, когда-нибудь сам узнаешь. А об Ирудране, думаю, волноваться не стоит, в настоящее время его отпустили муки совести, и он будет делать все, о чем я попрошу, лишь бы они не вернулись снова. Эй, Ирудрана, – крикнула она в головную часть тучи, – снова казус получился, что думаешь дальше делать?

– А я откуда знаю? – отозвался Ирудрана, – это вы мне должны сказать, что делать, если вы заказчики и такие умные! А поскольку я, можно сказать, астральная туча, то мне все равно куда лететь. Конечно, можно снова попросить Зунгуфа маршрут скорректировать, но где гарантия, что окажемся там, куда лететь наметили?

– Ну, возможно, этот туман все же последний, – сказала Аня, однако в голосе ее все же не было уверенности.

– Что-то мне подсказывает, что не последний, – уловил Ирудрана ее настроение, – где гарантия, что вообще прилетим? Хотя, как я сказал, туче все равно, куда лететь, и ветру все равно, куда дуть, так что будем лететь столько, сколько скажешь. Главное, чтобы вам самим не надоело.

– Ну, и славно, – сказала Аня, – будем лететь, сколько потребуется, а то, что мы когда-нибудь долетим, я не сомневаюсь, иначе бы Силы Света не возложили на нас эту Провиденциальную Миссию. В крайнем случае, если снова не там окажемся, возможно, какая-то закономерность выяснится, пока слишком мало информации. Ну и потом, мы все-таки хоть и зигзагами летим, однако же, к Алтаю приближаемся, а не удаляемся... пока.

– Хоть это утешает, – отозвался Ирудрана, – сами-то можете объяснить, что это за явление природы такое?

– Объяснить – вряд ли, – взял на себя физическую сторону вопроса Андрей, а вот назвать этот феномен, наверное, можно. Очевидно, по некоторой причине, возникает разорванность доселе недискретного пространственного поля, и, попадая в эту щель, в дальнейшем оказываешься не там, где должен оказаться. Вопрос в том, почему именно сначала над Донецком, потом над Питером? Вот это пока не ясно, слишком мала статистика, но думаю, что это вопрос случайных чисел, в этом случае, почему выпадает то или иное число, предсказать невозможно. А может, все и по-другому объясняется...

– Ладно, – проворчал Ирудрана, – будем снова маршрут корректировать. Эй, Зунгуф...

– Знаешь, – сказал Андрей мечтательно, пока Ирудрана с Зунгуфом обсуждали создавшееся положение, – я бы сейчас с удовольствием домой слетал, посмотрел, как там дома дела, соскучился уже, ведь почти все лето в этом захолустье проторчал. Прошелся бы по Невскому, по Фонтанке... или нет, лучше в где-нибудь в своем районе.

– А тебе не будет неприятно ходить среди этого спящего королевства? – посмотрела на него Аня, – увидеть своих родных в виде застывших статуй?

– Ну, во-первых, они будут еще спать, если, конечно, время везде одинаково остановилось. А это не так тяжело наблюдать, спят, себе, и спят, словно в обычном мире. А что касается всего остального города, то даже интересно, мы до сего момента остановленный мир видели только в наших комнатах, да в саду, а тут – совсем другой масштаб. А потом, в этом состоянии можно зайти куда угодно, куда раньше не мог зайти...

– Конечно, – в тон ему продолжила Аня, – например, в ювелирный магазин, распространить фрактальный тоннель на прилавки и набить полные карманы золотыми украшениями... или, допустим, в банк, и набрать денег сколько вздумается...

– Да ты чего? – вытаращился на нее Андрей, – серьезно, что ли? – тут он поймал себя на том, что подобная мыслишка, таки, забралась в его сознание, разумеется, это была всего лишь фантазия, никогда бы его совесть не позволила сделать ничего подобного... ну, разве что, как эксперимент, совсем немного! Нет, нет, это – соблазн, в конце концов, у любого бы возникла подобная мысль, окажись он в аналогичной невероятной ситуации, и это искушение дьяволом он бы, несомненно, преодолел... Иисуса, вон, дьявол тоже искушал. Нет, если именно его Силы Света назначили на роль Спасителя, он должен даже в мыслях своих быть непогрешим! – ни о чем таком я и не думал, – закончил он фразу, правда, не очень уверенно.

– Не думал, так не думал, – усмехнулась Аня, – нет, Андрюша, мне кажется, сейчас не время отвлекаться, а то мне тоже захочется в Москву слетать, посмотреть, как у нас дома дела.

– А что, – сказал Андрей, – если мы все равно в другом, своем времени путешествуем, то, какая разница, мир-то все равно для нас остановлен. Значит, ничего с ним за доли секунды его собственного времени не может произойти, и торопиться нам, особенно, некуда. Так что, если тебе вдруг домой захочется слетать, так что ж тут такого, я не возражаю. Правда, если лететь по прямой до Алтая, то Москва несколько в стороне оказывается, но, учитывая сюрпризы последнего часа полета, почему бы нам и над Москвой не очутиться? Собственно, как и над любым другим городом...

– Нет, ты серьезно насчет высадки? – перестала улыбаться Аня.

– А что, для внешнего времени наша экскурсия в 15—20 минут вообще неуловимая доля времени, если мы даже движение молнии восприняли как движение улитки. Кстати, я бы хотел показать тебе свой район, свой дом, свою квартиру и школу, мне давно уже размяться хочется, засиделся я в паровом кресле. Для Ирудраны доставить нас в мой район – секундное дело, это на Пискаревском проспекте, в районе больницы имени Мечникова и молокозавода. Еще там поблизости Пискаревское кладбище и железная дорога, так что, думаю, ориентиров – достаточно. Отсюда уже хорошо Охтинский мост проглядывается, такой двухэтажный, цельнометаллический, а там уже совсем недалеко.

Ну, хорошо, давай слетаем, – неуверенно сказала Аня, – действительно, для внешнего времени это ничтожная задержка. В конце концов, если уж мы, сами того не ожидая, над Ленинградом оказались... эй, Ирудрана, – крикнула Аня в головную часть, – ты не мог бы переместиться туда, за Охтинский мост, Андрей тебе покажет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.